Бомж. Псевдо-научно-фантастический рассказ обо всём понемногу

Svat

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта история произошла (или могла произойти; а может ещё и произойдёт, кто знает?) с одним жителем Москвы, сисадмином по профессии, музыкантом по призванию, и который… Впрочем, лучше прочитать обо всём самому.

Предупреждение: прочтение может вызвать негативные эмоции; в избытке присутствуют ругательства.

Все события, имена, места и названия являются абсолютно вымышленными. Любые совпадения исключены.

- Svat
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

- 32
- 33
- 34
- 35

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

Svat
Бомж
Псевдо-научно-фантастический рассказ обо всём понемногу

Никогда не разговаривайте с неизвестными.

М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Разговаривайте, не разговаривайте — это ни на что не повлияет.

Жизненный опыт

1

Был один из тех летних вечеров, что словно сошли с первых страниц романа «Мастер и Маргарита» — жаркий, томный, и в тоже время полный какого-то невыразимого трагизма. Обычный летний московский вечер.

В такие вечера особенно остро отчего-то тоскует душа, но сердце жаждет чтобы этот вечер длился бесконечно. Не хочется ни прохлады ночи с её беспокойным сном, то и дело прерываемым жужжанием мотоциклов или пьяными криками припозднившихся гуляк, ни следующего утра, дразнящего ароматом кофе, ни нового дня с его опостылевшей суетой…

Уже дней десять не было дождя. Солнце весь день пекло что есть мочи, и лишь под вечер, устав и закатившись за спины домов, уступало место слабому ветерку, который хоть немного охлаждал раскалённый асфальт и измождённых за день жарой городских обитателей.

В такой вечер грех торопиться заключить себя в бетонной камере-одиночке, даже и оснащённой кондиционером. Так и тянет хоть немного задержаться перед спуском в глубину пропотевшего метро, посидеть на лавке в ближайшем скверике, прихлёбывая тёплое выдохшееся пиво, или неспешно гулять, поедая фруктовое мороженное.

Игорь выбрал первое. Купив в ближайшем ларьке пару банок Гиннеса, он устроился на одной из немногих пустовавших в этот час лавочек. Ему не хотелось чтобы его уединение, довольно условное, нарушил хоть кто-нибудь. Он давно привык быть один, даже в переполненном, гудящим как улей офисе, или как сейчас, в сквере, который находился между его работой и ближайшей станцией метро.

Он открыл банку. Та с шипением исторгла из себя небольшое количество коричневатой пены. Игорь наморщился.

— Двадцать первый век на дворе, а ларьки с холодильником всё так же редки как и в двадцатые годы века минувшего, — по-философски высокопарно проворчал он себе под нос. Потом сделал глоток и скривился ещё сильнее.

— За продажу тёплого Гиннеса надо расстреливать на месте. Лучше б уж Пепси купил что ли, та хоть сладкая.

Влив в себя через силу, (не выбрасывать же, пиво всё-таки дорогое!), ещё немного отвратной тёплой жижи, Игорь, недовольно икнув, закурил.

После пары затяжек стало немного легче. Всё равно такая мелочь как тёплое пиво не могла испортить его настроение ещё

больше. Больше было просто некуда.

На работе полный швах, того гляди отдел сократят. Лариска с сестрой умотала в Египет, а тут ещё эта чёртова жара…

— Осталось только Воланда повстречать, чтоб он мне напророчил скорый срез башки трамваем, как тому горемыке Берлиозу,[1] — продолжал ворчать себе под нос Игорь.

— А что? Обстановка, как говорится, располагает. Только трамваи тут рядом не ездят, а так всё сходится — и жаркий вечер, и сквер, и тёплое пойло, будь оно неладно. Зато трамваи есть прямо возле моего дома. Так что голова с плеч, и свежий жмурик — в печь! Нормальный такой финал, да. Ну, мессир, где же Вы?

Игорь с недовольной ухмылкой на лице стал оглядываться по сторонам, рассматривая прохожих. Первая банка противного горького пива уже была преодолена чуть больше чем наполовину, и он чувствовал слабые волны охмеления. Настроение не улучшилось, зато появился какой-то азарт фаталиста, что иногда бывал у него спьяну.

Но нигде не было видно ни Воланда, ни кого-либо из его свиты. Разве что кот, под скамейкой напротив, торопливо поедал сосиску из брошенного кем-то недоеденного хот-дога, и искоса поглядывал в сторону Игоря. Вполне себе обычный кот, даже не чёрный, он никак не походил на того Кота из романа. А в остальном — просто прохожие. Разноцветная, разношёрстная масса индивидуумов. Кто-то как и Игорь, заправлялся напитками, оттягивая возвращение домой после работы, мамаши с колясками и вечными мобильниками возле уха, влюблённые парочки, шумная молодёжь. Кто-то неспешно проходит мимо, кто-то сидит на лавочке. Обычный пейзаж вечернего городского лета.

— М-да, никакой мистики. Сплошная банальщина. — разочарованно пробурчал Игорь, закуривая очередную сигарету.

— И чего меня на булгаковщину опять потянуло? — подумал он, — Вот с работы выкинут, время появится, обязательно перечитаю «Мастера».

Игорь любил эту книгу. Как, впрочем, и другие. О мистике, или лучше сказать — о тайном. Или нет! О смысле бытия, о том что не видно за повседневной суетой, или даже лучше сказать, о чём некогда задуматься, поразмыслить — вечные вопросы «кто мы? откуда? зачем?». «Бред старого романтика» — как иногда шутил сам Игорь.

«Вы, мужики, как большие дети, — парировала обычно Лариска — Нет бы думал о насущном. О деньгах. О семье, наконец. Так нет! Он всё в облаках витает!» — вздыхала она.

Игорь сплюнул, выматерившись вполголоса, отчего несколько голов на соседних лавочках обернулись в его сторону.

«Витает в облаках, — подумал он, — Меня ещё в школе выбешивала эта формулировочка. Нет, блин! Как вы, всю жизнь буду смотреть под ноги в поисках подножного же корма! Хрена с два!.. И так все свои мечты пустил под хвост, пытаясь соответствовать вашим стандартам — учёба, карьера. А тут ещё Лариса с созданием семьи торопит, — он отхлебнул ещё пива, — Мечтал писать музыку. Да и вроде неплохо получалось. А теперь вот с этой работой, когда я в последний раз свой синт[2] из шкафа доставал, а?! Где мои нотные тетради, где блокнот со стихами?! Лорка выкинула разбирая антресоли, думала, видите ли, что это старый школьный мусор. Сука!» — последнее слово он произнёс вслух, чем снова привлёк недовольное внимание окружающих.

«Лариска, — подумал Игорь, — Ну зачем ты мне такая? Ведь мечтал всю жизнь о любви, большой и настоящей. И нате вам. Получил. Любовь до гроба, а по воскресеньям — „Ашан“. Или „Икеа“. Интересно, Ромео с Джульеттой ездили в „Ашан“ по воскресеньям? А, ну да, они же умерли. Повезло им» — скривился Игорь, сминая пустую банку из-под Гиннеса. Потом швырнул мятую жестянку в урну, что была метрах в двух от него. Та, срикошетив от грязно-зелёного бока урны, звонко шмякнулась на асфальт.

— Молодой человек, вы в общественном месте, а не в пивной! Дымите, распиваете тут понимаешь, сквернословите, да ещё и мусорите! — проблеял старичок на соседней лавке, нервно зашуршав своей газетой.

— Отелло промахнулся! — осклабился в ответ Игорь, — Экскюзе муа[3] нах!

Старичок, гневно блеснув очками, вернулся к своей газете. Конфликт был исчерпан.

— Старый козёл, блин! — еле слышно проворчал Игорь, отвернувшись от старичка, — Нашёл молодого человека! Мне уж сороковник почти, дедуля! Хотя в сравнении с тобой и Ленин молодой. Господи, когда ж я сдохну?!

Игорь сгорбился и зарылся лицом в кулаки. Он часто так делал, когда на душе становилось особенно погано. Последнее время всё чаще и чаще. Слишком часто.

На ум пришли строки из какого-то древнего стиха, который ему прислала Лорка в Фейсбук, когда они только начали встречаться:

> Но сколько б ни прожил ещё на свете,
> Суть поменяется от этого едва.
> Надеюсь, этот день рожденья был последним.
> …Мне тридцать девять, или всё же сорок два?

Игорь вспомнил свой последний день рождения. Хотя вспоминать было особенно нечего. Лариска купила каких-то салатов и пару бутылок недорогого вина. Она вообще-то неплохо готовила, но проторчав полдня в парикмахерской, не стала обременять себя кухней в день рождения любимого сожителя. Зато мама привезла шикарный торт, который сама испекла.

Потом зашли в гости соседи — семейная пара Толик и Марина. Так и просидели весь вечер впятером. Были тосты, здравицы, звонки с поздравлениями. Всё как обычно, всё как у всех. Правда, Игорь с Толиком, отлучившись под благовидным предлогом из дому, купили и тут же выпили в подъезде водки в пластмассовых стаканчиках, отчего Игорю весь вечер было не по себе. Но это мелочь, невинная шалость старых приятелей.

— Так, надо матери позвонить, — чуть придя в себя, подумал Игорь, и полез в карман пиджака за мобильником.

— Алло, мам, привет!

— Привет, Игорёк! Сама уж хотела тебе набрать, да подумала, ты всё ещё на работе сидишь. Как дела? Когда Лариса возвращается? — голос матери, как всегда, искрился добротой.

— Да не, мамуль, сегодня пораньше сбежал, — с напускной беззаботностью ответил Игорь, — решил немного в скверике посидеть, скоро домой поеду. Лариса, вроде, через полторы недели вернётся, точно не знаю. Она потом позвонит, скажет. И если честно, пусть подольше там побудет, хочу от неё отдохнуть. Да пусть хоть совсем не приезжает! — добавил он раздражённо.

— О как!

— Да! Она мне перед отъездом опять все мозги вынесла. Ну и я в долгу не остался. В общем как-то так.

— Ничего, помиритесь, у всех бывает, — ободряюще отозвалась мама.

— Да достала, не могу больше, — Игорь всё больше заводился, — Всё время в чём-то виноват. Сейчас вот «почему не мог с ней поехать?». А кто мне отпуск-то даст? Да и в гробу я видал этот Египет. Не выношу жару. Но её это не волнует.

— Ну а что, одному лучше? Тридцать девять, а семьи нет, детей. Что за молодёжь нынче пошла? — в голосе матери послышались нотки упрёка.

— Молодёжь, мам, которой надо жилы рвать, чтоб тупо с голоду не сдохнуть. Какие уж тут дети, если я без пяти минут безработный? Чую, скоро разгонят нашу гоп-компанию. И что тогда? Идти на рынок компами[4] торговать? Да и шиш там чего заработаешь, плавали, знаем. — ответил Игорь, пытаясь подавить

нахлынувшее отчаяние.

— Да ты мужик, Игорь, в конце концов или нет? Что ты всё…

— Да, мам, мужик. Мужик блин. Живой. Из плоти и крови. А не Терминатор,[5] который не ест, не спит, и у которого ни черта не болит. И которому никогда не бывает ни грустно, ни одиноко.

— Ладно, сынок, не заводись. Я всё понимаю. Но как-то надо жить.

— Надо, мам. Только вот зачем? Какой смысл жить? Для чего?

— Ну, начинается…

— Да, правда, давай не будем. И так тошно. Ты-то там как? — Игорь попытался перевести разговор в доброжелательное русло. Всё-таки негоже ругаться с матерью.

— А у меня всегда всё хорошо. Лето, дача, огород. Благодать! Устану, так телевизор посмотрю. Ты бы приехал ко мне на выходные, а?

— Ой, мамуль, не обещаю. Хочу выспаться. И по синтезатору соскучился.

— Опять он свой синтезатор. Да продал бы его уже! Вон Ларочка жалуется, что у вас стиралка старая. Продай ты свою балалайку, добавьте денег и купите «Электролюкс», или лучше «Самсунг», как у Марины с Толиком, помнишь они нахваливали? Тебе о хозяйстве думать надо, а не мечтать. Хватит витать в облаках!

У Игоря щёлкнуло в голове. Мама, ну зачем ты опять сказала эту ненавистную фразу? Ну за что ты меня так? Сколько можно вот так вот втаптывать осколки моей мечты в грязь?

Игорь собрал в кулак остатки силы воли чтобы не сорваться с катушек, и нарочито медленно произнёс в трубку:

— Вообще-то, мама, у меня не балалайка, а Корг Кронос Экс со всеми расширениями. Фирменный кофр и подставка под два инструмента. Всё это стоит гораздо дороже, чем даже три ваши «стиралки», — он чеканил каждое слово как на параде. — Но я тебе больше скажу. Я хочу ещё прикупить Эксесс Вирус или Норд Лид — это тоже синтезаторы, мама. И тоже очень дорогие, — Игорь перевёл дыхание.

Мама на другом конце виртуального провода молчала. Их обычные споры по поводу музыки, роли мужчины в хозяйстве, и витания в облаках заканчивались всегда примерно одинаково.

— И зачем? — почти равнодушно спросила она, в который раз примиряясь с сыновней упёртостью.

— А затем, — продолжал чеканить слова Игорь, — что должно быть в этой жизни хоть что-то для души, а не только для желудка или кошелька, — И немного подумав, добавил:

— Вот вы меня с Лоркой всё достаёте: дети, дети. Как, мол, хорошо. А что я этому ребёнку дам? Ну там, еда, одежда, школа — это всё понятно. А вот в жизненном, духовном плане? Тоже буду его с детства настропалять — «родись, учись, женись, работай, сдохни»?

— Игорёк, ну у тебя всё крайности. — примирительно прощебетала мама.

— Ой, ладно, мам. Как обычно разговор зашёл куда-то не туда. Просто позвонил узнать, как ты. А по итогу только испортил тебе настроение. Ты прости меня, идиота. Но такой уж я.

— Я не обижаюсь, сынок, — как-то отстраненно ответила мама. И чуть помолчав, добавила:

— Я всё понимаю. И Лариса понимает. Да только и ты пойми — такова природа женщин. Мы — земные, и нас только земное и волнует. Устроены мы так. А вы, мужики — создания небесные, вас всю жизнь в небо тянет. Хоть в мечтах. А мы вас — за шкирку, да на грешную землю. Подрезаем вам крылышки, — она грустно усмехнулась, — Вот вы и превращаетесь со временем из мечтателей и покорителей в скучных зануд с пивным брюшком. А нам и то хорошо — лишь бы по хозяйству, лишь бы копейку в дом. А потом и самим с таким жить становится скучно. Так вот, сынок, жизнь-то устроена.

Игорь молча выслушал её монолог. Не ожидал он от матери услышать подобное. От кого угодно, но только не от неё.

— Ладно, мамуль, давай не будем о грустном. Мне уже пора бежать в метро, дома ещё куча дел. Давай я тебе ещё попозже наберу, если не поздно. Или завтра с утра?

— Хорошо, Игорёк. Если не поздно. — ответила мама и отключилась.

«Если не поздно». От этой фразы, от интонации, с которой мама её произнесла, у Игоря похолодело внутри. Да ещё этот мамин монолог о женской и мужской природе. О небе, крыльях, и грешной земле.

— Если не поздно — медленно повторил вслух Игорь, и уже про себя подумал: «Мама это произнесла так, как будто завтра никогда не настанет, как будто сегодня — это всё, что у нас осталось, да и то закончится через несколько часов. И правда, булгаковщина в чистом виде. „Аннушка уже разлила масло“. Будущее предрешено. Уже ничто не изменить. Мистика.»

Но Игоря эта мистика уже так не забавляла, как несколько десятков минут назад. Наоборот, в его сердце вонзилась тонкая холодная игла.

2

— А, к хренам собачьим такие мысли! — подумал Игорь, отгоняя набежавшую тоску, и с хлопком открывая вторую банку Гиннеса.

— Сейчас быстренько вылью в себя этот гуталин, и аллюром к метро.

А то ишь — расслабился, разнюнился как кисейная барышня. В конце концов, потеря работы — ещё не конец света. Найду получше. Или на те же деньги, но с меньшей занятостью. Глядишь, для музыки времечко выкраиваться будет.

А Лариска… Ну, вольному воля, как говорится. Знала ведь, с кем связывалась. Барышня видная, найдёт себе более подходящего. Семьянина прирожденного, блин. А не раздолбая-музыканта-недоучку-сисадмина[6].

Как поется в песне — «И если есть в кармане пачка сигарет…».[7] Кстати, блин! Сигареты! — он полез в карман и достал мятую пачку Кэптэн Блэк, — Последняя! Да что ж за непруха такая! Ладно, у метро куплю.

Игорь в несколько глотков осушил почти полбанки пива, уже почти не морщась, но и без малейшего наслаждения.

— Всё-таки, — подумал он, — тёплый Гиннес лучше тёплого «Очковского», ха-ха! — он определённо захмелел. Да и недавний наплыв дурных предчувствий сдуло словно ветром.

Он собрался уходить, решив, что допьёт пиво по дороге к метро, заодно и прикончит последнюю сигарету. Поставив недопитую банку рядом с собой на лавочку, он торопливо разглаживал пиджак на коленях.

— Так-с! Мобильник — не забыть убрать в карман, а то ещё оставлю на лавке. Нет уж, не видать сегодня такого бонуса местным дворникам! — деловито бормотал Игорь себе под нос, — Сигарета, зажигалка? Вижу.

Пачку в урну, сигарету в рот, зажигалку в руку. А, сперва сумку с ноутом[8] отряхнуть. Зря на землю поставил, испачкал, да и спереть могли.

Он встал, перекинул пиджак через руку, потянулся к недопитой банке Гиннеса, как вновь почуял холодную иглу в сердце. Что-то заставило его обернуться.

Вроде всё то же самое — аллея, лавочки, прохожие.

Прохожие. Игорь медленно сел на место и повернул голову направо, туда откуда пришёл сам не более часа назад.

Среди всё той же разношерстной публики, вяло прохаживающейся взад и вперёд по алле скверика, мигом

протрезвевший взгляд Игоря отчётливо различил человека, с виду не отличавшегося от остальных, но всё же выделявшегося на их фоне непонятным Игорю контрастом.

Обычный, казалось бы, человек. Среднего роста, средних лет, короткая причёска, в обычной одежде: чёрные джинсы, чёрная майка с длинным рукавом, простые чёрные кроссовки.

Весь в чёрном. Летом, в жару. Странно? Не особо. Многие так одевались, предпочитая нелепый китч телесному комфорту. Игорь этого не понимал, хотя и признавал, что некоторый шарм в этом, возможно, есть.

Лицо? Да обычное лицо, может быть по-мужски и красивое, но точно не смазливое. Игорь мало что понимал в мужской красоте, ибо не той ориентации, да и сам в общем-то красавцем не был, хотя и уродом тоже вроде как не слыл.

И всё же какая-то деталь, ускользавшая от Игоря, в незнакомце определённо была, заставляя смотреть на него не отрываясь.

Взгляд? Рассеянный. Глаза? Невыразительные. Не похож он ни на киноактёра, ни на маньяка, ни на человека, которого Игорь раньше мог бы где-то случайно встретить, и теперь пытаться вспомнить — где.

— Нет. Я этого кренделя раньше не встречал, это сто пудов, — соображал Игорь напряжённо, — У меня зрительная память тьфу-тьфу. Ну, блин! Может, на фото? Бывший Ларискин ухажёр? Да не, того я смутно помню, на фотках мельком видел.

— Вот оно! Что у этого барбоса в руке? Интересно-интересно! — оживился Игорь, — И как я раньше не просёк? Невнимательность. Нефиг жрать тёплый Гиннес в жару, ха-ха!

У незнакомца в руках была игрушка. Или нет — сувенир. Чёрт его знает что это. Просто два шарика, металлических. Нет, на вид слишком лёгкие. Наверное просто пластик с напылением, эка невидаль! По размеру — да как от пинг-понга. Нет, поменьше.

— Ладно, ближе подойдёт, тогда лучше рассмотрю эти его фиговины, — подумал Игорь.

И всё же странная игрушка. Шарики как будто ничего не весили. Было полное ощущение, что когда сей господин подбрасывал их на своей ладони — то поочерёдно, то оба сразу — шарики двигались так, как будто земное притяжение на них почти не действует, как бы зависая на некоторое время в воздухе.

— Как астронавты на Луне, — сделал заключение Игорь, — Похожи на те шары, что используют всякие буддисты-каратисты в своих медитациях.

Ну или подобная хрень. По ящику видел. Но эти явно поменьше в диаметре.

И наверное у них там внутри магниты или гироскопы.[9]

— Точно, блин, гироскопы! — победно прокричал Игорь внутри собственной головы, — Сколько я подобной лабуды видел на роликах в Инете![10] Там какие-то придурки демонстрировали эти маленькие гибриды детской юлы и маховичков, пытаясь опровергнуть к чёрту всю Ньютонову механику вместе с Законом всемирного тяготения. Один даже, раскрутив такой гироскоп, запихнул его в картонную коробочку, и та ползала по столу на ребре. Чудеса да и только. Особенно для тех лохов, что про физику слышали на трамвайной остановке, и за всю жизнь прочли одну книгу, да и то поваренную! — закончил Игорь свой победный само-ликбез, — А я-то мудак, повёлся, как в первом классе, обидно даже! Это у меня, видать, шарики за ролики заехали. Немудрено от такой жизни.

И всё-таки в этих шариках было что-то странное, неестественное, неземное, заставляя Игоря вновь и вновь смотреть на них не отрываясь.

А незнакомец всё шёл себе вдоль аллеи, постепенно приближаясь к тому месту где сидел на лавочке Игорь. И всё подкидывал и перебрасывал из ладони в ладонь свои шарики. Он ни на кого не обращал внимания, и никто не обращал внимания на него. Он просто гулял. Возможно размышлял или медитировал.

— Так! — хлопнул себя по коленям Игорь. — Ещё одна тайна века раскрыта: игрушки с гироскопом. А теперь домой, цигель-цигель-айлюлю![11]

Только он вознамерился встать со скамейки, как в кармане завибрировал мобильник.

— Блин! — беспомощно, почти трагично простонал Игорь, — Ну что за заколдованная лавка? Не сойти мне с этого места, так, что ли? — он полез в карман пиджака за мобильником. Звонок был от Ларисы.

— Вот курица с рисом! Ну, что тебе не сидится в этом Египте спокойно?! — подумал он раздраженно. Но на звонок всё же ответил.

— Хеллоу,[12] Гаррисон! — прозвенел в трубке голос Ларисы. Не то чтобы они испытывали пиетет перед англицизмами, которыми так замусорен современный русский язык, но при длительном общении между людьми зачастую возникает некоторое подобие жаргона или новояза, понятный только им, вот и Игорь с Ларисой не стали исключением.

— Хеллоу, Лорейн, май диа![13] Комо эс эстадо?[14] Сава?[15] — включился в игру Игорь, перескакивая с английского, на испанский, а потом и на французский.

Полиглотом он не был. В своё время кое-как освоил-таки технический английский, но всё же просмотр фильмов с торрентов[16] давал о себе знать. Нахватался понемногу общеупотребительных фраз.

— Да всё пучком, дорогой, — резко, по своей давней привычке, переключилась на чистый русский Лариса, — купаемся, загораем, флиртуем с бедуинами, ха-ха! Алька уже совратила местного диджея. Ну, а чё ей, дело молодое.

— Ну дык, — с напускной покорностью вздохнул Игорь.

Алька, она же Алина — младшая сестра Ларисы, и впрямь была девицей не шибко тяжёлого, мягко говоря, поведения. Полная противоположность Ларисе — женщине умной, начитанной, с двумя «вышками»,[17] и по-своему красивой, Алька была вертихвосткой с одной извилиной, да ещё и рыжей веснушчатой уродиной. Вот тебе и сёстры. Ничего общего кроме родителей.

— Ну а у тебя как? — спросила Лариса, — Не замёрз там в Москве?

— Ага, прям дрожу, обливаясь потом. Днём плюс тридцать в тени. Уже не помню как дождь выглядит. Хотел к тебе в Египет ломануться, у вас там, поди, попрохладнее, чем в нашем асфальто-бетонном аду.

— Дык! У бассейна вообще лафа. И море просто рулез,[18] то что Гитлер прописал. Как твоя каторга? Как мама, на даче?

— Каторга — она и в аду каторга, всё как всегда. Разгонять собрались. Но это так, пока разговоры. — Игорь поморщился, мысленно возвращаясь с небес на грешную землю и вспоминая проклятую работу — источник презренных зелёных бумажек, — А мама, да, на даче. Говорил с ней недавно. Зазывала на выходные, но я, видимо, пас. Сама знаешь, как я отношусь к активному отдыху на жаре с лопатой.

— Ах ты, гнус! Впадлу маме помочь! — игриво-сердито пробасила Лариса тоном старой училки. — Ладно, не грузись, знаю, что ты там и так загибаешься.

Немного помолчав, она добавила:

— Слушай, Игорёк, ты прости меня за тот наш разговор, когда я уезжала. Мы ж бабы — такие дуры, что иногда самой противно. Но такие мы, понимаешь? — сказала Лариса дрогнувшим голосом. От прежней её весёлости не осталось и следа.

— Понимаю, — тоже посерьёзнел Игорь, — Мне мама как раз сегодня на многие вещи открыла глаза. Я всё понимаю и не злюсь, Ло, честно. Ты меня тоже прости. Я иногда бываю такой мудак.

— Ты всегда мудак! За это я тебя и люблю! — в трубке послышались всхлипывания. — Сама такого выбрала. И не жалею.

Игорю стало стыдно за свои недавние мысли. За то что так легко был готов расстаться с Ларисой. Стыдно и горько.

— Ларочка, я тоже тебя очень люблю и ты это знаешь.

— Ну дык, — тяжело вздохнула Лариса. — Ладно, давай закругляться, а то я с этим роумингом[19] сейчас в ноль уйду.

— Хорошо, любимая. Очень рад что ты позвонила. Давай там не куксись. Загорай, отдыхай, в общем. Алине привет!

— Поняла вас, Хьюстон! Десять-четыре! — снова игриво, как ни в чём не бывало протараторила Лариса, подражая бравым американским астронавтам из фильмов о полётах на Луну, и отключилась.

Игорь перевёл дух. Захотелось ещё пива, благо вечер не переставал быть томным. Более того, стало ещё немного прохладнее. В листьях деревьев отчётливее зашуршал ветерок, до этого едва ощутимый. А сейчас он приятно обдувал, заставляя хоть на минуту перестать мечтать о кондиционере.

Он повертел в руках банку с остатками давно выдохшегося Гиннеса. Допить эту мочу было нереально. Хотелось свежего и холодного, в запотевшей кружке (всё-таки баночный — это не то!), но ещё больше хотелось очутиться дома, чтобы принять контрастный душ и лечь спать. А ещё хотелось увидеть маму. И Ларису.

— Простите, тут не занято? — спросил кто-то голосом вполне вежливым, но лишённым всяческой эмоциональной окраски. Игорь повернулся к говорящему, и тут с бешеной силой ледяная игла вонзилась ему не только в сердце, но и в глубину мозга, прокатившись внутри позвоночника, словно капля ртути.

Перед ним стоял, чуть наклонившись вперёд, как бы в учтивом поклоне, незнакомец в чёрном. Он смотрел на Игоря в упор. В руке незнакомца, видимо подчиняясь незаметным движениям пальцев, медленно перекатывались два блестящих шарика.

3

— Би май гест,[20] — на полном автомате ответил Игорь, всё ещё не отошедший от шока. Он почувствовал, как капелька холодного пота скатилась вниз по спине, — Я эту скамейку не покупал, так что… — выдавил он онемевшими губами, — К тому же, мне давно пора.

— Благодарю, — равнодушно-бесцветным голосом отозвался незнакомец, и сел на лавку на некоторой дистанции от Игоря.

Незнакомец сидел, положив ногу на ногу, повернув голову в противоположную от Игоря сторону. Он всё так же машинально перекатывал блестящие шарики с ладони одной руки в ладонь другой, иногда чуть подбрасывая их вверх.

Игорь попытался встать, но ватные ноги не слушались.

«Наверное, все-таки тёплое пиво, жара и вечная нервотрёпка сделали своё дело, — подумал он, — Вон как сердце-то щемит! Да ещё и курить стал, как паровоз. Не, надо что-то менять. Совсем нервы ни к чёрту. Какого-то чудика из сквера испугался. Так скоро и от собственного голоса вздрагивать начну. И всё-таки, что ж я так очканул-то? — продолжал самоанализ Игорь, — Ну да, тип какой-то странный. Неприятный? Да нет, просто какой-то… А, хрен знает! Мало ли по Москве нынче шарится всяких мутных персонажей? Наркоманы, сектанты, субкультурщики.[21] „Москва — третий Рим“, — вспомнил он заезженный слоган и криво усмехнулся, — Скорее уж Вавилон или Содом с Гоморрой. И чего он ко мне подвалил? — вёл внутренний диалог сам с собой Игорь, — Вон, та лавка напротив свободна, что он там свой зад не припарковал? — при мысли о заде Игорю стало немного не по себе, — Так, может, он гомик? Решил меня на вечер склеить? Ошибся ты, милок, адресом. Я не по этой части.»

— Что, простите? — незнакомец обернулся к Игорю. Тот вновь немного похолодел.

— Я ничего не говорил, — ответил он рассеянно, а про себя подумал: «Блин, неужели вслух сказал насчёт „милка“?» — эта мысль его слегка позабавила.

И всё-таки какая-то сила непреодолимо нарастала в Игоре, приклеивая его к лавочке и не желая отпускать прочь. Почему-то захотелось заговорить с незнакомцем. Игоря пугала эта мысль.

«А вдруг и правда гомик или сектант? — размышлял он, — Я, наверное, просто по живому общению соскучился, по матери с Ларисой. Да и Толян с Марфой давно не заходили, — вспомнил Игорь своих приятелей-соседей. — И ещё эти его чёртовы шары! Так и манят взгляд. Ну прямо как в детстве: незнакомая

импортная игрушка в руках ребёнка по соседству. Спросить его, что ли, где такие же надыбать, — рассмеялся собственным мыслям Игорь, — Подарить Лорке, то-то обрадуется! Она любит всю эту шизотерическую хрень.

А не перезвонить ли ей? — вдруг отчего-то подумалось Игорю, — Или лучше маме? А, всем позвоню, чтоб никого не обижать!» — он достал из кармана мобильник.

— Опаньки! — вырвался у него вздох удивления. Аккумулятор телефона скоропостижно скончался. Чертовщина, да и только, ведь ещё час назад было процентов восемьдесят заряда! Игорь потыкал кнопки мёртвой трубки, но это не дало ровным счётом ничего.

— У вас что-то случилось? — снова обратился к Игорю незнакомец. На этот раз Игорь не почувствовал никаких неприятных ощущений от его взгляда или голоса.

— Телефон разрядился. Почему-то, — ответил Игорь, — Может дадите мне свой на минутку? Один короткий звонок, деньги я вам отдам, — чуть более уверенно спросил он.

— Извините, не пользуюсь, — всё так же флегматично ответил незнакомец. Он вновь отвернулся от Игоря. Казалось, что его обидела сама мысль о том, что у человека вроде него может быть сотовый телефон — этот мерзкий фетиш социально-озабоченного общества потребления.

Незнакомец вновь подбросил свои шарики, но в этот раз несколько сильнее чем обычно. Две блестящие сферы взлетели чуть выше уровня его глаз, и плавно остановились, зависли в воздухе, казалось, на целую секунду. А потом так же плавно, без ускорения, мягко опустились на его ладонь.

От этого зрелища Игорь остолбенел.

4

«Никогда не разговаривайте с неизвестными» — вспомнилась Игорю знаменитая фраза-предостережение из любимого романа. Но любопытство, похоже, брало верх. К тому же домой отчаянно не хотелось, а в выборе собеседника сильно ограничил разрядившийся телефон.

— Послушайте, а как вы это делаете? — набравшись наглости, обратился Игорь к незнакомцу.

— Делаю что? — ответил тот с едва заметной улыбкой, повернувшись к Игорю вполоборота.

— Ну-у, это. — протянул Игорь, изображая рукой, как будто подбрасывает шарики.

— А, это… — сказал незнакомец, переведя взгляд с Игоря куда-то в пустоту перед собой. — Можете и сами попробовать, — сказал он с едва заметным вызовом, и протянул ему ладонь, на которой лежали два блестящих шарика.

Игорь осторожно взял их, по одному в каждую руку, и принялся рассматривать.

Вроде вблизи и не такие уж блестящие, скорее матовые. Нет, всё же блестят. Игорь увидел свою искажённую кривизной физиономию в отражении одной из сфер. И ни одной царапинки, идеально ровная поверхность. А какие лёгкие, ты подумай! И впрямь ничего не весят! Он слегка сжал обе сферы в своих руках.

«Ну прямо как будто сжимаешь воздух! — восхищался про себя Игорь, — Но всё же чувствуется твёрдый предмет. Какое-то противоречивое ощущение. Явно не как шарик из пластмассы или каучука. Не холодные как метал, и не шершавые как пластик.»

Игорь легонько подбросил в воздух одну из сфер, ту что лежала в правой руке, движением, как будто отпускал на волю спрятанного в ладони майского жука. Сфера плавно начала взлетать вверх, словно инопланетный космический корабль в кино.

Он подбросил ту, что лежала в другой руке, и картина вновь повторилась. А потом, в некоторой точке перегиба, сферы неожиданно остановились, и чуть повисев в воздухе, так же плавно опустились на открытые ладони Игоря.

— Офигеть! — изумлённым шёпотом вымолвил Игорь, обращаясь скорее к самому себе, чем к незнакомцу. Тот всё время с лёгкой улыбкой, всё так же сидя вполоборота к Игорю, наблюдал за ним.

— Как они работают? А из чего сделаны? Это сувенир, игрушка, или какая-то обучающая модель? — восхищенно сыпля

вопросами, Игорь вернул незнакомцу его собственность.

— Тут в двух словах не ответить. — задумчиво произнёс незнакомец всё тем же бесцветным голосом. На его лице была та же еле заметная улыбка. Разве что в уголках глаз появились едва различимые морщинки печали. Было похоже, что он и вправду знает нечто такое, о чём рассказать просто не в силах.

— Меня, кстати, Игорь зовут, — чуть успокоившись, нарушил повисшую было тишину Игорь, — На «ты» или на «вы»? — он протянул незнакомцу руку.

— Рад познакомиться с тобой, Игорь. — произнёс тот, пожимая руку.

— Ну а тебя-то как зовут?

— Когда-то у меня было имя, — ответил тот, не меняя выражения лица, — Теперь оно не имеет ко мне никакого отношения. Впрочем, по старой памяти, можешь называть меня Юрий. — он чуть улыбнулся.

«Вот так поворот! — подумал Игорь, — А он в натуре улетевший на всю башку. Под кайфом, что ли? Да не, не похоже. Хотя…»

— Слушай, Юр, — начал довольно бесцеремонно Игорь, — ты прям загадками говоришь! Ну расскажи мне про эти хреновины, — он показал жестом на руку Юрия, который опять, как ни в чём не бывало, машинально игрался своими шариками, иногда подбрасывая их вверх.

— Это разговор надолго, а ты вроде уходить собирался? — ответил после некоторой паузы Юрий.

— Да ладно, хрен с ним, пока посижу, ещё и темнеть не начало. Время детское. — беззаботно протараторил Игорь.

— Ладно, я постараюсь покороче. Эти сферы — не игрушка, как ты подумал. Скорее дар. А сделаны они из того же что и всё вокруг. И гироскопов там внутри нет. Там ничего нет, но в то же время там.

— Погоди, Юр! — ошалело уставился на него Игорь, — я тебе про гироскопы ничего не говорил. Да, были у меня подобные предположения. Но… Ты мои мысли прочитал?

— Просто очевидно, о чём ты думаешь, — как-то неопределенно ответил тот.

— Ясно. Не думал, что я прямо такая открытая книга, — почесал затылок Игорь. — А как понять «дар», и то что «сделаны они из того же, что и всё вокруг», или как ты там сказал. Ты имел в виду атомы и молекулы, так? Ну это я уж догадался, — Игорь немного раздражённо хмыкнул, — Дар-то в каком смысле?!

— Освобождение, Игорь, освобождение. Хотя может показаться, что это наказание, — не глядя на Игоря печально

произнёс Юрий. И, чуть помедлив, продолжил:

— А состоят они и правда из того, что и всё вокруг. Только не из атомов и молекул. Атомы — всего лишь следствие. А причина… Даже трудно слово подобрать. Ну пусть будет метаматерия. Хотя не совсем к месту тут именно слово «материя». Помнится, был в земной науке термин «эфир».[22] Но и его трактовали шиворот-навыворот, как всегда перепутав причину со следствием, заболтали, а потом и вовсе отвергли. Хотя приближение было довольно верное.

Юрий ещё что-то говорил, но Игорь его уже не слушал. Ему стало неинтересно. Что толку вникать в какой-то псевдонаучный бред, которого полно в Интернете, да ещё и замешанный на фантастике с эзотерикой.

Игорь и сам когда-то почитывал подобное. Просто из любопытства.

«Во, гляди, как чувака-то пробрало, любо-дорого! Нашёл благодарные уши! — забавлялся он про себя, — Сейчас и торсионные поля в ход пойдут, и планета Нибиру с серыми пришельцами-ящероидами.»

— Юрец, а ты сам-то откуда? Чем вообще по жизни занят? — решил немного сменить тему Игорь. — Гляжу, начитанный ты, да. И башка варит. Заслушаешься, бля буду!

— Смеёшься. Не веришь. — с печальной улыбкой произнёс Юрий, — что ж, имеешь право. Не каждый готов такое выслушать. Но я думал, — он немного помолчал, — ты готов. Ведь ты же искал ответы? И продолжаешь, не так ли?

— Извини, не хотел обидеть. Да искал! Особенно раньше, когда со временем попроще было. И в книгах рылся, и в Инете. И своими мозгам скрипел, да толку-то? Как говорится: «Нет правды на Земле, но нет её и выше». — Игорь вздохнул, — Кругом одна болтология и досужие измышления каких-то недоучек и комнатных философов. А про религии всякие так я вообще молчу.

— «Правда у каждого своя. А истина одна, но её никто не знает», так? — задумчиво спросил Юрий.

— В точку, — согласился Игорь, — Знаешь что? Давай так поступим. Я сейчас смотаюсь к метро, или хочешь — вместе пойдём. Возьму пива и сигарет, — он встал и потянулся, — А потом я выслушаю всё, что ты пожелаешь мне рассказать. Обещаю больше не стебаться.[23] А уж поверю или нет — моё, как ты сказал, право. Идёт?

Игорь подумал, что коли он заговорил про пиво, то неплохо было бы проставиться и своему случайному визави, а он даже не спросил, какое Юрий любит, если вообще пьёт.

И ещё был один щекотливый момент. На вменяемое

количество Гиннеса денег уже явно не хватает, ну или завтра придётся не ходить в кафе на обед, а как лоху жрать принесённые из дома бутерброды. Или сейчас, в этот чудесный летний вечер, наплевав на святое, давиться «Афанасием» или подобной бурдой. Мда-с, дилемма.

— Ну так что решим, Юрий Батькович? — торопил Игорь, — Я сгоняю, или вместе пойдём?!

Юрий, не стирая с лица рассеянную улыбку, и неожиданно заговорщицки подмигнув Игорю, резко подбросил свои блестящие шарики. Те пулей взлетев высоко над головами всё ещё многочисленных гуляющих, и без малейшей инерции зависли в воздухе, где-то на уровне плафонов фонарей, отчего теперь казались двумя блестящими в вечернем солнце точками.

У Игоря изумлённо отвисла челюсть. Но больше никто из гуляющих и сидящих на соседних скамейках людей не обращал на происходящее ни малейшего внимания.

Но то что произошло дальше, наверное снесло бы крышу даже самому завзятому знатоку библейских чудес. Юрий, согнувшись, сунул руку под скамейку, и немного пошарив там, извлёк на свет божий упаковку баночного Гинесса и блок сигарет Кэптэн Блэк.

— Всё своё ношу с собой, — так же невозмутимо и без эмоций сообщил он Игорю, который уже был готов впасть в кому от нервного потрясения, — Метро отменяется, Гаррисон. Присаживайся, друг, начнём без промедления нашу тайную вечерю.

— Пиндык! Белочка! — с каким-то невыразимым облегчением подумал Игорь, — А ведь всего две банки выпил.

5

«Настоящий, ирландский, — вяло мыслил Игорь, — не то что та козлиная моча с гуталином, которая производится здесь по лицензии. Ни малейшего сходства. Кроме цены, разумеется.»

Он отхлебнул ещё немного терпкого эля.[24] Ледяная, влажная банка приятно холодила ладонь. Дополнением стала очередная затяжка крепкой душистой сигаретой.

— За сэра Артура Гиннеса![25] — нарочито торжественно произнёс Игорь, приподняв банку словно праздничный кубок. А потом несколькими огромными глотками отправил остатки её содержимого в свою утробу. Юрий слабо улыбнулся в ответ на тост Игоря.

— Юр, а ты-то чего не пьёшь? Тем более сам поляну оформил.

— Не нуждаюсь, — он на мгновенье задумался, — Впрочем, сегодня есть что отпраздновать. Вспомню старый обычай пить алкоголь по любому поводу.

Он с шипением откупорил банку и, сделав глоток, поставил её на лавочку. Потом достал сигарету и закурил, выпуская большие кольца дыма.

Несколько минут прошли в абсолютной тишине, нарушаемой разве что разговорами проходящих мимо людей да гудками автомобилей, вяло плетущихся по бульвару в бесконечной вечерней пробке.

— А ты чего меня Гаррисоном назвал? Меня так зовёт только моя мурка. Ну, гражданская жена, в общем.

— Лариса? — ответил вопросом на вопрос Юрий.

— А ты откуда знаешь, как её зовут?! — опешил Игорь.

— Я раза два прошёл туда-сюда мимо тебя, пока ты с ней по телефону говорил. Слышал обрывки разговора. А «Гаррисон» или «Гарик» — типичное панибратское искажение имени «Игорь». Не тебя одного Гаррисоном кличут.

— А. Я думал, что ты всё же мысли читаешь. А ещё этот твой трюк с пивом из-под лавки. Да ещё и холодным. Я же помню, что ты без сумки был.

— Давай отложим. Просто насладимся пивом и чудесным вечером. Разговор у нас ещё впереди, — как-то особенно печально сказал Юрий. Игорю даже показалось, что в его глазах блеснули слёзы.

Так прошло ещё несколько минут. Они молча пили пиво, даже не глядя друг на друга. Первым прервал тишину Игорь.

— А кстати, где твои шарики, Юр? Я так нифига про них и не

понял.

— Вверх посмотри. Вон они, прямо над тобой висят, — ткнул пальцем в небо Юрий. Игорь задрал голову вверх.

— А как они?.. — он поперхнулся сигаретным дымом, от такого зрелища.

— Антигравитация, если хочешь. Сказал — позже расскажу. На, держи.

Блестящие шарики, как подстреленные, резко рухнули вниз, и зависли почти прямо перед самым носом Игоря. От неожиданности он выронил банку с пивом себе под ноги. Та, упав, с жалобным бульканьем закатилась под лавочку.

— Блядь! — подпрыгнул Игорь. — Нахрен так пугать?! — Он наклонился и принялся раздражённо отряхивать брюки, забрызганные пивом, — Зараза, банку уронил. Была ведь почти полная.

— Прости, не сообразил, — как обычно равнодушно произнёс Юрий, — Не парься, пива полно. Кстати, чипсов хочешь?

— Я хочу ответов, Юра! Я уже не пойму, то ли мне всё это мерещится: и этот чёртов скверик, и ты со своими шарами. Или я попал под трамвай возле дома, и сейчас моя душа проходит мытарства.[26] Или я банально уснул в метро, и мне снится причудливый сон про холодное пиво и летающие шары. Вот же грёбаный денёк!

Юрий, зажмурившись, беззвучно расхохотался. Игорь его таким ещё не видел. Казалось, этот человек не способен смеяться в принципе. Игорь немного успокоился.

— Да будут тебе ответы, — переводя дух, ответил Юрий, — Я как раз и пытался собраться с мыслями, чтобы тебе всё изложить, доходчиво и связно.

— Ладно, проехали, — примирительно сказал Игорь, — А ты часом не в цирке работаешь, иллюзионистом? Ну там, голубей из шляпы достаёшь. Или пиво из-под лавок? Шарики-то — реквизит с работы прихватил?

— Я раньше там работал. Давно.

— Да иди ты! Чо, серьёзно?!

— Ага. Сисадмином. Шарики, впрочем, не оттуда.

— Сисадмин. Коллеги, стало быть, — приободрился Игорь.

— Бывшие коллеги, если угодно. Это всё в прошлой жизни. Да кем я только ни был. Сейчас это уже не имеет ни малейшего значения, — Юрий снова принял свой привычный рассеянно-печальный вид. Он выкинул в урну пустую пивную банку и вновь принялся крутить и подбрасывать свои блестящие сферы.

— А как же насчёт твоих выкрутасов с этими круглыми фигнями? — не унимался Игорь, — Неужели кроме меня их никто

больше не видел? Не подошёл, не поинтересовался? Или, может быть, — он принял комично-таинственный вид, подражая настоящему цирковому фокуснику, — мы сейчас в параллельной реальности, и мы окружающих видим, а они нас — нет?

— Ага, мечтай. Параллельная реальность. Я как пришёл в этот сквер, на меня обратили внимание от силы человек пять, включая тебя. Большинству просто безразлично. Подумаешь, шарики какие-то по воздуху летают! — съязвил Юрий, — Собственный мобильник куда интереснее. Вдруг что новое на Фейсбуке! Вот и сидят носом в телефон.

Он пальцами вытянул из пачки сигарету, не выпуская из второй руки шариков. Игорь дал ему прикурить от своей турбо-зажигалки, которую, подсознательно подражая своему собеседнику, уже битый час крутил в пальцах.

— Всё они видят и замечают, Игорь. И шары, и нас с тобой. Кстати, вот тебе тому подтверждение. Смотри!

— Чего? Куда смотреть? — рассеянно уставился он на Юрия.

— Ребят, добрый вечер! А можно мне прикурить? — раздался приятный женский голос за спиной Игоря. Тот обернулся.

Рядом с ним стояла невысокая брюнетка лет двадцати пяти. Волосы забраны на затылке в хвостик. Короткое платье в горошек, подпоясанное тёмно-бордовым тонким ремешком. Леггинсы, туфли на низком каблуке. На плече висела небольшая изящная дамская сумочка, явно дорогая. В одной руке она держала мобильник, а в пальцах другой — незажжённую тонкую сигарету.

Игорь не очень-то по-джентельменски протянул ей свою зажигалку вместо того, чтобы самому галантно дать ей прикурить.

«На Лариску похожа, — отметил про себя Игорь, — и одета почти так же. Типичная Ларискина униформа. Только эта помоложе. Эх, женщины, — продолжал он мысленный монолог, — что ж вы и вправду все такие одинаковые? Одинаково мыслите, одинаково одеваетесь, хотите все примерно одного и того же. Зато сами себя считаете созданиями чуть ли не уникальными. И отношения требуете соответствующего. Да какие вы нахрен уникальные? Сейчас, поди, треть Москвы в таком же прикиде щеголяет. Как увидят модную вещицу, так сразу: „Ой, хочу такой же наряд, слэш[27], прибамбас (нужное подчеркнуть), ну прям в точности как у… (имя вписать)“. Детский сад при дурдоме. А ещё мужиков называют большими детьми. Тьфу!»

— Большое спасибо! — она вернула Игорю зажигалку, — Вечер-то какой сегодня классный, а, ребят! — она посмотрела Игорю в глаза, и он заметил в них блядский огонёк.

«Ого, а дамочка-то навеселе, и явно ищет приключений.» —

подумал он.

— А вы чего такие кислые? Ой простите, не представилась. Я — Марго! — не унималась бухенькая девица, явно нарываясь на приглашение присесть рядом с ними на скамейку.

«Оба-на, вся компания в сборе, — подумал Игорь, — Юрец в роли Воланда, Маргарита собственной персоной, ну и я, горемычный. Булгаковщина продолжается!»

— Игорь. А это — Юра. — пробормотал он, мотнув головой на Юрия. Тот вежливо кивнул.

«Интересно, а кто я буду в этой тусовке с Маргаритой и Воландом? — вновь погрузился в свои мысли Игорь, — Мастер? Да куда уж мне… Может, всё-таки Берлиоз? Ага, и трамвайное депо мне скоро задолжает новую башку. Нет уж, увольте. Тогда, наверное, Иван Бездомный? Точняк! Роль поэта-неудачника мне подходит идеально, да и в дурку,[28] видимо, тоже скоро попаду.» — настроение вновь начинало портиться.

— Маргарита, у вас, кажется мобильник звонит, — подал свой бесцветный голос Юрий.

— А? Что? Где? — растерялась Марго, — Не, не зво…

В это мгновение, к очередному удивлению Игоря, у неё в руке и вправду зазвонил телефон. Впрочем, к удивлению ли? Орган, отвечающий за удивление в мозге Игоря так перегрузился за сегодняшний вечер, что реагировал на происходящее уже довольно слабо. Говоря проще — Игорь устал удивляться.

Марго, тут же забыв о них и затараторив в трубку мобильника стандартную мантру «Ой привет а ты где чо как да нормуль», развернулась и побрела к скамейке напротив, которая, почему-то до сих пор пустовала, хотя другие скамейки были в этот не особо поздний час плотно заселены.

Она уселась на скамейку, откинулась на спинку, и закинув ногу на ногу, продолжала трещать по мобильнику. Иногда она бросала взгляды на Игоря с Юрием, покачивая туфелькой на пальцах ноги.

— И что это было? — обратился Игорь к Юрию, — Я про эту поддатую мадемуазель. Наглядное опровержение моей теории о параллельной реальности? Ты её сюда силой мысли пригнал? — Юрий в ответ снова начал беззвучно смеяться.

— А потом ты ей звонок на мобильник наколдовал? Очень вовремя, она меня уже начала доставать. Кстати! Мой-то сдохший мобильник — это тоже твоих рук дело? Точнее, мыслей?

— Гарик, а ты зануда, — посмеиваясь ответил Юрий, — К тому же ненаблюдательный. Следи за мыслью, — он глубоко затянулся сигаретой, потом выпустив череду дымных колец, принялся объяснять.

— Она была в цирке с подругой на вечернем представлении, которое закончилось примерно час назад. Потом они двинули в кафе, где отведали коньяку с пирожными. А потом подруга, поцеловав Марго в щёчку на прощание, поймала такси и помчалась домой, — Игорь слушал, не перебивая.

— Так вот. Вечер ранний, коньяк хороший, вот и решила она прогуляться по скверику до метро. Муж, видимо в отъезде, и её потянуло на романтику. А тут мы как раз подвернулись — два одиноких мужика на лавочке, сидят, беседуют. Остальные, вон гляди — каждой твари по паре. И насчёт прикурить — это был лишь предлог. Вон сколько кроме нас тут смолят как паровозы, у любого могла бы огонька стрельнуть.

— С чего ты решил, что она была именно в цирке? — спросил Игорь.

— Сувенирная ленточка с эмблемой цирка, привязанная к ремешку её сумочки. Там такие в фойе продаются. Благотворительная акция. С такими ленточками мимо нас прошло несколько человек за последние минут сорок, не заметил?

— Да как-то ни к чему было. А почему «подруга» а не друг?

— Ну так и пришла бы она сюда с этим другом. А так — одна, и на щеке след от помады. Подруга.

— Про пирожные-то с чего решил?

— Просто предположил. Не суть важно, пирожные или мороженное.

— А почему коньяк? Может вино или «шампунь»?[29]

— Запах не учуял, что ли?

— Ну а «мужа» откуда взял?

— Ох, — выдохнул Юрий. — След от обручального кольца на безымянном пальце.

— Круто, Юра, прям как в детективном романе.

— Ага, — безразлично ответил на похвалу Юрий, — в детстве увлекался.

— Ты про звонок на её телефон ничего не сказал. Шестым чувством учуял?

— Глазами увидел. У этой модели телефона есть режим, в котором при входящем звонке секунд двадцать мигает экран, и только потом включается звуковой или вибровызов. Она разговаривала с нами и не заметила, — он сделал паузу, вновь глубоко затягиваясь сигаретой, — А что до твоего телефона, — он усмехнулся, выпуская кольца дыма, — Сам знаешь, как непредсказуема техника при такой жаре. К тому же он у тебя древний как пирамида Хефрена.[30]

Игорь достал свой мобильник и ткнул в кнопку включения.

Тот ожил дурацкой анимацией сплетающихся рук на маленьком экранчике, и проиграл не менее дурацкую мелодию. Ни малейших признаков неисправности, батарея на семидесяти процентах.

Игорь, не скрывая досады, разразился сложносочинённым матюгом, всецело посвященным современной электронике. Юрий не отреагировал никак. Он смотрел куда-то в пустоту перед собой, машинально подбрасывая вверх свои блестящие сферы.

6

— Гляди, Юр, она, похоже, на второй круг собирается, — заговорщицким тоном проговорил Игорь, — так и постреливает глазками в нашу сторону.

— Обломись. Она сейчас к метро двинет. Как только закончит разговор. Пока ты бубнил, я краем уха слышал, что она к какому-то мужичку на ночёвку просится.

— Да мне-то чего обламываться, — надулся Игорь, — у меня есть с кем амуры-шуры-муры. Ну ты понял, короче. Лариска скоро вернётся, потерплю. Да и потом, — он скривился, — я никогда не был сторонником рандомного факинга.

— Что за выражение такое, — ответил Юрий по-прежнему равнодушно, — так бы и сказал: «случайных связей», или проще — «блядства». Прям как не в России живёшь, сплошные англицизмы.

— Выр олл ливин ин Амэрыка, Амэрыка, Амэрыка![31] — в пол-голоса пропел Игорь, подражая оригинальному акценту исполнителей.

— Ну а сам посуди, Юр, ну где мы живём? Россия. Да как был Совок, так и остался, только кругом рекламы понавешали. Теперь мы в натуре пятьдесят второй штат Америки. Канада — пятьдесят первый, а мы — пятьдесят второй. — Игорь смачно плюнул себе под ноги, — А ты говоришь, англицизмы.

— Извини, — всё так же спокойно проговорил Юрий, — Я и сам, когда админом подвизался, сыпал этими словечками на каждом шагу, да ещё и вперемешку с компьютерным жаргоном и матюгами. Ладно, это теперь уже не важно.

Марго, тем временем, завершив долгий телефонный разговор ещё одной стандартной мантрой «Оки подъеду наберу чмоки», и спрятав мобильник в недрах своей изящной сумочки, поднялась со скамейки и поцокала каблучками в направлении метро. На прощание она обернулась и одарила Игоря презрительным взглядом из серии «Ну и сидите тут, лошары, жрите дальше своё пиво». Юрий, впрочем, этого не заметил, он сидел к ней спиной, вполоборота к Игорю.

— Семифутовый тебе под киль, потаскуха! — тихо прошипел себе под нос Игорь, — Хэв а гуд фак![32] Не забудь потом мужу «болгарку»[33] подарить, чтоб он рога спилил. Бабы! Тьфу, блядь! — он снова плюнул себе под ноги.

Лавочка напротив вновь опустела. На ней почему-то никто долго в этот вечер не задерживался.

— Мистика, — сказал Игорь.

— Ты о чём?

— Да скамейка напротив весь вечер пустует, а народу в сквере не так чтобы мало, — процедил сквозь зубы Игорь.

Он сидел, сгорбившись, положив подбородок на кулаки. Пива больше не хотелось, да и курить тоже. Похоже, недолгое пребывание по соседству с Марго, которая так напоминала ему Ларису, вновь выбило его из колеи.

«А что если Лорка сейчас тоже строит глазки какому-нибудь молодому смуглому египтянину? — с отвращением подумал он. — Или вовсю отплясывает горизонтальную ламбаду с престарелым седым шведом в его номере?»

От таких мыслей Игоря чуть не вырвало.

«Ревность?! Это что-то новенькое, — продолжал он скрипеть мозгами. — Не, Лорка не такая, это уж больше по Алькиной части. Да и тоже не факт. Что я её в шлюхи-то записал, в конце концов. Ну флиртует она направо и налево — это да. Так, молодёжные понты, не более. И почему у меня ревность взыграла, с какой стати? Ещё ж совсем недавно готов был с Лариской расстаться. Вот так, просто, на раз-два, словно и не прожили вместе четыре долгих года.»

— Всё дело в рекламе, — голос Юрия вырвал его из плена мерзких размышлений.

— Ты о чём, Юрец?

— Ты спросил, почему скамейка напротив всё время пустует, так?

— Ну… — промычал Игорь, уже забыв и про скамейку, и про свой дурацкий вопрос.

— А ты иди, сам на ней посиди, — предложил Юрий.

— Да ну на хрен. — отмахнулся от него Игорь, — Ты будешь ржать, но я подумал, что это ты всех с этой лавки своим биополем выдавливаешь. Марго эта дольше всех продержалась. За это она ночью, походу, получит большой волосатый приз, хе-хе! Ох, бедный её супруг. Хотя, может, он ещё хлеще.

— Нет, ржать не буду, — всё тем же равнодушно-бесцветным голосом ответил Юрий, — кто ржёт, того в стойло ставят.

— Ладно, Юр, прости, как всегда чушь сморозил. Биополе, блин. — сказал Игорь и встал, слегка пошатываясь.

— А ты знаешь, я походу в дрова. Мистер Гиннес, что ж Вы со мной сотворили!

Юрий посмотрел на него снизу вверх, не то чтобы равнодушно, но во всяком случае без осуждения. Сам он выглядел трезвым как стёклышко. Но он и не пил, как Игорь, одну за одной.

— Пойду-ка я посс… посмотрю на звёзды. Юрец, ты пойдёшь?

Или давай по очереди, а то впадлу свой хлам таскать взад-вперёд, — он указал на свёрнутый пиджак и сумку с ноутбуком.

— Не нуждаюсь, — снова произнёс эту странную фразу Юрий, — На звёзды насмотрелся как никто другой.

— Так ты в астрономах теперь чалишься? — сфокусировал на нём пьяный взгляд Игорь, — Сколько ж у тебя профессий, мил человек?

— В астронавтах, блин! — передразнил его Юрий, абсолютно беззлобно, — Иди сюда. Сядь, — приказал он Игорю. Тот подчинился.

Юрий подсел к нему поближе, и ни слова не говоря, приложил к его вискам свои шарики.

Игорь в одно короткое мгновенье почувствовал нарастающий неприятный свист в голове, как будто запускался исполинских размеров жёсткий диск компьютера. В следующий момент, когда свист стал совсем нестерпимым, в глазах у Игоря вспыхнул яркий свет тысячи фотовспышек. И наступила гробовая тишина.

Через секунду Игорь открыл глаза и уставился на Юрия. Слух тоже довольно быстро восстановился, и теперь снова отчётливо слышался шумовой фон вечернего города.

— Ты совсем, блядь, офонарел?! Ты мне по мозгам электрошоком прислал что ли, мудило?! — орал Игорь не своим голосом.

— Нет, — невозмутимо ответил Юрий, — всего-навсего стабилизировал мозговые волны, ну и так, по мелочи. Через минуту всё пройдёт. Зато ты теперь трезв, как младенец. Да и вообще алкоголь тебя больше не возьмёт, можешь выпить хоть цистерну спирта.

— Я тогда кишки спалю нахрен, — проворчал Игорь трогая виски, — А правда, как будто и не пил. Да и вообще как-то в голове прояснилось. Уже забыл что такое бывает.

— Вот видишь, — по своему обыкновению печально произнёс Юрий, — а ты меня матом обложил на весь сквер. Впрочем, пустяк, можешь даже не извиняться. Не нуждаюсь.

Он отвернулся от Игоря, и вновь принялся перекатывать на ладони и подбрасывать вверх свои треклятые шарообразные игрушки.

— Надо было хоть предупредить перед сеансом нейрохирургии, — примирительным тоном сказал Игорь, вставая со скамейки, — Ладно, я быстро, до сортира и обратно. Не уходи никуда, лады? — Юрий не ответил, даже не обернулся, — Хотя там может быть очередь. Вон сколько вокруг потенциальных… нуждающихся.

Он сделал шаг, и поравнявшись с Юрием, тронул его за плечо

и сказал:

— За башку действительно спасибо, Юра, прямо как новая.

Тот посмотрел на Игоря снизу вверх усталым и печальным взглядом.

Он протянул ему ладонь, на которой лежали, поблескивая в вечернем солнце, два небольших шара, ставшие Игорю уже чуть ли не родными.

— Возьми в залог. Настаиваю. Тут всё-таки остаётся твой ноут и пиджак с документами. Чтоб не думалось, — он еле заметно улыбнулся.

Игорь пожал плечами, и взяв в руку шарики, побрёл в сторону метро, где по московскому обычаю, на самом видном месте, у подножия величественной стеллы в честь каких-то героев чего-то там, выстроилась батарея сине-белых туалетных кабинок.

Пройдя ещё пару шагов, Игорь остановился и посмотрел направо, в прогалину между деревьев. Его внимание привлёк довольно большой светодиодный рекламный баннер на крыше одного из приземистых домов на бульваре. Баннер неестественно ярко светился, отравляя взор едким светом самых немыслимых оттенков.

«Должно быть и правда, сидеть на скамейке, которая напротив нашей, было крайне неуютно из-за этого светового мусора, — припомнил он свою недавнюю головоломку, — поэтому народ там и не задерживался.» Ларчик как всегда открывался просто. Записав ещё одну тайну века в разряд разрешённых, Игорь бодро зашагал дальше.

— Ты прав, всё дело в рекламе! — крикнул он Юрию через плечо.

7

Я шёл по улице своей неторопливо.
В который раз уже — не сосчитать вовек.
Мой взгляд блуждал и мысль текла лениво.
По виду — серый и невзрачный человек…

— вспомнил Игорь начало того стишка про день рождения, что прислала ему Лорка в своё время. Она, как никто другой, умела испортить Игорю настроение подобными стихами, цитируя их по поводу и без.

— Глупый, в сущности, стишок, — подумал он, — какого-то поэта-неудачника, типа приснопамятного Бездомного.

Он прибавил шагу, уже всерьёз опасаясь за свой мочевой пузырь. Навстречу ему попадались неспешно гуляющие москвичи, всё ещё в изобилии наличествующие в сквере.

— Москва златоглавая, аромат пирогов. — пропел Игорь шёпотом себе под нос, — ага, щаз-з-з! Если и есть у Москвы современной свой неповторимый аромат, то это явно не пироги, а смесь бензина и перегара.

Или вот этот например, — скривился он, учуяв близкое «счастье» по забористому запаху тухлой мочи с примесью некоего ароматизатора на хлорной основе. Туалеты были явно не за горами. Игорь вышел из сквера на площадь возле метро, и уворачиваясь от юрких скейтбордистов, двинул прямиком к стене сине-белых туалетных кабинок.

Как-то неожиданно быстро начало смеркаться. Уже зажглись своим неживым светом фонари на площади. Но народу в этот час отнюдь не убавилось, скорее даже наоборот. Зазывно горели вывески многочисленных в этой части бульвара кафе и забегаловок.

— Москоу нева слипс![34] — снова пропел он.

С большим наслаждением справив малую нужду, он быстрым шагом пересёк площадь, чтобы в относительном уединении обдумать произошедшие с ним за этот бесконечный вечер события.

Странно, но эта часть площади почти всегда была немноголюдной, несмотря на отсутствие аромата туалетов, и наличию ларьков с закусками, напитками и полиграфической продукцией.

Игорь вспомнил, что оставил сигареты вместе с остальным своим скарбом на лавке в сквере, под опекой Юрия. Впрочем,

бумажник был с собой, и Игорь направился к ближайшей от него палатке.

Неподалёку от нестройного ряда палаток, возле помойного ведра деловито суетился бомж — ещё один необходимый атрибут современного мегаполиса, не считая телебашни, монорельса и нескольких крематориев где-то на окраине.

— Будьте добры пачку Кэптэн Блэк, вишнёвый, — Игорь протянул несколько мятых купюр в окошечко палатки, — и ещё маленький Адреналин Раш, пожалуйста, — добавил он, чуть подумав.

Получив желаемое и сдачу, Игорь принялся распихивать купленное по карманам.

— Простите пожалуйста!.. — почуяв добычу, к нему подошёл тот самый бомж.

«Блин, ну начинается, — брезгливо подумал Игорь, — хотя у всех нынче жизнь не сахар.»

— Держи, — он высыпал в грязную бомжову ладонь горсть мелочи.

— Спаси господи, — проблеял бомж вслед удаляющемуся Игорю.

— На бога надейся, а сам не лажай! — злобно пробурчал он благословение себе под нос, — Алкаш чёртов!

Забурившись в медвежий угол где-то в углу площади неподалёку от входа в скверик, Игорь перевёл дух после ходьбы быстрым шагом.

— Ну что, почки? Простите и прощайте. — пробубнил он, открывая маленькую баночку с энергетическим пойлом. Потом осушил её до капли несколькими большими глоткам. Довольно рыгнул. Закурил. Живительная энергоотрава обожгла пищевод. Игорь снова раскатисто рыгнул, обратив на себя внимание нескольких отдалённых прохожих.

— Так-с! Что мы имеем? — начал он привычный внутренний разбор полётов, — Некий мутный чел под названием Юрий. Говорит загадками, извлекает пиво из-под лавок, вытворяет непонятные трюки со своими шариками. Кстати, куда я их дел? А, вот! — он хлопнул себя по карману.

— Угу, классно, — продолжал он бубнить себе под нос, расхаживая туда-сюда и пыхтя сигаретой, — какие-то непонятки с телефоном. Ну не верю я в его объяснение про жару и что труба у меня, видите ли, древняя, как он там выразился? Как пирамида?

Дальше. Бухая тёлка. Ну её мы спишем на статистическую погрешность, такого добра в этом сквере всегда навалом. И всё-таки, чтобы там Юра не гнал про ленточку и цирк, я ни одного человека с такой не видел, я не такой ротозей, как он меня

убеждал. Ладно, не важно.

Он бросил окурок в банку из-под энергетика, которую всё ещё держал в руке.

— Твою мать, что ж за вечер-то такой близ Диканьки,[35] — скрипел мозгами Игорь, — день, в сущности прошёл как обычно: дом, транспорт, офис, жара.

> Обычный день, такой же как вчерашний.
> Наполнен он земною суетой…

— вспомнил он очередной отрывок из депрессивного стишка про день рождения. Грёбаная Лорка со своей поэзией! — он сплюнул себе под ноги, — Ну вышла бы замуж за этого горе-рифмача, раз ей так нравится его писанина. Как там бишь его звали? Не вспомню. Лорка, по-моему говорила, что он вроде как давно сдох? Туда и дорога, — Игорь зло улыбнулся своим мыслям, — и без его излияний жить тошно, — он вновь закурил, машинально прохаживаясь взад и вперёд.

«Мама сегодня какая-то странная, — подумал он, — так со мной говорила, как будто прощалась.» — при этой мысли его передёрнуло. «Если не поздно, — вновь всплыла в памяти фраза матери, — Если не поздно…» Снова в сердце закололо тонкой холодной иглой.

«И Лорка тоже, — продолжал вспоминать Игорь, — начала за здравие, а кончила за упокой. Сколько её знаю, а на моей памяти впервые, чтоб она первая начала мириться. Тем более мы с ней перед её отъездом сцепились, что называется, капитально.»

— Да, вот ещё что, — хлопнул он себя по затылку, — как я мог это упустить?! Этот чёртов рекламный баннер на крыше дома, который якобы сгонял всех сидельцев со скамейки напротив нашей.

Чтоб мне быть в гареме евнухом, но ещё буквально вчера его там не было! Даю на отсечение своё мужское хозяйство! Благо я два раза в день хожу по этому проклятому бульвару или через этот долбаный сквер! А что там хоть за реклама-то была? Картинка, слоган? Что?! У меня зрительная память как фотоаппарат, — Игорь начинал нервничать всё сильнее, — а тут не могу даже близко вспомнить, как мозги промыли.

— Блядь! — поразило его словно молнией, настолько это было очевидно, — Этот упырь промыл мне мозги! Этими своими шарами!

Сначала заболтал, подпоил, а как «клиент созрел», так и херанул по мозгам излучением из шаров. Я про такое читал, даже смотрел документалку, как там пиндосы[36] со своими

гражданами развлекались: гипноз, ЛСД,[37] электрошок, ну и прочие современные достижения. Однако, как продвинулась наука, — продолжал бушевать Игорь, — всё необходимое уместилось в два мелких шарика.

Игорь неспешно пошел в направлении палатки. Ему захотелось ещё энергетика, видимо бешеная работа мозга требовала подпитки. Сегодня он вообще ничего не ел: завтрак как всегда проигнорировал, (что за идиотская привычка набивать свой ливер с утра пораньше!), на обед в кафе тоже не пошёл — был занят по работе. Собственно, на сэкономленную сумму и был куплен тот эрзац Гиннеса, с которого началась вся эта череда событий в булгаковском стиле.

8

«Промыли мозг! Мне промыли мозг!» — без остановки пульсировало затасканное словосочетание из бульварной прессы в голове Игоря. На полпути он вдруг остановился.

«Стоп. Неувязочка. Даже не одна. Ну допустим, на вопрос „а почему промыли именно мне?“ ещё предстоит найти ответ. Отложим.» — он отправил очередной окурок в банку из-под энергетика, ибо негоже мусорить в самом центре столицы, да ещё и возле памятника героям чего-то там.

«Кстати, а кому этот памятник? Или стелла? Или как называется это помпезное нагромождение мрамора? — задумался Игорь, — Господи, ну какая сейчас-то нахер разница?! Сто раз хотел посмотреть в Инете, и всё время забывал. Забуду и в этот. Тем более тут и так головоломок хоть отбавляй, окультуриваться будем позже.»

Он вновь потянулся за сигаретой, бурча ещё что-то себе под нос о московской монументальной архитектуре и бессмысленности бытия как такового.

«Ну хорошо, — думал он, растягивая сыроватую сигарету, пахнущую какой-то кондитерской отравой, но явно не вишней, — если шарики — это прибор или вообще оружие, зачем Юра мне их отдал? Приколоться решил? Типа, „этот пассажир всё равно не знает как с ними обращаться“?

Или… для того, чтобы я их кому-то передал?! Что-то вроде тестового задания для свежесозданного голема?[38] Наверное сейчас подойдут ко мне какие-то типы, тоже все в черном, и произнесут кодовую фразу, так, что ли?»

Он покосился на группу молодых людей на почтительном расстоянии от него.

— Походу я плотно сел на измену![39] — он даже нервно хохотнул, — Лады, не будем пока сбрасывать со счетов и это предположение.

— Дайте маленький Адреналин, — обратился Игорь к продавцу всё той же палатки без лишних церемоний. Он осмотрелся, но бомжа больше нигде не было видно, — Вот и славно, я всё равно расплатился без сдачи. Сейчас обломался бы ты, бедолага, полюбас, ха-ха! — подумал он со злорадством.

Игорь снова вернулся в свой медвежий угол площади, и повторил ритуал употребления энергетических напитков с обязательной отрыжкой и прощанием с почками.

— Ну хорошо, допустим. Оружие или прибор — эти шарообразные. Так какого же фаллоса они левитировали, (слова-

то какие!), летали-зависали, в общем? — он допил остатки энергодряни, вытряхивая последне капли себе в рот, — И каким боком ко всему этому светодиодное нечто на крыше дома за спиной? Только ли чтобы выдавить случайных свидетелей? Но там, в скверике, народу и так, как сельдей в бочке. Пара-тройка людей на лавке расклад особо не меняют. Не проще ли было меня заманить в место, куда менее людное?.

— Опаньки! А уж не Марго ли как раз была предназначена роль заманухи? Типа, «пойдёмте, ребят, я тут недалеко живу, туда-сюда, выпьем-потанцуем, трахачок-группничёк… и промоем мозжечок».

Он вспомнил запрещённую к эфиру рекламу Гиннеса. Видел в Интернете. Там мужички разделывали одну самку на троих, параллельно прихлёбывая пивко из бутылки, которую ставили ей на спину.

Игоря задушил истерический смех. Он представил в этой рекламе себя, вечно невозмутимого Юрия, пьяную Марго и её гипотетического мужа.

С трудом взяв себя в руки, Игорь, вытирая слёзы решил продолжить рассуждения.

— Так, всё, контрол-зет![40] Как там Юрец сказал? «Кто ржёт, того в стойло ставят»? Вот, чую, меня скоро и поставят, если уже не поставили. Развеселился, блин, — он закурил, — Так, на чём я там остановился? Ах да! Шары летают, баннер светит, мозги промываются. И как всё это увязывается, товарищ сисадмин-сатирик? — обратился Игорь вслух к самому себе, — Ну же, включи мозг или то, что от него осталось!

Он полез в карман и извлёк оттуда сферы, желая кое-что проверить. Держа на ладони, Игорь стал пристально их разглядывать. В вечернем сумраке и неярком свете фонарей рассмотреть было трудно, но ему показалось, что шары немного потускнели. Более того, они явно приобрели некоторый вес.

— Вот сейчас всё и встанет на свои места, — со злорадством прошипел себе под нос Игорь, и резко перевернул ладонь. Сферы, как он и ожидал, брякнулись ему под ноги, как какие-нибудь шарики от большого подшипника. Один даже покатился, но Игорь наступил на него ногой. Потом наклонился и поднял.

— Элементарно, Мудсон. Просто, как два байта[41] переслать, — устало выдохнул он, — Светодиодный баннер — это замаскированный под рекламу генератор излучения. Шары — приёмники-ретрансляторы энергии непосредственно в мозги. Впрочем, и сам баннер своим светом мог как-то опосредованно влиять, не суть важно. Главное — концепция вроде понята верно, в деталях копаться будем позже. Левитация? Побочный эффект.

Кто знает, что за излучение используется. Может, прости господи, антинейтринное какое.

— Вне зоны действия баннера шарики — мёртвый груз, — продолжал само-ликбез Игорь, — Сюда он явно не добивает, значит тут я в относительной безопасности, — он немного подумал, — Однако, вернуться в пасть дракона всё же придётся.

Во-первых, драпать без толку — эти найдут хоть под землёй. Во-вторых, там остались все мои документы в пиджаке. Ноут — ладно, хер с ним, всё равно нахаляву дали на работе. А в-третьих, хотелось бы, чтобы этот «Юра», — Игорь с отвращением фыркнул, — или как его там на самом деле зовут, дал мне кое-какие разъяснения. Даже если придётся их из него выбить, — он сжал шарики в кулаке. Ему показалось, что они даже скрипнули от трения друг о друга, — Для начала, пусть ответит, а почему, собственно, я был выбран подопытной мышкой.

Игорь улыбнулся. Именно мышка его домашнего компьютера подтолкнула мысль в верном направлении. У мышки была беспроводная подзарядка. Индукционная бесконтактная. Достаточно было положить мышку в сантиметрах пяти от ресивера[42] и по совместительству зарядника, как на нём, светом ядовитого оттенка, загорался логотип фирмы-изготовителя, что говорило о начале процесса зарядки. Кстати, Лоркин подарок.

— Интересно, — подумал Игорь, — а горит ли сейчас этот чёртов баннер?! Шары-то у меня. Впрочем, отсюда всё равно не разглядеть. Надо возвращаться, а то этот мудило уже наверное соскучился по своим шарикам-кошмарикам, хе-хе! Заодно и поговорим.

— Спасибо, Лорейн, что подарила мне на днюху сей удивительный девайс![43] — чуть ли не на всю площадь пропел Игорь. Он уже было направился ко входу в злосчастный скверик, как услышал позади окрик:

— Братан, погодь, слыш! Угости сигареткой нах!

9

Игорь обернулся. К нему приближались двое ребят. Одному на вид лет семнадцать, другой явно старше — что-то около двадцати. Оба были одеты довольно просто, если не сказать неопрятно. Оба коротко стриженные. Тот, что постарше, держал в руке бутылку пива, пустую на две трети. Под глазом младшего красовался несвежий фингал.

— Простите, это вы мне? — кося под дурачка, спросил Игорь. Он на дух не переваривал подобную публику, в том числе и за их неповторимую манеру общения.

— А ты тут ещё кого-то видишь? — держал речь тот, что постарше, — Юморист, блин, — Младший ощерился улыбкой хорька с пробелом в ряду зубов.

— Я грю, сигаретами не богат?

Игорь мгновенно понял, что его злоключения ещё ой как далеки до хэппи-энда, впрочем особо и не расстроился. Этот вечер явно закалил его характер.

Он молча протянул шпане сильно похудевшую пачку сигарет.

— Ого, нах! Капитанблек типа? Я две возьму, не против? — старший запустил пальцы в пачку, не дождавшись ответа Игоря.

Пачка моментально похудела еще сильнее. Он протянул одну сигарету младшему, а вторую сунул себе в зубы. В его руке, тем не менее, остались ещё минимум три сигареты.

— Ну чисто мои любимые, — прогундосил он, — Поджигу дай.

Игорь протянул ему свою турбо-зажигалку, тоже кстати, подарок Ларисы. На годовщину их совместной жизни.

— Слышь, а ты чо, металлист? — спросил старший, прикуривая.

— Почему? — холодно спросил Игорь.

— Ну волосатый с понтом, а чё? — продолжил он соцопрос, отправляя зажигалку Игоря в свой карман.

— Предпочитаю транс и эмбиент,[44] — бросил Игорь. Его бесил своей бараньей беспардонностью этот чугунный Маугли, — Зажигалку верни.

— А, ну да, сорри, братан, чиста шоферская привычка нах! — он отпил пива из бутылки, — Ну транс я типа знаю, а этот, как его, второй, чо-то не слыхал.

— Значит оно тебе и не надо, — устало сказал Игорь, — Ладно, мужики, пойду я.

— Слышь, да погоди ты, — включился в разговор младший, — А ты футбол любишь? За кого болеешь? Я например,

за наших, — за каких конкретно «наших» он уточнить не удосужился.

— Я не болею, я здоров, — отрезал Игорь. Его терпение лопнуло, — чего и вам желаю, — он повернулся чтобы уйти, как перед ним, словно из-под земли нарисовался третий.

На самом деле он уже давно стоял позади Игоря, наблюдая за ходом разговора. Игорь слышал, как он подкрадывается, но виду не подал. А что, типичный сценарий: трое на одного, двое отвлекают, третий блокирует пути отхода. Старо как мир.

— А ты что такой дерзкий? — зашипел в лицо Игорю третий гопник, — С тобой пацаны нормально разговаривают, а ты хамишь. В школе хорошим манерам не научили?!

Третий был старше первых двух. И явно крупнее, хотя Игоря это особо не пугало. На него вообще напало тупое безразличие. Даже радость от недавней победы над загадкой блестящих шариков бесследно улетучилась. Наоборот, он испытывал какой-то суицидальный кураж, хотя адреналина в крови не было ни капли.

— Ну вот, — сказал Игорь, с трудом сдерживая злобу, и совсем не сдерживая сарказм, — вся компания в сборе! Баран, Хорёк, и Бычара! О музыке поговорили, о спорте тоже. Может по политике пройдёмся? Меня тут неподалёку как раз знакомый политик дожидается, я сейчас за ним схожу по-быстрому. А то трое на одного как-то. — он сделал театральную паузу, — не по понятиям.

Гопники не ожидали столь драматичного монолога от своей жертвы, в крайнем случае криков «Помогите!». Но быстро очухались.

— Вась, а ты кто такой вообще, что за понятия тут хавало рязявил? — прошипела самая старшая и наиболее крупная особь. Выражение лица и многочисленные наколки указывали на завсегдатая зоны отдыха за тремя замками.

— А я смотрю, ты недавно от хозяина,[45] и по-новой невтерпёж? — глядя ему в глаза спросил Игорь, — Могу помочь. У меня тут стрела с особистами,[46] и мне ваша компания не упала. Так что сдрисните отсюда, пока я добрый.

— Ты чего мне паришь, Вася, — сделал ответный выпад бык, — какие особисты? Я тебе что, только с малолетки? Ты даже этих щеглов такими левыми понтами не застремаешь, — указал он носом на своих младших подельников, — Давай сюда лопатник, трубу и котлы, по-рыхлому. Тогда домой своими ногами уйдёшь.

Игорь почувствовал довольно болезненный укол сзади в правом боку.

— Так-с, — подумал он спокойно, — а ребятки, похоже, настроены серьёзно. Это мне хорёк чтоль в почку пером тычет? Если у него перочинный ножик, тогда особой опасности нет, а если «бабочка» — тогда походу пиндык, если конечно он не очконёт мокрого на себя повесить.

Вот уж не думал, что сдохну вот так: в центре Москвы, в пяти минутах от работы, тёплым летним вечером, на пере у быдла. Ладно, чего уж там. Морально я к этому уже давно готов. Вот только маму с Лариской жаль. Впрочем есть ещё шанс.

— Прикрути свою сявку, — обратился он к быку, так же глядя ему в глаза, — а то он мне своей авторучкой рубашку испортит. Часов я не ношу, мобильник у друга остался, а бумажник сейчас достану.

— Да. И давай, не дури мне, — прошипел бык, — Мелкий, перо сныкай! — обратился он к своему самому младшему подопечному.

Игорь полез в карман брюк и извлёк свой потрёпанный бумажник. Затем молча протянул его быку.

— Ну, Вертер, чо там у него? — прогундосил баран, обращаясь к быку. Ему, видно, не терпелось узнать, стоила ли добыча потенциального срока за грабёж.

— Погоняла у тебя мазёвая, — съязвил Игорь, — За что дали? За комплекцию или чувство юмора? Такая бы больше подошла стриптизёру из гей-клуба, не находишь?

— Я тебя сейчас самого в гей-клуб отправлю, пидор волосатый! — прошипел бык, бросив выпотрошенный бумажник Игорю под ноги, — По частям отправлю. В другом кармане что?!

Игорь, собственно, дожидался этого момента, потому и решил пожертвовать небогатым содержимым бумажника ради усыпления бдительности гопоты.

— Вещь чужая, отдать не могу, — с наигранной озабоченностью в голосе ответил он, — Для вас она всё равно не представляет ценности, а вот геморроя принесёт — только в путь.

— А ты что, проктолог? — скривился бык, — Спец по геморрою? Сюда давай!

— Ты на зоне библиотекарем чтоль был? — с прежним сарказмом спросил Игорь, — Образованный весь такой походу.

Бык легонько ударил Игоря поддых своим немаленьким кулаком.

— Ты у меня сейчас докукарекаешься, петушара! Выворачивай карманы!

— Как хочешь, — восстанавливая дыхание, сказал Игорь, и полез в карман, где лежали шарики, — но я предупреждал.

Он сделал вид, что содержимое никак не хочет вылезать из

кармана, приноровляясь уложить шарики поудобнее в своём кулаке.

Собравшись с духом, Игорь резко выдернул руку и ударил локтем хорька, стоявшего сзади него. Куда пришёлся удар в хорькову тушку, Игорь не понял, да и неважно, главное что тот не успел ткнуть в него ножом.

Потом налету распрямляя руку в локте, заехал кулаком с зажатыми в них шарами быку в висок.

То что произошло дальше, напугало до обморока не только двух младших джентельменов удачи — хорька и барана, но и видавшего виды Игоря. Главгопник, он же Вертер, он же бык — с яркой вспышкой и негромким хлопком исчез!

Первым пришёл в себя от шока баран. Он ошалело посмотрел на хорька, потом на Игоря, потом на то место, где только что был их старший товарищ и наставник, потом снова на Игоря.

— А?. Это чё нах. — прогундосил он, чуть не плача, — Мелкий, слышь, — тот стоял в оцепенении и хлопал глазами, — Мелкий, да очнись ты, блядь! Вертер-то где? Вертер! Вертер, нах! — озирался он по сторонам, параллельно тряся хорька за плечо.

Игорь молча и в полном безразличии наблюдал сцену искреннего гопницкого горя. Не хватало только саундтрека в стиле «блатняк».

— Ты его гранатой подорвал, урод?! — заорал он на Игоря, — Бля, гранатой нах. Мелкий, да очнись ты уже, твою мать! Он походу при делах, Вертера грохнул. Ох ты ж ё! — всё причитал баран.

Игорь, как ни в чём не бывало, достал сигарету и закурил.

— А шары таки работают, — лениво подумал он, — странно. Где-то я нахомутал в своей теории. Жаль. Красивая была. Эх! — он наклонился и поднял свой потрёпанный бумажник.

Хорёк очнулся от спячки наяву, и успокаивал барана, у которого, похоже, была полноценная истерика.

— Слышь, да какая нахер граната?! Кровь где? И на нас ни царапины. Походу линять надо, вон мусор сюда гребёт. Давай, ходу, ходу! — они стремглав помчались по газону, и перепрыгнув через невысокое чугунное ограждение, растворились в огнях бульвара.

— Младший сержант Порывайло, линейный отдел на метрополитене, — козырнул подошедший к Игорю полицейский, — Что здесь произошло?

— Да, пустое, командир, — равнодушно ответил Игорь, — молодёжь развлекается. Подошли, попросили прикурить, а в благодарность бросили под ноги петарду.

— Ваши документы, — произнёс коронную фразу правоохранитель.

— Извините, не с собой. Хотя вот, — Игорь протянул ему свой рабочий пропуск с фото, который достал из бумажника.

Тот взглянул на Игоря, потом на фото в пропуске и вынес вердикт:

— Пройдёмте для составления протокола. Вы, кстати, в порядке?

— Нормально, только в ушах звенит, — честно наврал Игорь, — И никуда я не пойду. Домой я пойду.

— Я обязан зафиксировать факт правонарушения, — упирался полицай.

— Командир, ну тут вон сколько народу, — махнул рукой Игорь в направлении входа в метро и батареи туалетов, — свидетелей до ж… полно. Да и камеры тут висят на каждом столбе.

— Попрошу без фамильярностей, — сухо ответил тот, — Пройдёмте, тут недалеко.

— Какой же ты, ментяра, однако назойливый! — подумал Игорь, — Где ты был, когда меня эта гопота мариновала? Я ж и правда чуть без почек не остался! Вот щас был бы у тебя тут жмур с ножевыми, вот бы ты побегал, гондон! А то ходит как пингвин — сонный, расслабленный. Слушай, а может его как того быка Вертера? — мелькнула шальная мысль в голове Игоря, — Интересно, а куда он на самом деле исчез?

— Хорошо, — согласился полицейский, — отсмотрим по записи с камер наблюдения. Всего хорошего.

Он вернул Игорю пропуск и величавой походкой направился восвояси, оставив того наедине с его мыслями.

— А тебе приятного киносеанса, — с искренней злобой в душе подумал Игорь, — не забудь попкорн и сладкую вату с Пепси-Колой. Порывайло, блядь!

10

Игорь устало опустился на лавочку, на своё прежнее место. Юрий сидел, откинувшись на спинку и вытянув скрещенные ноги. Его взгляд был направлен в пустоту перед собой. Повисла долгая тишина, оскверняемая лишь шумом вечернего города.

— Всё в порядке? — против своего обыкновения, первым нарушил молчание Юрий.

— Вечер просто чудесный, спасибо, — равнодушным хамством ответил Игорь.

— Бок болит? — Юрий повернулся в пол-оборота к Игорю.

— Царапина. А откуда.?

— Мысли прочитал, — слабо улыбнулся Юрий, — Шучу. Заметил пятнышко крови на твоей рубашке. Ограбили?

— Изнасиловали, — зло бросил Игорь, — Морально.

После некоторого безмолвия Игорь полез в карман.

— Я один твой шар посеял, пока махался с гопотой. — он протянул Юрию единственный оставшийся шарик, отметив про себя, что к шару вновь вернулись прежний блеск и невесомость.

Игорь даже не удивился, когда Юрий со своей фирменной почти незаметной улыбкой, продемонстрировал второго шарообразного близнеца, разжав ладонь. Похоже, психика Игоря уже навсегда утратила такое чувство как удивление.

— А всё-таки мозги у меня теперь промыты до блеска, — подумал Игорь, — уже ничего не торкает. Даже если сейчас над этим чёртовым скверико м зависнет НЛО, или вообще начнётся конец света, я приму это как должное, и без малой толики удивления. Чувствую, Юрец и не такие спецэффекты способен сотворить! Фабрикант грёз, блин, — погрузившись в полнейшую апатию, думал Игорь, — Подумаешь, конец света! Эка невидаль!

— Как он тут очутился, шар этот грёбаный? — спросил Игорь.

— Прилетел. И я сразу понял, что ты попал в историю. Не надо было там столько времени слоняться в одиночестве. Дай угадаю: тебя обобрала компания из двух юношей и татуированного шкафа?

— В точку. Только не говори, что их ты тоже заметил тут ещё несколько часов тому назад, — пробурчал Игорь.

— Не тут. На площади у метро, когда сюда направлялся. И ты у них сегодня не первый, это точно. Они, видимо, давно там промышляют. Точка пристрелянная. Шкаф опытный, а пареньки — для страховки, стажируются пока. Обувают подгулявших сограждан, которые у палаток светят содержимым своих кошельков.

— Как всё просто, — хмыкнул Игорь, — как в рекламе: джаст изи.[47] — и немного помолчав, добавил, — Может тогда дашь такое же простое объяснение, что за херомантия там произошла? Почему у меня шары не летали, а вели себя как обычные куски металла? И куда испарился бычара, когда я его шарами, заместо кастета, оформил по куполу?

Юрий вновь принялся крутить и подбрасывать блестящие сферы, перекатывать их с ладони на ладонь. Он всё так же рассеяно улыбался чуть заметной улыбкой. Разве что морщинки грусти в уголках его глаз стали более заметны.

— Изволь, — произнёс он всё тем же равнодушно-бесцветным голосом.

— Перед тем, как отдать тебе сферы, я настроил их таким образом, чтобы они выглядели как обычные. Чуть прибрал свойства отражения, задал вес и упругость, отключил антигравитацию. А то бы ты там, чего доброго, устроил показательное выступление средь всего честного люда, — он беззвучно засмеялся, — На кой ляд такое палево? — подражая гопникам, прогундосил Юрий, смеясь.

— А что? «Игорь Денисенко и его летающие сферы», — продекламировал он цирковым голосом, — Сразу бы стал героем Ютуба и соответствующих спецслужб, — добавил он уже прежним своим голосом.

— А ты с понтом не из спецслужб? — зло фыркнул Игорь, — И в паспорт мой успел заглянуть, да? Я тебе свою фамилию не говорил, это сто пудов, — он начинал заводиться, — А мой мобильник, давно прослушиваем, а, товарищ особист? Думаешь, я повёлся, что ты про Лорку только из обрывков моих слов услышал?! Да ты от меня был на хер знает каком расстоянии, когда она позвонила! Марго тоже в вашей шараге числится, или она внештатник с панели?! — он смачно харкнул себе под ноги, не сводя злобного взгляда с Юрия.

— Да успокойся ты, Гарик, — отмахнулся тот, и подбросил другой рукой шарики высоко вверх, — Ну какие спецслужбы? Я что, так плохо выгляжу? — он беззвучно рассмеялся, — По карманам твоего пиджака я не шарил и паспорт не смотрел. Только поковырял ноутбук в поисках порева, а то скучно было сидеть одному, — он, похоже, развеселился ненашутку, — Кстати, мне очень понравились фото Ларисы в неглиже! Поставил бы хоть пароль на папку с подобным контентом![48]

— Ой, всё, молчу, молчу, — извинительно-смешливым тоном протараторил Юрий, и выставил руки перед собой, увидев, что Игорь встаёт со скамейки с самыми серьёзными намерениями.

— Это рабочий ноут, придурок, — проворчал Игорь,

возвращаясь на место и закуривая, — там ни одной фотографии Лариски нет, тем более голой.

— Ой, ладно, извини, — успокаиваясь, сказал Юрий, — что-то я и правда раздухарился. — он тоже взял сигарету, — Кстати, часом не ты потерял? — он извлёк из заднего кармана своих джинсов немного помятую и испачканную белую визитку и начал читать:

— Денисенко Игорь Алексеевич. Начальник отдела системной интеграции. Астранэт телеком. Москва, — торжественно произнёс Юрий, — телефон, адрес, веб-сайт, все пироги. — закончил он уже скороговоркой.

Игорь в очередной раз вспомнил про ларчик. Не про Ларису, а про тот, который всегда открывается просто. Ларису он никогда не называл «Ларчик», (верх лоховства!). Лорейн — это другое дело!

— Наверное выпала из кармана пиджака, — равнодушно пробурчал он.

— Начальник отдела! Круто, Игорёк, молодец.

— Да ну в баню, — устало выдохнул тот, — Банальный админ, и докучи тех-саппорт.[49] А то что «начальник» — это значит, что как случись какой аврал — меня первого натягивают. В остальном — ишачу наравне со всеми.

— Серверов он был начальник, терминалов[50] командир. — задумчиво продекламировал Юрий, и выпустил несколько колечек табачного дыма.

— Его выгнали с работы, он пошёл чинить сортир, — налету сымпровизировал Игорь, и грустно вздохнул.

— Ладно, не куксись, — ободрил его Юрий, — А почему Астранэт-то? Что, на космос работаете?

— Ага, аж два раза, — буркнул Игорь, — Наша контора — обычный провайдер. Обеспечиваем малолетним дрочерам связь с порносайтами и онлайн-серверами ГТА.[51] Или во что там эта шпана сейчас играет. А наигравшись, грабят поддатых сисадминов прямо в центе города. Правда я, благодаря тебе, был трезвый. Не суть.

— Не любишь ты людей, Игорь, — Юрий снова выпустил несколько колечек дыма, и отправил бычок щелчком в сторону злосчастной лавки напротив, которая по-прежнему пустовала.

— А за что мне их любить, а?! — вновь вскипел Игорь, — Мне гопники чуть дырку в боку не проковыряли за мои же деньги! А мент появился только в финале. А где он раньше был? — он сплюнул себе под ноги, — Понавешали камер-хренамер!

Да он, бля буду, всю мою тёрку с гопотой наблюдал по монитору. Ну не он, так такой же архаровец, какая мне нахрен

разница?! А прохожие? Видят — чувака обувают, так голову в плечи, и рысью. Типа «дело не моё», — он перевёл дыхание, — Всём, Юр, тупо наплевать. Всем и на всех.

— Печально. Но ты в сущности прав. А ты сам-то святой, Игорёк? — с некоторым вызовом в голосе спросил Юрий?

— Нет конечно. Но всё же не такое человекообразное, как тот шкаф например, — Игорь криво усмехнулся, — я правда прозвал его не «шкаф», а «бык».

— Остроумно. А главное оригинально. — опять в интонации Юрия послышались нотки вызова, даже упрёка.

— Игорёк, а ты в курсе что ты сегодня человека убил, а?. Да-да, того самого быка, — он чуть помолчал, и добавил, — Это к твоему вопросу, куда он, собственно, испарился. Расщепление материи, старая добрая аннигиляция.

У Игоря поплыло в глазах. Он вскочил со скамейки, и опрометью бросился к ближайшему дереву. Его обильно вырвало прямо на газон.

— Ох ё! — оперевшись рукой о ствол старого дерева, он никак не мог продышаться, — Ой, блядь, да что же это. Как такое может быть? Убил. Человека. Его снова вырвало.

Сколько продолжался припадок, Игорь не помнил. Ему было всё так же тяжело дышать, в глазах плавали разноцветные пятна. Сердце бешено колотилось. Внутренности пронзала жгучая боль.

— На, попей, — Юрий подошёл к нему и протянул бутылку минералки без газа, — умойся и рот прополощи.

Выпив немного воды, и вылив остатки себе на голову, Игорь наконец пришёл в себя.

— Юр, дай сигарету, — попросил он.

— Перебьёшься, — холодно ответил тот, — у тебя сердечный приступ.

— А ты врач, блядь, да?!

— В каком-то смысле, — привычным невозмутимым голосом ответил Юрий, — Закуришь — хапнешь инфаркт, а ты мне живой нужен. Иди, присядь лучше, — он помог Игорю дойти до скамейки и сесть.

— У вас всё нормально, мужики? — послышался немолодой голос.

Игорь поднял голову, и увидел лысоватого, лет пятидесяти, коренастого мужчину в выцветшей от времени майке с надписью «Водка Инсайд»[52] в синем овале.

— Всё нормально, отец, — своим обычным тоном ответил Юрий, — Приятель малость перебрал, с кем не бывает. Сейчас очухается, он у меня крепкий! — добавил он более весёлым тоном, и панибратски хлопнул Игоря по плечу.

— А, ну лады, — сказал «отец» и побрёл своей дорогой.

— Вот, — несколько назидательным тоном сказал Юрий, наклонившись к Игорю чуть ли не вплотную, — а ты говоришь «всем наплевать».

11

— Успокойся ты уже, — отмахнулся Юрий, — Вот заладил «убил, убил». Смотри на это как на самозащиту.

— Хрена себе самозащита, Юр! Ну вытряс он мой бумажник, да и хрен с ним, это всего лишь деньги. А я у него жизнь отнял, понимаешь? Жизнь!

— А чем его жизнь лучше твоей? — своим привычным, лишённым эмоций голосом, спросил Юрий, — Он, значит, пусть пьёт, гуляет, баб дрючит, прохожих грабит. А ты, — он чуть возвысил голос, — здоровый образованный мужик, со светлой головой, должен сдохнуть? Так чтоли? А как же Лариса? Мама?.

— Гарик, ты буддист? — он вновь перешёл на свой обычный тон, — «Пусть будет плохо мне, чем вон тому гондону, который хочет моих кровно заработанных», — прочитал мантру Юрий, подражая восточному монаху.

— Что за психология терпилы?![53] — он резко встал. Потом вытянул перед собой руку, согнутую в локте. На его ладонь, откуда-то с небесных высот, послушно спустились два блестящих шара.

— А если бы, представь, — он подошел к Игорю, — ты бы гулял с Ларисой, вел за руку вашего карапуза, и повторилась та же ситуация, что тогда?

— Не стал бы связываться. Отдал бы всё, чтоб только отстали, — устало ответил Игорь. Он сидел, накинув пиджак поверх промокшей рубашки. Его трясла мелкая дрожь.

— Тоже выход. Вот гопота таких семейных и караулит по подворотням, — продолжал Юрий свои рассуждения, — А те им с радостью всё отдают, «лишь бы отстали», — беззлобно передразнил он Игоря, — Практически вечный источник заработка. Не надо получать образование, книжки там какие-то читать, профессии осваивать. Лафа!

Юрий принялся расхаживать туда-сюда, подбрасывая на ладони свои шары.

— Какая лафа, Юра? А в тюрьму сесть на долгие года? Здоровье там оставить? Лафа? — парировал Игорь.

— Точно буддист. Адвокат хренов, — усмехнулся Юрий, — Тебя, между прочим, тоже на работе может убить током от незаземлённой серверной стойки. Меня один раз так приложило. Впрочем, уже не важно.

— Законы, законы, блядь, нужны нормальные.

— Верно. Игорь, а ты прямо гений. Ты знаешь, что главное в профессии вора? Или убийцы? Или насильника, а?

— Просвети.

— Не попадаться! Да! Не пойман — не вор, помнишь?! Какой бы закон ни был, строгий справедливый, и прочее, и прочее — клали они на этот твой закон с тройным прибором — все эти «шкафы», «быки», иже с ними.

Юрий занял своё привычное место на скамейке рядом с Игорем. В сквере стало совсем темно, да и гуляющих заметно поубавилось.

Неспешно совершали свой традиционный обход бомжи, собирая обильный урожай пустых бутылок. На окрестных лавочках, негромко хихикали и обнимались влюблённые парочки или бренчали на гитаре поддатые студенты.

Вокруг неярких фонарей суетилась мошкара. По бульвару, избавленному наконец-то от пробки, с рёвом проносились, словно стрелы, навороченные японские мотоциклы. Томный московский летний вечер плавно перетекал в прохладную и неспокойную, московскую же, ночь.

12

— И как меня этот лейтенант за непредумышленное не заграбастал? Я в тот момент об этом даже не думал. Хотя, — Игорь грустно усмехнулся, — ещё есть шанс загреметь в каталажку. У ментов же есть запись с камер.

Мою рожу этот пингвин наверняка запомнил, да и имя-фамилию тоже. А потом, — он напрягся, — по записи и отследят, что я в этот скверик пошёл, — он хлопнул себя по коленям, — Скоро, видимо за мной явится наряд. Может уже и сквер оцепили. Юр, ты там не видишь, не идут по мою душу архаровцы во главе с пингвином?.

— Я вижу рядом депрессивного параноика, которого чуть не зарезали, а он трясётся что его же ещё и посадят, — равнодушно произнёс Юрий, — Дурдом.

— Да? А не помнишь, случайно, столько дают за превышение предела необходимой самообороны, остряк ты хренов? — проворчал Игорь, — Кстати, ты где минералку-то надыбал, что, тоже из-под скамейки?

— К передвижному ларьку сбегал, — ответил Юрий, — Тут неподалёку стоял. Уже укатили на ночь, — На попей, ещё бутылка есть, я две купил. — он подал Игорю маленькую бутылочку, — А то ещё коня двинешь от обезвоживания.

— Спасибо. А ты?

— Не нуждаюсь. — равнодушно произнёс Юрий.

— Ну так сколько дают-то? — с тоской в голосе переспросил Игорь, — Маму хоть живой застану, как думаешь? Лариска-то, наверное, ждать не станет.

— Да забудь ты эту ментовскую херь про «превышение», — Юрий добавил металла в голос, — Нет тела — нет дела. Всё. Вопрос закрыт, ясно? — он протянул Игорю свои блестящие шарики, — На вот, погоняй в руках или к вискам приложи, полегчает сразу.

— Убери от меня эту хрень! — заорал Игорь, закашлявшись, — Убери!

Потом, чуть успокоившись, сказал, — Приложу к вискам, и опять мозги взорвутся, как в тот раз? На хрен! Не хочу даже в руки брать, а то опять убью кого-нибудь ненароком.

— Ты его не по своей прихоти убил, ясно? — ответил довольно жёстко Юрий, — Можешь считать, что это я его распылил. И не жалею, кстати!

— Как так — ты?! — опешил Игорь.

— А вот так. Я тебе просто не всё рассказал. Ты вечно лезешь

с вопросами, вместо того чтобы дослушать до конца. Поэтому мы тут с тобой и торчим столько времени. И как ты с таким «терпением» компьютеры освоил. — он встал, и принялся расхаживать взад и вперёд. Игорь неотрывно следил за его движениями, словно восхищённый студент за многоопытным профессором.

— Я тебе уже сказал, что когда ты собрался на горшок, — он усмехнулся, — я шары перенастроил и дал тебе, так?

Игорь кивнул.

— Так вот. Я их настроил так, — Юрий снова подкинул шары на ладони, — что если тебе будет угрожать опасность, они немедленно сработают на аннигиляцию всего живого в радиусе пяти метров, кроме тебя разумеется.

— А если бы меня сбила машина?

— Игорь, ты затрахал своими вопросами! — спокойно ответил Юрий, — Ну был бы этой машине, как ты говоришь, пиндык. Эквивалентный железобетонному забору. А ты бы даже ничего не почувствовал.

Игорь вспомнил ролик из Интернета, в котором автомобиль на приличной скорости влетает в стену.

— Шары как бы мониторят вокруг тебя, точнее пока объяснять не буду. Долго. Потом. Так вот, если на тебя летит самосвал, шары делают так, что самосвал врезается как бы сам в себя в лобовую. Как зеркало, короче. Только отражение в зеркале столь же реально, что и оригинал. Ну и трам-бам.

— А как же я? — не выдержал Игорь, — Получается, меня плющит сразу двумя самосвалами. — он сразу скуксился, — Прости, опять я.

— Как, как. Ты в нулевой точке, мудило! Не врубился что ли? Тебя там как бы нет.

Игорь понял, что ничего не понял, но решил не возражать.

— Едем дальше. Если тебе угрожает какой-либо живой предмет, скажем бычьё, или просто злая собака — она излучает. Ну что ли мозговые волны с твоей проекцией. Это не совсем так конечно, сильное упрощение. Чтобы тебе было понятней. И если приблизится ближе пяти метров — опять же пиндык. Ты его уже сегодня наблюдал. Вопросы!

— А почему тогда пропал шкаф, у него кстати, была погоняла Вертер, — Игорь нервно хохотнул, — а те два дебилоида остались целы?

— Вертер-шмертер, — не выказывая ни малейшей раздражительности, ответил Юрий, — Его имя, вообще-то было Владислав, но это к делу не относится. Вот он-то и хотел тебя реально зарезать, а не тот волчонок с зубочисткой.

У Вертера был нормальный такой ножичек, но ты конечно же не обратил внимания, потому что не на руки смотрел, а в глаза. Рыцарь ты наш, без страха и упрёка, — хмыкнул Юрий, — А зарезать хотел потому что ты его своей тирадой реально выбесил. Что тоже тебе не в плюс. Начал там рамсить по понятиям, авторитет херов.

Ну и конечно, покойный Владислав очень расстроился что столько усилий на тебя потратили, выпасали, и всё такое, а ты оказался не мажор, а банальный нищеброд с пустым кошельком. Ну ошибся, расстроился, с кем не бывает, а парень он горячий. Был. — Юрий беззвучно рассмеялся, — Так что не парься, греха убийства на твоей душе нет. Это я тебя решил подколоть, а то начал мне, понимаешь, втирать, про добродетели и пороки. Философ, тоже мне.

— Греха убийства, говоришь, нет? — Игорь встал со скамейки, — сейчас будет. Ты представляешь, что я пережил за то время, пока думал, что на мне кровь?!

— Ой, да не надо из себя целку строить, Гарик, — устало ответил ему Юрий, — Ты просто реально очконул, что будешь лет семь трудится на заготовке древесины для экспорта в Китай. На свежем воздухе и за колючкой. Тайга, сосны, охрана с собаками. Романтика.

Юрий, потягиваясь, втянул ноздрями воздух, словно был в этот момент посреди сибирской тайги, а на в центре пропахшей бензиновой гарью столицы.

Игорь сел на скамейку и обхватил голову руками. Ему было стыдно.

— Как сказал Карлсон, продолжаем разговор, — как ни в чём не бывало, продолжил Юрий, — Наш друг бычара Вертер аннигильнулся потому, как я уже сказал, что его канареечный мозг излучал твою проекцию явно не в добром ключе, ферштейн? [54]

Игорь сидел молча, по-прежнему обхватив голову руками и теребил пальцами свои густые каштановые волосы.

— Короче, излучал-то он излучал, но видимо не достаточно сильно. Поэтому шары и сработали только в момент удара об его светлую голову. Он излучил сильнее, ну и превысил порог срабатывания. Ты мог бы просто ему на ногу наступить, результат был бы тот же. А то начал там махаться как супермэн.

Юрий подошел к Игорю, и положил руку ему на плечо.

— Ладно, не обижайся. Ты молодец. Другой бы стал визжать и звать на помощь, потому что смыться в той ситуации было нереально. Ты хотя бы принял бой.

— Ты-то откуда знаешь, тебя там не было, — поднял на него

глаза Игорь, — А, ну да, шары.

— Пока пусть будет так. Шары. Постепенно и до этого дойдём, — Юрий встал и снова принялся неспешно прохаживаться.

— Так, что там дальше? — спросил он сам себя, — Те два волчонка. Ну тут совсем всё просто. Они не излучали сильной агрессии по отношению к тебе, потому и остались целы. Разве что мелкому досталось немного твоего локтя по рёбрам.

— А что же они излучали? — с грустной усмешкой спросил Игорь, глядя снизу вверх на Юрия.

— Да страх за свои шкурки. Не хотелось им под замок за соучастие в грабеже и убийстве. Ну и Вертера боялись безусловно. А сейчас мирно дремлют в электричке и благодарят тебя в душе за избавление их от назойливой опеки злого дядьки Владьки, грозы всего посёлка.

— Я сейчас заплачу, — пробубнил Игорь, — Такая трогательная речь. На то пошло, это не я, а ты с Вертером разделался.

— Да ну, перестань, Игорёк, — сказал Юрий своим обычным тоном без эмоций, — Этот Вертер был очень гнилой сущностью. Было бы время, я бы рассказал тебе всю его подноготную. Только какой смысл.

— Я давно всё хотел тебя спросить, Юра, — почти шёпотом произнёс Игорь. — но ты постоянно съезжаешь с темы. Всё мне тут разжёвываешь, растолковываешь, зубы заговариваешь, — он замолчал, собираясь с мыслями.

— Кто ты, Юра?.

— Пардон, что-то не вкурил. В каком смысле «кто»? — ответил вопросом на вопрос Юрий, и сел на своё прежнее место, повернувшись к Игорю вполоборота.

— Ты думаешь, я совсем дурак, Юра? — голосом, полным горечи, произнёс Игорь, — Я много интересовался, скажем так, паранормальным. И так называемыми «лже-науками», и так далее. Перелопатил тонны книг и сайтов.

— Ну же, рожайте, Игорь Алексеевич, не тяните кота за «мяу», — перебил его Юрий, — Вопрос-то в чём? — он посмотрел на Игоря с несколько насмешливой улыбкой.

— Шары эти твои, летают как угорелые, зависают в воздухе, людей убивают, — так же печально-устало продолжал Игорь, — ты их там как-то настраиваешь. Без пульта, без терминала, без хер его знает как.

— Так-так-так, уже интересно, — беззлобно стебался Юрий, — я весь внимание, не спеши, Игорёк!

— Ты всё про всех знаешь, хотя сам там и близко не был, всё

замечаешь и слышишь. — Игорь устало закрыл лицо руками.

— Угу, угу. — пробурчал Юрий закуривая, — смелее, начальник!

— Постоянно происходят какие-то, якобы случайные совпадения, — Игорь, протерев лицо руками, в упор посмотрел на Юрия, — То некая барышня, почти точная копия моей Ларисы, то гопники. Пиво и сигареты из-под скамейки. Минералка из ларька, которого не было. Да, Юр, я не такой уж и невнимательный, как ты мне внушал.

— Х-р-р-р! — тот закрыл глаза и комедийно притворялся, что крепко спит. Потом открыл один глаз, — Я пока посплю, а ты подумай над своим вопросом века, лады?

— Не смешно, Юра, не смешно, — медленно качая головой, сказал Игорь, — Аннушка уже разлила масло?

— Это и есть твой вопрос? — посерьёзнел Юрий, приняв свой обычный рассеянно-печальный вид, — «Мастер и Маргарита». Я помню этот роман наизусть. В прямом смысле. До последней буквы.

— И ты решил его оживить со мной и собой в главных ролях?

— Туше![55] Теперь уже я ничего не понимаю, Гаррисон. К чему ты клонишь?

— Брось, всё ты понимаешь, — еле слышно сказал Игорь. У него было сухо во рту словно в пустыне. Губы почти не шевелились. Сердце терзала игла. Тысячи игл.

— Говори, я тебя слушаю, — сухо отрезал Юрий.

— Кто ты? — сознание Игоря подёрнулось серой пеленой, — Мессир Воланд? Сатана?. Может ангел? Может сам Бог?. Скажи, только на этот раз правду.

Юрий с шумом выдохнул, хлопнув себя по коленкам, — Ну всё! Катарсис,[56] блядь! Он это сделал! Бурные овации Игорю Денисенко! Не прошло и года! Всего-то целый вечер!

Юрий встал и принялся ходить туда-сюда. Впрочем спокойно, без нервов и эмоций.

— Ты хоть сам себя-то сейчас слышал, Гарик? Ну какой нахер Воланд? Какой бог? Какой из них, если на то пошло?! Ты мне в глаза-то загляни, придурок! Ну какой я тебе нахрен Сатана?!

Он прикурил две сигареты, одну сунул в рот Игорю. Потом вернул откуда-то сверху свои блестящие шары. Подошёл почти вплотную к Игорю и присел на корточки напротив него.

— Я смотрю, ты совсем поплыл. Не против? Второй раз так не торкнет.

— А, похер.

Юрий приложил сферы к вискам Игоря. Тот приготовился вновь пережить запуск винчестера[57] в своей голове и

фотовспышку в финале. Но на этот раз ничего подобного не было. Так, лёгкий шум, не более. А после — небольшой приток сил.

— Вот и чудненько, — сказал Юрий, распрямляясь во весь рост.

13

— Ты мне опять мозги промыл? — спросил Игорь, попыхивая сигаретой.

— Не промыл, а прочистил, — своим обычным бесцветным голосом ответил Юрий, — А то ты, что в тот раз, что в этот — был полное невменько.

— Это да. Я помню, как тогда в голове прояснилось. Необычное, забытое ощущение, — задумчиво произнёс Игорь, — и хмель из башки вышибло, как будто вообще никогда в жизни не пил.

— Вместе с опухолью кстати, — Юрий посмотрел на него с какой-то отеческой добротой, — У тебя в мозге была опухоль, Игорь. Пока ещё, правда, не столь обширная, но не беда — дело наживное, — он слабо усмехнулся, — Оттуда и вся твоя мигрень с бессонницей, — он всё так же, сидя в пол-оборота к Игорю, неспешно перекатывал с ладони на ладонь свои блестящие сферы, иногда подбрасывая их невысоко в воздух.

— Поэтому тебя в первый раз так и заколбасило, — немного помолчав, добавил Юрий, — Опухоль рассасывалась. Пришлось её оттуда молекулу за молекулой выгребать. На клеточном уровне — слишком топорно. Да и нахрена тебе в башке склад дохлых мозговых клеток? — он слабо улыбнулся.

— Спасибо, Юра, — без эмоций поблагодарил его Игорь.

— Ю вэлкам,[58] — ответил тот англицизмом, видимо желая разрядить обстановку.

— Башка у меня, Юр, болела знатно, да. И бессонница доводила иной раз до полной ручки, — Игорь немного помолчал, собираясь с мыслями, — Но чтоб опухоль?.

— А ты когда крайний раз делал томографию своего скворечника, а Игорёк? — с беззлобной усмешкой спросил Юрий, — Времени на себя любимого не хватало? Или просто лень? Вот и завелись у тебя в башке скворцы. По ночам так чирикали, что спать не давали, угадал? — подбросив шарики, он снова услал их куда-то ввысь.

— Интересное кино.

— Ага, прям комедия с Фернанделем,[59] — усмехнулся Юрий, — Вот через пару месяцев начал бы в обмороки хлопаться, так сразу ломанулся бы к эскулапам. А они: «Извините, Игорь Алексеевич, пиндык мы не лечим. Но можем порекомендовать недорогое похоронное бюро», — съязвил он, — Зато у Ларисы появился бы отличный повод надеть строгое чёрное платье, которое бы выгодно подчеркивало бледность её заплаканного

лица.

— Ты, Юр, поэт, ага. Эдгар блядь Алан По! — надулся Игорь, — А Лариса и так обожает ходить во всём чёрном. Прямо как ты.

Тёмная августовская ночь окончательно вступила в свои права. Уже ничто не напоминало о неугомонном дневном светиле, которое уже много дней подряд методично поджаривало несчастных москвичей.

Вместо него на свою вахту заступило светило ночное. Его мёртвый свет был слегка рассеян пеленой столичного смога, хоть и не столь плотного в этот поздний час.

Сквер почти опустел. Многочисленные дневные и вечерние посетители уже, наверное, смотрели свои беспокойные монохромные сны, зарывшись лицом в подушку, и предварительно поставив мобильники на зарядку. Кто-то, однако, ещё вполне себе бодрствовал, топча, не вставая с кресла, бесконечные «фейсбуки» и «вконтакты» под треск мотоциклов за окном.

— А не пора ли нам «пора», Юрий Батькович? — встал со скамейки Игорь, разминая одеревеневшую от долгой неподвижности спину, — Завтра вставать спозаранку, и пахать целый день. Ой, хоть бы завтра… точнее уже сегодня было попрохладнее.

— Васильевич, — не глядя на Игоря, сказал тот, — Юрий Васильевич. Так меня когда-то звали.

— Лады, Юрий Васильевич, пошли по домам, а то меня от этого сквера и этой лавочки уже конкретно блевать тошнит.

— Да ты и так тут весь газон заблевал, — беззлобно съязвил Юрий, — убийца-аннигилятор, блин.

— Юр, даже не напоминай! — добавил металла в голос Игорь, — Зло ты надо мной подшутил однако. Весь вечер твои подколы, розыгрыши, загадки. Ты, между прочим, так и не ответил на мой вопрос.

— Который из них? — своим равнодушно-бесцветным голосом осведомился Юрий, — Да и вообще, Игорёк, а ты уверен что оно тебе надо?

— А как не надо, Юр? — снова начинал расходиться Игорь, — Вся эта твоя летающая убивающая шарообразная техника для бесконтактного лечения мозга. Эти твои мутные рассуждения. Так и не прояснили толком ничего.

— Я тебе с первого момента нашей встречи пытаюсь всё это объяснить, а ты.

— Короче, — перебил его Игорь довольно бесцеремонно, — я в последний грёбаный раз спрашиваю тебя напрямую. Кто ты,

Юра?!

Юрий встал, вытянул перед собой руку, в которую послушно вернулись блестящие в неярком свете фонарей шарики. Он подошёл к Игорю почти вплотную и заглянул ему в глаза.

— Кто я, Игорь? А ты так до сих пор и не понял? Я такой же как и ты. По крайней мере, был таким раньше. Но всё меняется и я тоже изменился. Впрочем сегодня изменился и ты сам.

Мозг Игоря обдало холодом. Он на ватных ногах доковылял до скамейки и сел. Юрий подошел и сел на своё привычное место, как и в тот первый раз, в прошлый уже вечер. Он вновь принялся крутить и подбрасывать свои блестящие сферы, отвернувшись от Игоря и глядя куда-то в сумрак ночи.

— Мать моя Асус![60] — напряжённо думал Игорь замороженным мозгом, — Святы боженьки, это что ж такое получается?! Ответ был у меня перед носом, а я со всей этой булгаковщиной и прочим мистицизмом слона в комнате не разглядел, — он машинально полез за сигаретой, — Да как такое может быть?! Хотя почему нет?. Я же никогда подобного не исключал, правда и до конца не верил. Тем более не сталкивался лично. Вплоть до сегодняшнего вечера. — он выдохнул огромный клуб сигаретного дыма.

— Мои поздравления, мистер сисадмин-правдоискатель, — торжественно подытожил Игорь внутри собственной головы, — ты попал, что называется, на все деньги!

— Похоже, Ларисе все же придётся нарядиться в то чёрное платье, которое так поэтично описал Юра, — мысленно рассуждал Игорь, — Только не по умершему, а пропавшему без вести.

Он был преисполнен раздолбайского фатализма, который обуревал его по пьяни. Но сейчас он был трезв. И продолжил трезво рассуждать:

— Так-с! Ну допустим что на этот раз я не нахомутал в своих теориях, и всё так, как я думаю. Какие есть варианты?. Есть ли возможность всё разрулить по-мирному? Прецеденты вроде бы случались. Хотя может быть — всё это и правда банальное враньё. Один хер терять походу нечего, попробуем!

— Ладно, Юр, пойду я уже. Время дохрена и больше, — он бросил окурок себе под ноги и затоптал носком мокасина, — У тебя есть моя визитка, давай спишемся по мылу[61] и пересечёмся на выходных, лады? — Игорь старался говорить как можно беззаботнее, — Или в Скайп стукнись, потрепемся вечерком.

Юрий обернулся на его голос. Он выглядел привычно рассеяннопечально.

— Слушай, спасибо тебе за всё! — продолжал тараторить

Игорь, — Реально рулезово посидели, давно так душой не отдыхал, серьёзно. — он взял со скамейки сумку с ноутбуком, — Всё, я потутулил! Давай, жму лапу!

— Поздно.

— В каком смысле? — пришибленно выдавил Игорь. Его наигранную весёлость сдуло словно ветром, — Как понять, «поздно»?!

— Так и понять, — спокойно ответил Юрий, вставая, — Транспорт уже не ходит, как домой добираться будешь?

— Дык это. — выдавил Игорь, — моя шарага в пяти минутах отсюда, в офисе переночую, чо первый раз чтоль.

— А, этот твой Астранет? «Звёздная сеть»? — всё так же спокойно и даже с ноткой разочарования в голосе сказал Юрий, — А секурва-то впустит?

— Кто? Охрана чтоли? — Игорь вновь вернул себе самообладание. Похоже, его план работал, — Да куда они денутся. Скажу, мол, позвонили, из кровати выдернули, то да сё. Типа, биллинговые[62] сервера легли. Без тебя, Игорёк, не восстановить. Или ещё что навру.

— Ага, — с ноткой сарказма произнёс Юрий, — врать ты мастер.

— А? Да не. Я.

— Я, я. Головка от видака, блин, — бросил Юрий, — Забыл? Я же мысли читаю.

— В рот компот! — ошалело подумал Игорь, — Я так и знал. Приплыли.

— Так бы и сказал, что я тебе за вечер реально надоел, чего ходить-то вокруг да около? — своей прежней интонацией произнёс Юрий, — А то начал мне бодягу разводить про биллинговые. Тоже мне. Какой же провайдер их при офисе держать станет?

— Так это, — на ходу сочинял Игорь, — у нас охрененый дата-центр[63] на два этажа. — и чуть добавив уверенности своему голосу, добавил:

— Знаешь, Юр, было бы мне скучно тут с тобой — давно бы слинял!

Юрий встал, подошёл к Игорю и панибратски хлопнул его по плечу.

— А классно я тебя опять подколол? — сказал он и беззвучно засмеялся.

Мозг Игоря уже отказывался ему повиноваться. В душе нарастало неприятное чувство дежавю.

— Как же мне всё это надоело. Я безумно устал! — думал он, — Не знаю, как мне там Юра прочистил, или всё же промыл

мозги. Я уже не хочу ничего знать. Просто уйти отсюда. Да! Просто взять и уйти из этого заколдованного места. Куда угодно. В офис. Домой пешком через весь этот грёбаный город. К бомжам в подвал. На другую планету, блядь! Только бы подальше от этой скамейки и этого проклятого сквера!

— А знаешь, — вырвал его из плена мыслей голос Юрия, — мне этот сквер уже давно поперёк. Давай я тебя лучше на своём корыте покатаю!

— Так ты на тачке? — такого поворота Игорь не ожидал.

— Типа того, — своим прежним голосом ответил Юрий.

— Не, я пас. Пойду лучше спать в свою шарагу, — на душе Игоря росло беспокойство, — Устал нереально.

— Да ладно тебе, на том свете отдохнёшь.

— Ого как заговорил, — подумал Игорь, — Сейчас ты и правда меня отвезёшь отдыхать на тот свет, маньячина!

Но тут на Игоря с новой силой напал приступ фатализма, помноженный на остатки любопытства и здоровой прагматики.

— В конце концов, чему быть того не миновать, — подумал Игорь со смирением перед своим жребием, — Что бы мне там Юра не рассказывал, шанс благополучно умереть или попасть в реанимацию у меня сегодня уже был. А так, может всё же удастся расставить, наконец, все точки над этим грёбаным «И». Ну или хоть до дома довезёт. Посплю как белый человек остаток ночи.

— Твоя взяла, Юра, — устало выдохнул Игорь, — Где твой суперболид?

— Рядом. Ты его сегодня видел минимум пару раз, — сказал Юрий, и заговорщицки подмигнул. Игоря передёрнуло.

— Только не говорите мне, — подумал он, — что Юра сейчас достанет из-под скамейки новенький Ниссан ГТР, или хотя бы ржавую «Шаху».[64]

— А кстати, Игорёк, помнишь свой любимый рекламный баннер? — осведомился Юрий.

— Ну. И чего? — в полной растерянности спросил Игорь, — Тачила-то где твоя? Мы идём или нет?

— На пока, подержи, — Юрий сунул ему в ладонь свои чёртовы шарики.

— Иди сюда, — Юрий схватил Игоря за рукав и потащил к прогалине между деревьев, — Смотри! — он указал рукой на тот самый светодиодный рекламный баннер на крыше приземистого дома старой постройки.

В этот раз Игорь отчётливо разглядел картинку. Свет баннера больше не казался ярко-ядовитым.

— Впечатляет? — спросил Юрий всё тем же равнодушным тоном.

Уже ко всему привыкший Игорь вытаращил глаза. На баннере проигрывался бесшовно зацикленный видеоролик потрясающего качества, и даже, казалось, объёмный:

Обнажённая девушка летела по ночному звёздному небу верхом на метле. Её волосы развивались на ветру. Внизу пролетали многочисленные крыши городских построек.

— Маргарита в образе ведьмы. Как в романе, помнишь? — равнодушно спросил Юрий, — Нравится?

Игорь завороженно смотрел, не в силах оторвать взгляд.

— Так это же. — еле выдавил он из себя почти шёпотом, — Это же… Лариса!

— Собственной персоной и во всей её первозданной красоте, — сказал Юрий с ноткой торжественности в голосе, — Никакого Фотошопа.[65]

Игорь, с трудом оторвав свой взгляд от столь неожиданного образа, вперил его в Юрия, словно два остро отточенных кинжала.

— Оу-оу-оу, не кипишуй, начальник! — ломал комедию Юрий, отскочив от Игоря на несколько шагов и выставив согнутые в локте руки с открытыми ладоням, — Спокуха, Отелло! Ракурс картинки такой, что интимных прелестей не видно. Никакой эротики и тем более похабщины, — смеялся он, — Ты лучше посмотри, какая она у тебя красивая! Взгляд-то какой, а!

— Ты где это взял, урод?! — заорал Игорь, — Как ты. Что.?! Бля-а-а-дь! Я сейчас сойду с ума-а! Игорь отшвырнул на газон сумку с ноутбуком, и схватился руками за голову.

— Это Лариса тебе приготовила подарок на вашу годовщину, — как ни в чём не бывало ответил Юрий, — Она же знает как ты любишь «Мастера и Маргариту». Специально заказала съёмку в студии, графику, все пироги.

И собиралась преподнести тебе на флэшке,[66] в красивой маленькой коробочке в виде томика этого прекрасного романа о любви. — и немного подумав, добавил:

— Прости что испортил сюрприз. Ладно, нам пора выдвигаться, — он огляделся по сторонам, — Ты куда шары-то закинул, псих-самоучка?. Да, и ноут не забудь.

— Хер с ним, — огрызнулся Игорь. Он сидел прямо на асфальте аллеи, обхватив голову руками и теребил пальцами волосы.

Юрий привычным жестом подозвал к себе блестящие сферы, которые прилетели к нему откуда-то с противоположной стороны бульвара.

— Давай вставай, Гарик! Реально задолбали твои душевные терзания, — с ноткой раздражения сказал Юрий.

— Откуда у тебя запись и как ты её загрузил в баннер? Ты его хакнул?[67] — спросил подошедший к Юрию Игорь. Он уже взял себя в руки, и теперь отряхивал брюки после посиделок на пыльном асфальте.

— Хренакнул, — беззлобно съязвил Юрий, — Ты до сих пор не вкурил в мои возможности?

— Чаю бы сейчас, — устало выдохнул Игорь, — горячего, с лимоном. Юр, там под лавочкой не залежалась, случайно, чашечка-другая?

— Дома залежалась, под кроватью, — ответил Юрий без намёка на шутку.

— Мы что, поедем к тебе домой?

— Почему сразу ко мне? — ответил Юрий, по своему обыкновению, вопросом на вопрос, — Я, видишь ли, бомжую, и дома у меня нет. Живу прямо в своей колымаге, — он в который раз подмигнул Игорю, — Мы сейчас забуримся к тебе, Игорёк! Или ты возражаешь?

Игорь ничего не ответил. Он снова посмотрел на баннер, но анимации на нём уже не было. Просто неяркий титаново-серый прямоугольник.

Прежде чем Игорь успел задать Юрию свой очередной вопрос, как с баннером начали происходить непонятные вещи.

Совершенно бесшумно, и к невыразимому ужасу Игоря, баннер вдруг отделился от крыши дома и стал подниматься в ночное небо. Он слабо светился титановым оттенком и был хорошо виден на фоне неба, подсвеченного снизу многочисленными огнями бульвара.

У Игоря подкосились ноги, и он вцепился в руку Юрия, который стоял слева от него.

Тот совершенно невозмутимо наблюдал за метаморфозами баннера в ночном московском небе, подбрасывая шарики невысоко вверх.

Баннер, тем временем, поднявшись на высоту примерно с двадцатиэтажный дом, стал быстро увеличиваться в размерах, параллельно превращаясь из параллелепипеда в нечто, напоминающее два положенных друг на друга, донышками кверху, блюдца.

Затем сия конструкция стала снижаться, приближаясь к аллее сквера, и зависла аккурат над головами Юрия и Игоря на небольшой высоте, едва не цепляя верхушки деревьев своим брюхом.

Игорь выронил из ослабевшей руки сумку с ноутбуком. Над его головой висело полноценное НЛО, метров пятьдесят в диаметре.

— Юра, это чё нах?. — проблеял Игорь дрожащим голосом, — Это у меня глюки? Ты это тоже видишь?.

— Конечно вижу. Это и есть моё корыто, Игорёк, — нарочитобудничным тоном ответил Юрий, — конечно не Бугатти, [68] но чем богаты, как говорится.

Он повернулся к Игорю, и заглянув в его совершенно дикие глаза, спокойно произнёс:

— Ты всё верно понял, админ. С самого начала, как только меня увидел. Меня и мои шарики. Помнишь, о чём ты в тот момент подумал? Но почему-то весь вечер отмахивался от этой очевидной мысли, наворачивая несуразные гипотезы одна другой хлеще.

— Финита бля комедия. — прошептал онемевшими губами Игорь.

— Ага, точнее и не скажешь, — съязвил Юрий, — А столько вопросов назадавал. Нет бы молча выслушать. Выслушать и подумать. — продолжил он своим привычным бесцветным голосом, — «Никогда не разговаривайте с неизвестными», припоминаешь? А коли заговорили, так нехера всё время перебивать и стебаться!

В онемевших от увиденного мозгах Игоря действительно всплыла та самая мысль, когда он впервые увидел, как блестящие сферы ведут себя в руках Юрия — как будто на них не действует земное тяготение. Он ещё тогда подумал об астронавтах из лунной экспедиции.

— Да, Игорёк, ты всё верно понял и тогда, когда я сказал, что такой же как и ты, помнишь? — Игорь ничего не отвечал а лишь хлопал глазами. Его мозг готов был взорваться словно атомная бомба.

— Я коренной москвич, как и ты. А потом жизнь забросила меня очень далеко отсюда.

Игорь всё это время стоял молча, в немом отупении. Теперь многие, сперва непонятные ему фразы Юрия, стали ясны как день.

— Я инопланетянин, Игорь. Бывший житель Москвы, а теперь — космический эмигрант. Бомж с далёких звёзд, — устало выдохнул он.

— Пиндык. — выдохнул Игорь и закрыл глаза.

— Он самый, — ответил с неожиданно бодрой интонацией в голосе Юрий, — Ну что, админ, поехали кататься? Заодно и чайку попьём. С лимоном!

В следующее мгновение всё окружающее пространство вокруг Игоря стало дрожащим и размытым. И сквер с его деревьями, фонарями и скамейками. И бульвар, и дома… Чёткими

оставались только он сам, Юрий, и летающая тарелка над головой.

А еще через мгновение Игорь очутился в собственной комнате.

14

Комната находилась в типовой «однушке» типового многоэтажного многоподъездного железобетонного колумбария в районе типовой застройки на самой окраине Москвы. Она была Г-образной формы, с одним окном на оживлённую улицу, и без балкона. Двадцать один квадратный метр площади комнаты был равномерно заполнен типовой бюргерской[69] обстановкой.

Игорь огляделся. Всё было на своих местах и выглядело в точности так, как и утром. Каждым утром его не очень-то разнообразной жизни.

Цветы на подоконнике. Стол с новеньким компьютером-моноблоком. Старая, но шикарная даже сейчас, стереосистема. Туалетный столик Ларисы. На стене — телевизор неслабой дюймовости и сосиска сплит-кондиционера.

Благодаря заботливой женской руке Ларисы, комната выглядела опрятной и как-то по-особенному уютной. Стены были оклеены кремовыми обоями с тиснением. На полу лежал светло-бежевый ковролин с мягким ворсом, по которому Лариса ходила исключительно босиком, а Игорь, по её безоговорочному требованию — пылесосил каждые выходные, неслышно матерясь себе под нос.

— Лорейн меня прибьёт, если узнает, что я осквернил её любимый грёбаный ковролин своей уличной обувью, — подумал Игорь, снимая мокасины, — Отличный повод для очередной семейной разборки. Значит придётся устроить внеплановое свидание с пылесосом, — он обернулся и швырнул мокасины в прихожую. Те, с глухим стуком обрели покой где-то в районе входной двери.

Возле двери в комнату стояла ненавистная серая сумка с древним, как бивень мамонта, ноутом, пожертвованным на работе. Рядом, по-сиротски брошенные, валялись домашние шлёпанцы Ларисы, которыми она громко цокала по ламинату на кухне и в прихожей, доставляя Игорю немалый слуховой дискомфорт, особенно во время его редких посиделок за синтезатором.

— Стоп! — скомандовал Игорь своему вялому мозгу, — А что тут делает мой синт, если он должен стоять в шкафу? Я же чётко помню, что не доставал его по меньшей мере месяц. И как раз собирался добраться до него на ближайших выходных. Что-то тут не вяжется.

На том месте, где Игорь с утра гладил свою рубашку на складной гладильной доске, красовался его Корг-красавец на

своей фирменной подставке.

— Нихрена себе, как у меня винт[70] в башке сыпется! — сокрушённо подумал Игорь, — Мало того, что не помню, как домой добрался, так ещё и когда успел синт достать. Замечательно. А где тогда наушники? Или я что, блин, сочинял музыку для глухих?! — съязвил он внутренним голосом, — И на чём я рубашку гладил утром? На синте чтоли?!

Он пошёл в ванную, умылся и переоделся в свой обычный домашний наряд, состоящий из старых синих джинсов с драными коленками и белой футболки с довольным пингвином, держащим кружку пива.

— Завязывайте вы с пивом, Игорь Алексеевич, — обратился он к своему отражению в зеркале над раковиной, — а то вон как уже память стала сбоить.

Он уселся на край ванны и растрепал свои длинные волосы, весь рабочий день забранные в конский хвост.

— Ой, как же хорошо быть дома, — подумал он, — а не корячится на жёстком диване в прокуренной админской на работе.

— Любить мой лысый череп! — чуть не заорал он на всю квартиру, — А какого фаллоса мне ночевать на этой грёбаной работе?! Я же домой хотел весь вечер? — он зажмурился, — Отмотаем назад.

Так. Смылся домой пораньше — помню. Жара, духота — помню. Взял пару пива и попёрся в сквер. Ага, дальше. — не переставал он скрипеть мозгами, — Поговорил по мобильнику с матерью, потом позвонила Лариса. А потом что?

Он открыл холодную воду и принялся методично окатывать лицо, — Прохожие, тощий бело-рыжий кот под лавкой напротив. Так, вспоминаем, вспоминаем. Противный дед с газетой. Дальше провал. Ну а как я дома очутился-то? Не помню.

Ну допустим, упал в метро и уснул. Хорошо, а как потом от метро домой топал? Или я на тачке приехал? И пока ехал, опять же спал. Классно! А чем потом с водилой расплачивался, а? Денег-то было три копейки. Как в амерских комедиях? Тьфу, блядь!

Игорь перекрыл воду и зарылся лицом в полотенце, — Вот же грёбаный денёк!

— Фак! — заорал он как сумасшедший. В голове, словно коробки из шкафа, вывалились, одно за одним, все события прошедшего вечера.

Сквер. Шары. Юрий. Марго. Гопники. НЛО.

Его коронная фраза сработала словно ручка от двери этого самого шкафа.

Игорь на полной громкости проорал какой-то фантастический по своему содержанию и степени нецензурности матюг.

— Какие шары? Какое ещё нахер НЛО? Ты чо, совсем, блядь? — кричал он на своё отражение в зеркале, — Ну пиндык, походу нервный срыв. — добавил уже спокойным голосом.

— Ты чего орёшь, начальник? — услышал он флегматичный мужской голос за спиной, — Игорь обернулся. Перед ним стоял Юрий, почёсывая за ухом бело-рыжего кота, который сидел у него на руках и довольно жмурясь, громко мурлыкал.

— Помнится, кто-то сильно хотел чаю с лимоном? — сказал Юрий, — Или мне тоже память с пивом изменят?

15

Они с Юрием прошли в комнату. Присев на корточки, Юрий по-хозяйски выпустил кота прямо на священный ковролин. Кот, рысью промчавшись мимо опешившего Игоря, запрыгнул на кресло, стоящее возле стола с компьютером.

— Ну всё, мне не жить, однозначно. Лариска меня пинками погонит в «Икею» за новым ковролином, когда вернётся, — сокрушённо думал Игорь, — У неё же аллергия на кошачью шерсть. И чего этот баклан расхозяйничался в моём доме?!

— Сам ты баклан, — беззлобно отозвался Юрий на его мысли, — Ты в окно-то давно смотрел?

— А чё., — осёкся Игорь на полуслове и подбежав к окну, замер как вкопаный.

Вместо привычного, и порядком опостылевшего вида из окна, он увидел нечто напоминающее программу «Гугл Планета Земля» в режиме отображения спутниковой панорамы. За его окном, как на макетном столе, распростёрся вид на центр ночной Москвы. В небе громоздился, чуть подёрнувшись пеленой облаков, блин почти полной Луны.

Щёлкнув выключателем на стене, Юрий погасил люстру, чтобы Игорю было лучше видно ночной город, обильно освещённый уличными фонарями и разноцветной рекламой.

Игорь без особого труда разглядел бульвар со сквером, и серую коробку офисного здания своей каторги в одном из переулков, примыкающих к бульвару.

Переведя взгляд, он увидел Кремль, Манежную площадь, длинную полоску Тверской, Белорусский вокзал. Чуть поодаль красовалась, вся в огнях, Останкинская телевизионная игла.

— Мама мия содомия. — медленно и на распев, произнёс он негромко.

— Только истинно-русский человек может сказать подобную мерзость, любуясь такой красотой, — с горечью в голосе произнёс Юрий, — Нравится?

Игорю нравилось. Очень. Он был просто околдован. В своей порядком затянувшейся жизни он никогда не видел ничего подобного. Даже ни разу не летал на самолёте. Должен был в этот раз полететь — вместе с Ларисой и Алиной в Египет, но его опрокинули с отпуском.

Впрочем, Игорю в детстве удалось побывать на смотровой площадке Останкинской башни, но это было днём и в довольно облачную погоду.

— Ладно, Игорёк, ещё успеешь насмотреться, — сказал Юрий

и снова включил свет.

Игорь медленно отошёл от окна и рассеянно осмотрелся в комнате. Потом посмотрел на Юрия.

— Это то, о чём я думаю? — спросил он шёпотом.

— В точку, админ! — весело ответил Юрий, — Мой дом — твой дом. В прямом смысле, хе-хе, — он улыбнулся, — Тарелка моя, а дизайн квартиры — твой. — затем он по-хозяйски хлопнул в ладоши, — Так-с! Ну мы сегодня до чая-то доберёмся или как?!

— А где у тебя… ну то есть у меня. Ой блин. — Игорь устало махнул рукой и уставился в пол.

— Я ж тебе говорил, помнишь? Под кроватью, — с добродушной усмешкой сказал Юрий.

Игорь, не став спорить, побрёл к их с Ларисой персональному храму любви, более известному, как двуспальная кровать. На ходу он пробурчал:

— Не знаю как здесь, а в нашей берлоге под кроватью хранится этот, мать его, сложносочинённый раскладной фитнес-тренажёр Ларисы, «Пауэрхрен две тысячи», или как там его. И ещё коврик для йоги.

— Тут вообще-то всё эквивалентно вашему с Ларисой гнёздышку, вплоть до последней пылинки, но походу пьесы будем кое-что иногда менять, — сказал Юрий, — Виды из окна, например, — он рассмеялся.

— Вот уж не думал, что когда-нибудь побываю на борту всамделишного НЛО, — Игорь встал на четвереньки и шарил под кроватью рукой, — а оно внутри один-в-один, как бюргерская халупа с сильно бюджетным евроремонтом. Да ещё и котом.

Он извлек из-под кровати поднос, на котором стояли две чашки чая, блюдечко с ломтиками лимона, и лежали маленькие круассаны.

— А тебе подавай огромный пульт с огоньками, экран во всю стену и кресла с высокими спинками? — не уставая хохмил Юрий, — Выбрось ты из головы подобную голливудскую херь! — и чуть помолчав, добавил, — Впрочем, если хочешь, могу организовать, не проблема. Хоть кабину «А триста десять»,[71] хоть столовую в Зимнем дворце.

— Так сойдёт. Дома стены греют, — равнодушно ответил Игорь, — Принеси лучше с кухни табуретку, поднос поставить негде.

Прямо посередине комнаты материализовался приземистый столик, которого у них с Ларисой отродясь не было. Игорь от неожиданности чуть не уронил поднос.

— Блядь! Юра! Ну опять ты со своими чудесами! — испуганно протараторил он, — Хоть предупреждай! — он

поставил поднос на столик, и подкатил кресло с мирно спавшим котом.

— Привыкай. Никаких чудес, всё по науке, — равнодушно ответил Юрий.

— А какого ты меня под кровать заставил лезть, если вот так просто мог сотворить весь комплект сразу и на месте? — с негодованием спросил Игорь.

— К чудесам надо привыкать постепенно, — ответил Юрий, — Ты в сквере с моих шариков выпал в осадок. А прикинь, если бы у тебя банка с пивом появилась бы из ниоткуда прямо перед носом, а?

— Да пиндык, блин, — поёжился Игорь, — Даже когда ты стал из-под скамейки извлекать пиво с сигаретами, я подумал что белку поймал.

— Какую? — с некоторым удивлением уставился на него Юрий, — А, догнал! Белую горячку. Юморист! — смеялся Юрий.

— Смешно тебе, а я знаешь, как очконул.

— Я подумал, что ты живую белку поймал, — сказал Юрий успокаиваясь, — Их в сквере довольно много.

— А на кой ляд ты этого бомжа семейства кошачьих сюда припёр?

В эту секунду мирно спавший кот плавно переместился по воздуху из кресла на кровать.

— Он сам припёрся. Коты, они знаешь, такие — вечно гуляют сами по себе, — сказал Юрий, материализуя для себя стул, — Ты его не заметил, потому что как всегда был невменько. А кот в это время тёрся у моих ног, думал мы с ним кореша. Ну я его и прихватил для компании. На троих соображать-то интересней.

— А мы что, опять бухать собираемся? — удивлённо поднял брови Игорь, — Я думал, что теперь трезвенник на всю жизнь, — он отхлебнул обжигающего лимонного чаю, — Я лично, и правда на спиртное больше на взгляну.

— А я, что, сказал «бухать»? — ответил Юрий вопросом на вопрос, — Я сказал «соображать». На троих. У котов соображёнка тоже будь здоров, особенно у этого, — он затянулся сигаретой, которая откуда ни возьмись, появилась в его пальцах, уже зажжённая, — Разговаривать будем, общаться. Как нормальные человеки, а не два алкаша. Ну или как инопланетянин с алкашом. Пардон, с пивонавтом, ха-ха! — он выпустил несколько дымных колечек, которые чуть поднявшись по направлению к потолку, бесследно рассеялись. Запаха табачного дыма тоже не ощущалось.

— Не думал, что похищение пришельцами может быть таким вкусным, — сказал Игорь, запивая чаем очередной кусочек круассана.

— Тебя никто не похищал, кому ты на хер нужен, — беззлобно произнёс тот, — Считай что просто в гостях или на экскурсии.

— Спасибо, Юра, честно, — сказал Игорь с ноткой благодарности в голосе, — Но я, Юр, почему я? — он поставил пустую чашку на поднос, — мне этот вопрос весь мозг высверлил сегодня за вечер.

— Ты хотел ответов, — спокойно произнёс тот, — Вечные вопросы «кто мы? откуда? зачем?», помнишь? — Юрий встал со стула и принялся медленно расхаживать по комнате, — Шарился по библиотекам, книжки покупал. Во всякие религии ударялся, даже чуть в секту не угодил. Было такое?

— Ай, перестань, — отмахнулся Игорь, — Каждый время от времени задаёт себе подобные вопросы. Может быть даже ходит в храм. Литературу читает.

— Вот именно! — Юрий поднял указательный палец вверх, — Ключевая фраза «время от времени»!

— А ты, Игорь, — он снова вернулся на свой стул, — всё время себе покоя не находил, всё искал, думал, размышлял. — он устало выдохнул, — Только отвлекался компьютерами или музыкой. Пустота у тебя в душе была, такая, что хоть вой, верно?. — Юрий материализовал блестящие сферы и медленно вращал и подбрасывал их на ладони.

— Стал к бутылку прикладываться. Ты даже хотел один раз по пьяни на себя руки наложить, так? Но был настолько пьян, что не смог привязать верёвку. И сколько раз, Игорь, ты стоял у этого самого окна, — Юрий встал и сделал шаг к окну, — и думал: «а почему бы не спрыгнуть прямо сейчас?»

— Дай сигарету, Юр, — попросил Игорь поникшим голосом. Перед ним в воздухе появилась зажжённая сигарета.

— Всё так, Юра, — сказал он, затягиваясь, — всё так. Прочёл меня, как открытую книгу. Даже Лариса. Даже она не могла меня отвлечь от всех этих мыслей. Сам мучился и её изводил.

Игорь говорил медленно, опустив голову и глядя в одну точку. В его пальцах дрожала, дымясь исчезающим дымом сигарета, — Ты бы знал, как бывало погано. — он резко затянулся, тут же выпуская дым.

Юрий стоял у окна спиной к Игорю. Его блестящие в мягком свете люстры сферы неподвижно висели рядом, чуть выше уровня его взгляда.

— Я знаю, Игорь, — он вернулся на свой стул, — Ой как знаю. Я сам был таким же несколько лет тому назад. И поэтому пришёл именно к тебе.

16

— Расскажи о себе, — попросил Игорь всё тем же поникшим голосом.

— Да смысл? Главное ты ведь уже понял.

— Мне интересно узнать про твою жизнь до всего этого, — Игорь неопределённо обвёл рукой пространство перед собой, — Как это всё с тобой произошло? Тебя тоже похитили инопланетяне?. — он осёкся, — Ну в смысле, не «тоже». Ну ты понял.

— Да особо нечего рассказывать, — Юрий встал и принялся неспешно расхаживать взад-вперёд, заложив руки за спину.

— Родился я в обычной московской семье. Отец работал реставратором. Спец был по настенной росписи. Мама работала воспитательницей в детском саду. Оба были очень верующие, мама даже помогала в храме, который был от нас через дорогу. Мы на Таганке жили.

Игорь слушал не перебивая.

— Семья как семья, ничего особенного в общем. До тех пор, пока отца не посадили.

— Нихрена себе! А что случилось? — спросил Игорь.

— Он работал на реставрации церкви где-то в Подмосковье, — продолжил рассказ Юрий, — ну и заработался допоздна. Все разошлись, остался только сторож. А в тот вечер храм решили грабануть какие-то залётные. Дали сторожу по башке и связали.

Про отца, естественно они не знали, и полезли в храм. Отец их увидал, ну и драка, все дела. — он остановился и устало вздохнул, — У него в руке был какой-то довольно острый инструмент, стамеска или ещё что. А тех мудаков было трое. Одного батя случайно убил, а другие двое очконули и смылись. — он снова сел на свой стул напротив Игоря.

— Ну вот и поехал мой батя, как ты выразился, за «превышение предела необходимой самообороны». Впаяли за непредумышленное убийство пять с половиной лет колонии.

— Вилы, блядь. — растерянно произнёс Игорь.

— Вот тебе, Игорёк, твой долбаный закон, — съязвил Юрий, — суровый и справедливый.

— А дальше?.

— А что дальше. Мать сильно заболела вскоре после этого. Меня к себе забрали родственники, — Юрий закурил, выпустив облачко дыма, которое почти сразу исчезло, — А через полгода, когда мать умерла, спихнули меня в детдом.

— А сколько тебе было?

— Восемь, — равнодушно ответил Юрий.

— Извини, не хотел тревожить твои воспоминания.

— А, ладно, что уж там. Про детдом особо рассказывать не буду, сам понимаешь через что мне пришлось пройти.

— А отец, — спросил Игорь, — С отцом-то что?

— А что отец?. Как освободился, пару раз навестил. Не захотел меня забирать. Типа потом да потом. И больше не появлялся.

— Хорош папочка. — сказал Игорь, — Извини, вырвалось.

— Потом уже я узнал от родственников, — продолжил Юрий, — что батя устроился работать к какому-то мужику, с которым они вместе сидели. Тот по жизни оказался какой-то деловой, ну и взял к себе батю работать по реставрации икон.

— А потом?

— Суп с котом, — ответил Юрий и взял на руки кота, который проснулся, и теперь тёрся у его ног, — Как обычно. Стал прилично зарабатывать, ну и понеслось. Деньги, водка, белка, могила. Спился и умер в общем.

— Да, Юр, не сладко тебе пришлось, — печально произнёс Игорь.

— Дело прошлое. Ты лучше кота покорми, — Юрий протянул ему кота. Тот недовольно мяукнул.

— Чем? Лимоном или круассанами?

На полу возле столика появилась кошачья кормушка, наполненная какой-то коричневой бурдой, напоминающей варёный фарш, и блюдечко с молоком.

Игорь посадил кота к кормушке, и тот сразу же принялся есть, жадно чавкая.

— Оголодал, бомжара, — хмыкнул Юрий, — Пусть теперь бока наедает.

— Он тебе всю тарелку твою летающую изгадит. И шерсть будет повсюду.

— Не изгадит, — добродушно произнёс Юрий, взяв чашку и кусочек лимона, — Я его немного модифицировал. Чтоб ел, а в туалет не бегал.

— Круто, — вытращил глаза Игорь, — А мозги тоже проапгрейдил?[72] Ты сказал, что у этого кота соображёнка отменная.

— Не, мозги на дефолтных[73] настройках, — ответил Юрий, прихлёбывая чай, — Мозги ему жизнь проапгрейдила так, что мама не горюй. Жизнь бродяги ума быстро прибавляет. Или убивает. Как пойдёт.

— А дальше, Юр? Что с тобой было дальше?

— Я в детдоме повадился всё свободное время сидеть в библиотеке. Читал всё подряд. Не то чтобы там был большой выбор, но всё же, — Юрий поставил чашку, и вновь закурил, — Прочёл всё, до чего смог дотянуться. Ну кроме всякой белиберды про любовь-морковь и загадочную русскую душу.

Кот, тем временем, закончив трапезу, и довольно потянувшись, запрыгнул на колени к Игорю.

— Ну что, наелся? — спросил его Игорь, — Если б щас Лариса пришла домой, вот бы было визгу! У неё аллергия на таких как ты, — он почесал кота за ухом. Тот довольно замурлыкал.

— Мы висим в полукилометре над Москвой, как она тебе сюда придёт? — шутливым тоном сказал Юрий, — Ну пришла бы она домой. А её благовредный где-то шляется. Хапнул ты бы завтра люлей.

— Не хапнул, — ответил Игорь, — Я часто на работе застревал с ночёвкой. Кстати, а нас снизу не видно чтоли?

— Неа, — беззаботно ответил Юрий, — И приборами не засекут. Нахрена нам сеять панику среди мирного населения.

— И в сквере над бульваром тоже?

— Ну дык.

— Слушай, а почему у меня память переклинило в начале? — спросил Игорь, — Ну, когда я пытался вспомнить как добрался домой. Побочный эффект перемещения?

— Вроде того. С непривычки вышибло малёк, — так же беззаботно сказал Юрий, — Человеческие мозги под такое на заточены. Горят только в путь. Вместе с тушкой.

— А как же ты меня сюда поднял тогда?

— Потом подробнее расскажу, — равнодушно ответил Юрий, — А то сейчас начнёшь своими расспросами отвлекать, а потом опять скажешь, что я с темы съехал и главного тебе не рассказал.

— Виноват, дурак, исправлюсь, — шутливо протараторил Игорь.

— Лады. Дальше-то будешь слушать про житие и деяния мои недостойные? — спросил Юрий шутливым тоном.

— Конечно, Юр, интересно же.

— Ну так вот. Как я уже сказал, я всё свободное время торчал в детдомовской библиотеке. За это меня остальные, мягко говоря, сильно не взлюбили. Дразнились, звали ботаником, в общем чмырили как могли. Ну и в репу мне частенько прилетало.

— Детишки. — бросил Игорь.

— Ну потом, после детдома — как и у многих, — продолжил Юрий, — армия, техникум, работы всяко-разные. И опять же —

книги. Много книг.

— И когда ты только успевал читать?.

— Было бы желание — найдутся и возможности. Не перебивай.

— Извини, — сказал Игорь, — а что читал конкретно? Чем интересовался?

— Наукой. Историей. Религиями разными, философиями. Компами опять же увлёкся, — Юрий вновь принялся расхаживать по комнате, подбрасывая свои блестящие сферы, которые до этого так и висели неподвижно возле окна, как два новогодних шара на невидимых нитках.

— Освоил многое по компам. Железо, операционки, сети. А сам работал то маляром, то продавцом, то водилой — я в армии права получил.

— А я от армии откосил по здоровью, — сказал Игорь задумчиво, — Хотя здоровье и правда было так себе.

— Не велика потеря, — махнул рукой Юрий, — Пустая трата времени. Школа жизни и мужества, ага. — бросил он раздражённо, — Научиться можно только как правильно получать по шее, или как копать картошку на огороде у майора.

Движением руки он отправил свои блестящие шарики почти на уровень пола. Кот, сразу же резко вскочил с коленей Игоря, пребольно ударив его задними лапами по мужским причиндалам, и принялся хватать и пинать сферы, иногда подпрыгивая и переворачиваясь через спину. А потом и вовсе умчался вслед за ними на кухню.

— Твою мать! — взвыл от боли Игорь, — Чёрт хвостатый! Чуть евнухом не сделал!

Юрий беззвучно засмеялся.

— Чо ты ржёшь? Только не говори, что ты это сделал не специально, — морщась, прошипел Игорь, — Блин, Юр, если бы этот долбаный котяра стартанул ещё резче, я бы сейчас тоже подбрасывал на ладони шарики, ага. Только не блестящие, как твои, а из мяса.

— Конечно не специально, — всё ещё посмеиваясь, ответил тот, — А потом, же ты сам поклялся стать евнухом, если твоя гениальная теория про психотронное оружие и излучатель в рекламном баннере с треском провалится. Надо же, блин! Антинейтринное излучение! — Юрий вновь засмеялся и присел на свой стул.

— Я давно тебя хотел спросить, — немного прийдя в себя, сказал Игорь, — почему ты при нашей встрече был такой печальный и пасмурный, а потом вроде как оттаял, и даже стал материться?

— Твоя школа, Игорёк! Ты же сам ругаешься как сапожник. Хотя нет! Как настоящий компьютерщик, — с улыбкой ответил Юрий, — А пасмурный был оттого, что отвык от живого человеческого общения, — он немного помолчал и добавил:

— Представляешь, во вселенной обитаемых планет до хера и больше, а пива выпить не с кем! — он вновь беззвучно рассмеялся.

17

— А тебе не надоело рыться у меня в мозгах? — огрызнулся Игорь, — не помню чтобы давал тебе разрешение.

— Мне твоё разрешение не упало, Игорёк, — сказал Юрий, — Я тебе больше скажу. Именно благодаря тому, что ты так громко думаешь, ты и наслаждаешься нынче моей компанией.

— Оба-на! — опешил Игорь, — Это что-то новенькое!

— Да какое, к хренам собачьим, новенькое, — отмахнулся Юрий, — мысли, они же не в твоей лохматой башке тусуются. Не в твоих мозгах. Там только некоторые. Инстинкты твоей тушки, например.

— Энерго-информационное поле Земли, — скорчил дурацкую рожу Игорь, вытаращив глаза и подняв брови, — Телепатия. У-у-у-у, я знаю все ваши мысли.

— Просто информационное. И не поле вовсе. И уж тем более, не Земли, — спокойно произнёс Юрий. — Тебе, Игорь, надо своё шоу про «паранормальную» херь на телевидении замутить. Хорош глумиться!

— Извини, занесло. — примирительно сказал Игорь, сразу посерьёзнев, — А что там дальше, ну, про то, что я громко думаю?

— Долго рассказывать. Потом поймёшь, — Юрий наклонился чуть вперёд, и заглянул Игорю в глаза, — Ты меня накликал, короче.

— Пиндык. — медленно произнёс Игорь, чуть отпрянув, — А ты знаешь, и не жалею! Я не особенно часто в своей жизни катался на НЛО. И таких собеседников как ты, Юра, встречаю вообще впервые.

— Спасибо. Взаимно, — без эмоций сказал Юрий и сотворил две сигареты, себе и Игорю.

— А дальше-то что с тобой происходило? Как ты в астронавтах очутился?

— В астробомжах, если на то пошло, — Отмахнулся Юрий, — Впрочем, я тоже не жалею.

Он встал и подошёл к окну. Кот вернулся в комнату и принялся тереться у ног Юрия. Тот наклонился и взял его на руки. Потом они вместе молча стали смотреть в окно. Кот, правда, громко мурлыкал.

— Помотавшись по разным работам довольно долгое время, — продолжил Юрий свой рассказ, — я решил с несколькими своими приятелями заняться бизнесом. Разменял свою «двушку» на Таганке с неплохой доплатой, и вложился в наше совместное предприятие. Арендовали павильон на Горбушке

и стали торговать «серыми» мобилами, плеерами, навигаторами, и тому подобным хламом, — он снова вернулся за импровизированный стол, и в опустевших чашках появился душистый горячий чай.

— Всё шло вроде неплохо. Денег стало появляться нормально, я даже купил себе новую тачку. Мы стали подумывать о расширении. Хотели барыжить компами и ноутами. Но.

— Как всегда это проклятое «но», — вставил Игорь, — Дай догадаюсь. Один из ваших слинял со всеми бабками? Опрокинул?

— Да нихрена подобного. Нас опрокинуло государство. Не нас одних, понятно.

— А, помню-помню, — сказал Игорь, — Знаменитый обвал рубля и прочих ценных бумаг.

— Их ценность лишь в том, что с ними можно, в случае чего, сбегать в нужник, — съязвил Юрий, — Короче говоря, продажи упали, аренда поднялась, и нам пришлось прикрыть лавочку. А конкретно мне — стать бомбилой. На своей новенькой тачке я подался в частный таксопарк.

— А семья у тебя была? — спросил Игорь, воспользовавшись повисшим молчанием, — Жена? Дети?

— Не было. Так, шуры-муры, трали-вали. Тоска была. Смертая тоска.

— От чего?

— Да после той истории с отцом. Смерти матери. — Юрий встал и вновь подошёл к окну, — Понимаешь, семья у нас была верующая, как я уже говорил. Меня всем этим уже с детства пичкали, — ох хмыкнул, — Ещё не знал таблицу умножения, зато знал наизусть несколько молитв, разные псалмы.

— Понимаю. Вся эта бодяга про грехи, испытания, несение креста, и промысел божий?

— Вот именно. Бодяга, — грустно сказал Юрий, — Я стал задумываться о смысле всего этого. Смысле бытия.

А ты под тяжестью креста
Расправь как крылья плечи.
Забудь о том как ты устал,
Что ноши вес калечит.

— процитировал Игорь по памяти один из тех стихов, что так нравились Ларисе.

Чуть помолчав, он предложил:

— Я тебе сейчас расскажу одну занятную историю. Или ты уже видел её в моих мозгах?

— Видел конечно. Но всё равно хочу послушать как её

видишь ты, — равнодушно ответил Юрий.

— Ну в общем, еду я как-то раз в трамвае. Зима, слякоть, грязища. Неподалёку от меня сидит мужик с ребёнком. Ребёнку лет пять, или около того. Мужик с бородой, весь в чёрном. Или «батюшка» или просто воцерковлённый на всю голову. Мне пофигу было, я на них сначала даже и не обратил внимания, — Игорь отпил чаю, — Ну и дитё, которое до этого молча смотрело в окно, вдруг поворачивается к папе, и говорит: «Пап, а что такое впадение в грех?». Ну я немало офигел от таких слов невинного чада, дальше слушаю. А папа, голосом, преисполненным отеческой заботы, отвечает: «Если ты не будешь держаться, то будет впадение лицом в грязь!». Каково, Юр, а? Глубоко?

— Как ты говоришь — пиндык, — ответил Юрий, — Чем-то напомнило моего отца.

— Да не, Юр, я не собирался тебя подкалывать или ещё что.

— Я знаю. Тем более я эту историю наблюдал в твоём сознании, — Юрий посмотрел в глаза удивлённому Игорю, — Мне просто было интересно услышать… и увидеть это в твоей нынешней интерпретации. И в теперешнем времени. Ведь в тот момент ты к этому человеку проникся уважением, не так ли?

Проехали, — устало махнул рукой Игорь, — Давай дальше — про себя. Я-то твои мысли не читаю.

— Давай-ка лучше прокатимся, — заговорщицки подмигнул Юрий, — а то сидим как два бюргера в пивной. Только с чаем.

— Ох ё, щас что-то будет. — напрягся Игорь, инстинктивно вжимаясь в кресло, — Ненавижу эти твои подмигивания!

— Спокуха, начальник! Ты лучше пристегни ремни.

— А? Чё? — Игорь нервно завертелся в кресле, — Какие ещё нахрен ремни?

— Опять повёлся! — довольно прищурился Юрий.

18

В этот момент, к полному изумлению Игоря, комната со всей обстановкой исчезла как не бывало. Остался только покрытый ковролином пол, столик с подносом, и они с Юрием на своих сидячих местах.

Кот, заорав, как потерпевший и вскинув шерсть дыбом, в каком-то невероятном по кошачьим меркам прыжке, очутился на коленях у Игоря и сильно вцепился когтями ему в бёдра.

Игорь, взвизгнув от боли, прокричал короткую нецензурную скороговорку, и пытаясь освободиться от когтистого кошачьего плена, вскочил с кресла словно ошпаренный.

— Юра-а-а! В рот тебе компот! Котяра! Вашу же в душу мать!

Юрий, изменив своей привычке смеяться беззвучно, заржал как породистый жеребец, во весь свой прокуренный голос. Он чуть не свалился со стула, наблюдая эту кошачье-сисадминскую феерию.

— Ладно, Игорёк, контрол-зет! Спокуха! — сказал Юрий, всё ещё смеясь, и принимая из рук Игоря несчастного кота, которого тот держал за шкирку.

— Чего ты ржёшь?! — проворчал Игорь, возвращаясь в своё кресло, — Забыл про стойло?!

— Ай, тебе бы всё материться, да котов мучить!

— Мат — это совокупность смысла и эмоционально-субъективного восприятия, — снова проворчал Игорь, — А кто кого мучает — это ещё вопрос.

— Ты посмотри лучше какая красота! — сказал Юрий, и указал рукой на потолок.

И действительно было на что посмотреть. Над их головами раскинулось покрывало необъятного ночного неба с бесконечными стразами звёзд, неисчислимых в каратах и долларах.

Дополнением к этому великолепию стала молочно-белая Луна. Вид портил лишь далёкий самолёт со всеми своими габаритными огнями и стробоскопами.

— Игорёк, если ты сейчас опять скажешь что-нибудь неприличное, то я тебе больше чаю не налью, — невинным голосом пролепетал Юрий.

Какое там сказать! Игорь даже дышать не мог. Задрав голову вверх, он словно в сомнамбулическом трансе медленно встал с кресла и обошел по периметру всю комнату, а затем вернулся на место.

— Да-а-а. — промолвил он задумчиво, — Планетарий

отдыхает. — он вспомнил, как они с Ларисой год назад посетили Московский планетарий. Было, конечно здорово, но совсем не то, что сейчас.

— Точно, админ, это тебе не проектор «Цейс Универсариум», [74] — с назидательной ноткой в голосе, ответил Юрий, — Всё живое, настоящее. Вселенная. Универсум.

Кот, сидящий у Юрия на коленях, услышав непонятные слова, поднял мордочку и посмотрел ему в глаза.

— Что, котейка, нравится? — ласково спросил кота Юрий, — Хочешь туда? — он указал пальцем на звёздное небо. Кот утвердительно кивнул.

— Он чё, тебя понимает? — в бесконечно-очередной раз опешил Игорь.

— Ага. Я ему, так сказать, прикрутил речевой интерфейс[75] или типа того, — беззаботно ответил Юрий, — Правда он не слова понимает, а смыслы, которые я ему транслирую, — он снова посмотрел на кота:

— А не будешь потом скучать по своему бомжатнику в подвале и скверу?

Кот уверенно помотал головой, и вновь стал смотреть в небо своими зелёными глазами.

— Значит так тому и быть, — задумчиво произнёс Юрий, — Так тому и быть.

Игорь, уже забыв про кота со смысловым интерфейсом и Юрия, вылез из кресла, и подойдя к краю ковролина, лёг на пол. Он, словно пионер Алёша из фильма про старика Хоттабыча, попытался высунуть голову за край напольного покрытия, чтобы рассмотреть то, что находится внизу.

— Ты там башкой в стену не врежься. Она хоть и прозрачная, но всё же твёрдая. А то потом опять придётся тебе мозги шарами пролечивать, — шутливым тоном предупредил его Юрий, — Ладно, я стену уже немного отодвинул и сделал мягкой, так что можешь проползти немного вперёд, чтобы лучше было видно.

Немного подумав, он добавил:

— А хочешь, мы пол отключим? Обзор лучше будет.

Игорь медленно повернул голову и вперился в него тяжёлым взглядом. Потом произнес грозными слогами:

— Не надо, — и вновь уставился вниз на ночной, утопающий в огнях город.

— Лады, — беззаботно сказал Юрий, — К тебе кот бежит, смотри не шуганись, а то вы оба какие-то нервные. Правда, жизнь в городе, подобном Москве, кого угодно сделает нервным. По себе знаю.

Подойдя к Игорю, кот, вытянув передние лапы, улёгся на

брюхо, став подобен древнему Сфинксу.

Тарелка поплыла над городом по широкой спирали, то плавно набирая высоту, то постепенно снижаясь. То отдаляясь к окраинам, то снова устремляясь к центру.

Игорь увидел все памятные места своей жизни. И здания, в которых успел побывать. И улицы, по которым ходил. Да и просто знаковые места его любимого и глубоко ненавидимого им города.

Они пролетели над улицей, где он встретил Ларису. И парки, в которых он с ней бывал. И дом, в котором он с ней жил. Обыкновенной московской жизнью.

— Юр, а ты специально такой маршрут выбрал?

— Ну дык, — ответил тот, — Ладно, занимайте свои места, господа товарищи, согласно купленным билетам, хе-хе!

— А куда мы.? — растерянно спросил Игорь, возвращаясь в кресло с котом на руках. Они похоже, помирились.

— Туда, где кошек почитали как богов, — Юрий хитро подмигнул, — Поехали!

19

В ту же секунду Москва под ними резко провалилась вниз, и они зависли над огромным глобусом, поверх которого, кое-где густая, а где-то почти незаметная, висела пелена облачности. Были видны яркие точки крупных городов. Чуть поблёскивающие пятнышки озёр. А в иных местах — тускло блестящие в лунном свете кляксы морей и океанов.

Луна же, наоборот, из почти плоского блина превратилась в довольно объёмный светящийся шар для боулинга со всеми своими многочисленными кратерами разного диаметра и глубины.

Звёзды тоже немного увеличились в размерах, и количество их возросло в разы. Потому что тут не было оптических искажений загаженной земной атмосферы.

— Стэк[76] удивления критически переполнен, — сказал Игорь, очухавшись от созерцания открытого космоса и родной планеты, — У меня сейчас лопнет мозг, — добавил он с улыбкой имбицила.

— Ну так придётся тебе стэк нарастить, — всё так же беззаботно произнёс Юрий.

— Не надо, — опять по слогам пробубнил Игорь, — я лучше потом в дурке полежу.

— Поздняк метаться. Операция завершена, — ответил Юрий скрипучим роботоподобным голосом и весело засмеялся.

— Юр, а ты мне мочевой пузырь тоже проапгрейдил, как коту? А то я вспомнил, что ни разу не посетил твой космический гальюн.[77]

— Ну дык! И желудок тоже, — снова засмеялся Юрий, — а то бы ты сейчас всё моё НЛК заблевал, как тот газон в сквере.

— НЛК?

— Ага. Никифоровское Летающее Корыто. — сказал Юрий. Фамилия моя — Никифоров, — он растопырил пальцы веером, изображая пьяного гопника, и прогнусавил:

— Никифоров Юрец, чиста конкретный таганский пацан. Понял нах?!

После секундной паузы они оба заржали как идиоты, напугав бедного «котастронавта», который недовольно мяукнул.

Вдоволь насмеявшись, они снова принялись за чай с круассанами, наслаждаясь видами околоземного пространства.

— Юр, а тебя в честь первого космонавта назвали? — задумчиво спросил Игорь, прихлёбывая чай.

— Смеёшься чтоли? Забыл, какие у меня были родители?

Мир их праху и светлая память. — Юрий немного помолчал, и добавил:

— Они его считали богохульником и вообще сатанинским отродьем. Да и меня ты сегодня в «сатаны» зачислил, помнишь?. А назвали так потому, что я родился в Юрьев день. Вот и нарекли новорожденного раба божия соответственно. Вообще имя несчастливое, как я раньше думал.

— Почему? — удивился Игорь.

— Юрий Гагарин погиб. И у меня жизнь тоже была, мягко говоря, не подарок. — они закурили, и сидели несколько минут молча.

— Это у меня потом в детдоме была погоняла «Гагарин», — грустно усмехнулся Юрий, да только что ж теперь вспоминать.

— Ну жизнь-то у тебя, по итогу, всё равно связалась с Космосом.

— Не жизнь, Игорёк, а послежизние.

В шоке от услышанного, Игорь выпустил из рук чашку с чаем. Она, впрочем, так и осталась в том месте, где прибывала до этого, не потеряв ни капли своего содержимого.

— Опаньки! Давайте разберёмся, — начал Игорь привычный диалог сам собой, но правда, на этот раз вслух, — Это ж получается? Я болтаюсь в открытом космосе. В летающей тарелке. Распиваю чаи, которые появляются невесть откуда. А рядом со мной сидит живой мертвец?. Стивен Кинг[78] нервно курит.

— Я с тебя охреневаю, Игорёк, гадом буду! — устало произнёс Юрий, — Ну ты посмотри на меня. Ну какой я в баню мертвец?!

— Теперь-то я понял все эти «раньше моё имя было», эти вечные «не нуждаюсь», и другие чудеса и глюки, — продолжал Игорь мирно беседовать сам с собой, не обращая внимания на комментарии Юрия, — Стоп! Любить мой фаллос! — он ошарашенно вскочил с кресла, свалив мирно втыкающего в «Млечный Путь» кота, — Так значит, я всё-таки умер! — он обвалился в кресло, — Финита бля комедия.

— Ну ты, Гарик, точно, комедиант. Браво! — Юрий демонстративно похлопал в ладоши, — Жан-Батист блядь Мольер.

— Могу я узнать как это со мной произошло? — со счастливой улыбкой идиота спросил тот.

— Не случилось, а случится, — недовольно буркнул Юрий, — если не перестанешь нести всякую херь. Достал! Ещё что-нибудь подобное вякнешь — зашвырну за Альфа Центавру! — проорал он, — И кота не постесняюсь.

Игорь воззрился на него взглядом поруганной девичьей

невинности, и был готов вот-вот заплакать.

— И снова я его развёл как лоха! — весело проорал Юрий, Видел бы ты сейчас свою рожу, Гарик!

— Сам ты лох.

— Короче, дело к ночи. Если всем надоело смотреть на звёзды, — Юрий подмигнул коту, потому что Игорь на Юрия даже не смотрел, — то следующая станция — «Великие пирамиды Гизы». Осторожно, крыша Гарика отрывается! — он раскатисто засмеялся.

Земной шар бешено крутанулся, быстро приближаясь к обитателям НЛК.

20

— Ну и какого мы сюда припёрлись? — недовольно пробурчал Игорь, вроде как смирившийся с мыслью, что он всё ещё жив (вот облом-то!).

— Ты не любишь Египет? — поднял брови Юрий, изображая на лице искреннее удивление.

— Это больше по части Ларисы. А я — мимо, — бурчал Игорь, — Я вообще жару терпеть ненавижу. Мне хватает и моего родного крематория на солнечном приводе под названием «Город Москва».

— Тебе, Игорёк, с таким чувством юмора только в крематории и надо работать, — пошутил Юрий, — Обретёшь своё призвание.

— А я и собирался. Там была вакансия сисадмина. Что, не видел в моих мыслях?

— Как-то не обратил внимания, — Юрий изобразил забывчивость, — А чего ж не пошёл-то?

— Зряплату предлагали — не ахти, да и от дома далеко.

— Ладно, пёс с ним, с кремаком, — посерьёзнел Юрий, — Я тебя не просто так сюда притащил. Здесь финальная точка рассказа о моей жизни. Земной жизни.

НЛК снизилось и зависло на высоте примерно полста метров от поверхности. Перед взором Игоря раскинулось, во всей своей пустынной красоте, плато Гиза.

Подсвеченные яркими разноцветными прожекторами, здесь красовались Сфинкс и две пирамиды: одна большая — «Великая пирамида Хеопса», маленькая — «пирамида Микерина», и развалины средней — «пирамиды Хефрена».

— А знатно походу бабахнуло, — равнодушно сказал Игорь, — Смотрел в Инете видео с местных камер наблюдения. Мне потом Лариса весь мозг вынесла, что мол, не поехал с ней в Египет смотреть пирамиды, когда их ещё было три, а теперь вот: «одна буду ездить каждый отпуск, любоваться тем, что осталось», — он устало вздохнул, — Женщины.

— А что бабахнуло-то, Игорёк? — всё с той же детской непосредственностью спросил его Юрий, — Такой развал, любо-дорого. Прямо камня на камне не осталось. Ты полюбуйся, а!

— А то ты сам не знаешь? — осклабился Игорь, — В мозги залезаешь, так потрудись в Интернет залезть.

— Клал я на Интернет с прибором. Меня твоя версия интересует.

— А моя мало чем отличается от той что везде, — надулся

Игорь, — Что в Инете, что по ящику — одно и то же. Кто говорит «взрыв баллонов с ацетиленом». С понтом, там внутри что-то варили — пандусы или распорки для укрепления сводов коридоров — я в душе не ведаю, — он отхлебнул чаю и слопал кусок круассана, — А другие поют, что террористы подорвали — им, видите ли, поперёк сооружения языческого культа.

— Да ты больше слушай всякую медиа-херь, — отмахнулся Юрий, — У этих уродов всегда виноваты террористы, педофилы, и Госдеп. И сомалийские пираты впридачу. Мозготрахи долбаные, — недовольно фыркнул он, — Надо же — ацетилен. Да его во всём Египте столько нету, чтобы подобный кипиш устроить. Я сварным[79] тоже работал, между прочим, меня так дёшево не купишь.

— Да херь полюбас. Вон официальные власти Египта — до сих молчат, ни бе ни ме. Значит есть что скрывать.

— Ну дык!

— Я в Инете, помню, рылся, когда вся эта катавасия произошла несколько лет назад. Так вот. Наткнулся на один сайтик. А там — подробный разбор видео с этих грёбаных камер наблюдения, — Игорь встал и принялся расхаживать, как недавно Юрий, — И там, на этих снимках видно, что в момент взрыва, вверх от пирамиды отлетает что-то ярко-красное. Выглядело просто как толстый луч, но это походу из-за смаза. Видимо скорость была недетская у этого «что-то».

— Не только скорость, но и перегрузки внутри.

— Чего? — остолбенел и вытаращился Игорь, — Уж не хочешь ли ты сказать.?

— Хочу, — серьёзным тоном ответил Юрий, — И сейчас расскажу. Лучше присядь.

Игорь взял на руки кота, который лёжал на краешке ковролина, любуясь своим дальним родственником — Сфинксом, и вернулся в кресло.

— В тот раз я остановился на том, что наша торговля крякнула, а я попёрся работать таксистом, — возобновил своё повествование Юрий, — Только всё вроде более-менее стало устаканиваться, как я попал в аварию. Причём я был не виноват, но менты пришили обоюдку,[80] поскольку я им взятку не дал, хотя они очень намекали. Я остался без страховки и без машины. Ну и забухал на радостях.

Мои друзья, те с кем у нас бизнес столь удачно прогорел, видя такой гнилой расклад, вынули меня из синьки и депрухи,[81] насильно потащив в Египет. Типа «Юрец, всё ровно, жизнь продолжается! Харэ бухать, поехали к морю, солнцу и пьяным бабам». Я отбрыкивался, как мог, но куда там.

Как приехали — рассказывать смысла нет, ибо всё как у всех — аэропорт, таможня, дьюти-фри,[82] самолёт, виски-ириски. Ну в общем как-то так.

Игорь, в кои-то веки, слушал не перебивая.

— Ну прилетели, в общем, туда-сюда-обратно. И потащили меня эти орлы любоваться местными достопримечательностями, включая пирамиды и бордели «Специально для русских».

И вот, в один из дней мы полезли с экскурсией в эту грёбаную пирамиду Хефрена. А я был уже малость невменько. Плюс жара. Ну и проняло меня по-маленькому. Прикинь, стал внутри пирамиды шарится в поисках туалета, — Они оба как-то вяло засмеялись.

— Ну и заблудился. Там все эти коридоры, ответвления, и прочая конструёвина. Плюс, во многих из них не было освещения. Темно, как сам знаешь где.

— Знаю, — хохотнул Игорь, — Ну и?

— Ну и забрёл куда-то вообще хрен поймёшь. Иду в темноте, как мудак свечу телефоном. И как грёбнусь со всей дури! Мобильник куда-то улетел. Лоб и рука болят офонареть как. Потрогал — кровища.

Думаю: ну всё, отец, ты приплыл. Будет тут ещё одна мумия. Или скелет. Кое-как замотал руку обрывками футболки, лоб держу носовым платком. Кровь, чую, аж в глаза затекает.

— Юр, завязывай с предварительными ласками, — огрызнулся Игорь, — переходи к сути.

— Перехожу. Так вот, стал я кое-как оттуда по памяти выбираться, типа «три направо, два налево», и попал вообще в тупик. А у самого уже очко играет, чую скоро потеряю сознание.

Упёрся лбом в стену, стою, молитвы вспоминаю. А тут — хренак! — Юрий сделал театральную паузу, — Стена тупика немного отошла в сторону.

— Пиндык. — заворожённо прошептал Игорь.

— Не, наоборот. Пиндык был потом, — Юрий сотворил им по сигарете, а коту — еды и молока, — Из последних сил я эту дверь кое-как отодвинул и попал в слабоосвещённую залу. Только я туда ввалился, а дверь опять — хренак! И задвинулась обратно.

Думаю: «ну что, Индиана Джонс,[83] попался как мышка в клетку?».

— А внутри-то там что было? — с нетерпением подгонял его Игорь.

— Темно там было. Какой то тусклый свет по верху стен, почти под самым потолком. Я только просёк, что эта комната была не квадратной, а пирамидальной.

— А, — отмахнулся Игорь, — подумаешь маленькая

пирамидка внутри большой. Какое-нибудь тайное святилище или что-то в этом роде. Египтяне были фанаты подобных наворотов.

— Ха, египтолог, тоже мне, — фыркнул Юрий, — Слушай дальше. Стал я там по углам шарить, за все выступы хвататься, думал, может найду ещё одну дверь, или какой потайной выключатель.

Он снова сделал театральную паузу, — Ну и нашёл. На свою голову!

— В каком смысле?

— А в таком, что эта беда ожила. Зажёгся свет, вокруг всё загудело, мелко завибрировало, передо мной прямо в воздухе появился экран, наподобие голограммы, только плоский.

— Что, секретная лаборатория египетских жрецов, беженцев с Атлантиды? — скривился Игорь.

— Достал стебаться! Ну так вот. Гляжу, а на этом экране что-то вроде карты, какие-то непонятные символы, обозначения. И главное дело, всё какое-то зелёно-серое, и одна яркая белая точка. Ну я возьми и ткни в неё сдуру пальцем.

— А дальше? — Игорь даже приподнялся в кресле, предчувствуя драматичный финал в стиле Хичкока.[84]

— Свет опять притух, и вся эта комната затряслась так, что я свалился с ног. А потом меня приплющело к полу, словно огромным самосвалом. И через секунду я вырубился.

— А на следующий день по всем новостным каналам прошла новость, что пирамида Хефрена разлетелась в клочья, — торжественным голосом произнёс Игорь, — а в Инете стали базарить, что из неё вырвался на свободу треугольный корабль пришельцев и устремился у звёздам.

— Пирамидальный. И не пришельцев, а хозяев, — буркнул Юрий.

— Что?! — подскочил Игорь, — Каких ещё хозяев?

— Потом.

— А когда это произошло? Я чего-то запамятовал, — Игорь наморщил лоб.

— Ровно в этот день, три года назад, — поник Юрий, — Именно этот день мы с тобой и отмечали весь вечер.

— Точно! Шестое августа.

— Угу, — пробурчал Юрий, — день когда американцы сбросили на Японию атомную бомбу.

Они оба несколько минут провели в полном молчании, каждый уставившись в собственные мысли.

— И куда ты, по итогу, прилетел на том треугольном бимболёте?[85] — нарушил молчание Игорь.

— В рай, Игорёк, — устало-печально произнёс Юрий, — Я

очнулся в раю.

— Грёбаная сказка! Чем дальше, тем страшнее, — хмыкнул Игорь расстроенно, — Теперь ещё рай и какие-то хозяева.

Они вновь на несколько минут погрузились в молчание. Было слышно только громкое мурлыканье кота, который тёрся у ног Юрия. Сфинкс ему явно надоел.

— Ну что? — приободрился Юрий, — Валим отсюда?!

— Подожди, — мрачно сказал Игорь, — Есть одна просьба.

— Не продолжай, я всё понял. Сейчас сделаем, — ответил Юрий, и тарелка резко взмыла в ночное египетское небо.

21

Игорь шёл по одному из серых и грязных от осенней слякоти многочисленных переулков, примыкающих к широкому оживлённому проспекту, словно сосуды к центральной артерии, и разносящие автомобильно-людской кровяной поток к многочисленным мышцам и органам города — кварталам и микрорайонам.

Матеря в душе и в пол-голоса всех и всё попадающееся ему на пути, он шёл своей обычной торопливой походкой, уворачиваясь на ходу от брызгов машин и перепрыгивая засыпанные пожелтевшими листьями лужи.

— Грёбаный денёк! — вновь и вновь повторял Игорь свою любимую фразу, словно охранную молитву.

Он оказался здесь в этот день совершенно случайно, и видимо единственный раз в жизни — по работе, которую он так же искренне и самозабвенно ненавидел, как и город, по которому в данный момент перемещался, и в котором прожил всю свою никчёмную жизнь.

— Грёбаный денёк! Грёбаные дешёвые безродные китайские маршрутизаторы,[86] которые зависают каждый грёбаный раз, когда при грёбаном дожде в подвалах и на чердаках грёбаных «хрущовок» повышается грёбаная влажность, и которые нихрена невозможно перезапустить удалённо из грёбаного офиса или грёбаного дома! — думал он своим воспалённым от вечной бессонницы и мигрени мозгом.

— Ай блядь! — прошипел он, перепрыгивая одну лужу, и неминуемо попадая в другую, как назло ещё более глубокую.

— Го-спо-ди! Ну когда же я сдохну?! — отчаянно проорал Игорь внутри своей головы. Ответа, как и можно было ожидать, не последовало. Или.

Он остановился. Затем обернулся. И пошёл назад, не обращая внимания ни на лужи, ни на промокшие, словно две курицы, ноги.

На пересечении узкого переулка с ещё более узеньким, стояла девушка. Она пряталась под зонтом и безуспешно пыталась прикурить от простой зажигалки с отсыревшим от дождя кремневым запалом.

Игорь подошёл к ней, и галантно поднёс свою зажженную зажигалку к кончику её тонкой дамской сигареты.

Ей было на вид что-то около двадцати семи. Ростом немного ниже Игоря. Одета просто. В чёрные джинсы, тонкий белый свитер и ветровку цвета морской волны.

Прикурив, она подняла глаза на Игоря. Свои бездонно глубокие карие глаза.

— Спасибо, — поблагодарила она.

Сказав в ответ что-то вежливо-учтивое, впрочем, без особых излишеств, и спрятав зажигалку в карман, Игорь повернулся чтобы уйти прочь по своему полному нецензурного отчаяния пути. Но девушка его остановила.

— Простите, — сказала она немного расстроенным голосом, — я тут заблудилась. Не знаете ли вы, где находится. — она полезла в свою сумочку, и после некоторых поисков извлекла прозрачный файл с документами, а затем назвала Игорю какой-то сложносочинённый переулок, которыми так богата Москва.

— Где-то тут, — растерянно произнёс Игорь, — Не уверен, что знаю точно, но сейчас найдем.

Он полез во внутренний карман своей мокрой куртки и извлёк оттуда не первой свежести «смрадфон»,[87] как он сам называл подобные мобильные устройства. Игорь, безусловно любил технику, особенно электронную, но мобильники и Интернет его сильно бесили. Он даже сам не мог понять почему.

Открыв приложение «Карты», он деревянными от промозглой погоды пальцами вбил название, постоянно ошибаясь на нарисованной клавиатуре, и пытаясь не выругаться хотя бы себе под нос.

После некоторого ожидания, чудо китайского электропрома отрыгнуло результат в виде корявой карты и приблизительного маршрута от текущего местонахождения.

— А вам, похоже, надо на другую сторону проспекта. Идите вот по этому переулку, — Игорь показал рукой вдоль мокрой асфальтовой кишки, по которой и сам только что намеревался топать, — а потом перейдите на противоположную сторону по переходу возле метро. Ну а там сядете на маршрутку, — он заглянул в свой телефон и назвал несколько номеров.

Спасибо, — снова поблагодарила она, — А то у кого не спрошу, все отправляют в разных направлениях. Я уже отчаялась найти, — и с небольшим раздражением в голосе, добавила:

— Вообще хотела уже уехать отсюда, и чёрт с ним, с этим переулком.

— А нам с вами по пути, я тоже иду к метро.

— Вот и замечательно. Пойдём вместе. — промолвила она, — Идите под зонт!

Игорь принял из её руки зонт, и они вдвоём, словно зная друг друга тысячу лет, начали свой путь по направлению к оживлённому проспекту, где им предстояло расстаться.

Вдвоём. Почти прижавшись друг к другу. Под одним зонтом.

Под холодным московским дождём, который неустанно оплакивал позднюю осень.

По дороге они болтали о её потенциальной работе инструктором в новом фитнесс-центре, что находился в том самом переулке-призраке, про который все в округе слышали, но не знали где он расположен. И о важной работе Игоря, без которого, и ещё сотен таких как он, Интернет в столице был бы в принципе не возможен.

— А я представляла себе системных администраторов совершенно другими, — без намёка на флирт, произнесла она.

— Наверное, прыщавыми очкариками с грязными волосами и в потных футболках? — несколько невежливо поинтересовался Игорь. Его раздражало, когда кто бы ты ни было навешивал на светлый образ компьютерщика подобный мерзкий ярлык.

А ещё он люто ненавидел слово «айтишник»[88]. Или когда честного сисадмина со стажем называли «программист».

Потом Игорь добавил одну из своих глубокомысленных фраз, правда налету переведённую на цензурный русский:

— Этот образ вам явно навеян американским кинопромом, который так нагло упаковывает человеков в различные футляры.

Вот так, за непринуждённой болтовнёй о разных мирских и суетных вещах типа книг, кино и музыки, и закончился их совместный вояж под зонтом, длинною в пятьсот двенадцать метров — согласно приложению «Карты» на мобильнике Игоря.

Проспект. Метро. Подземный переход. Расставание. Дальше у каждого из них свой путь. А они даже не знают имён друг друга.

Не то чтобы Игорю не хотелось познакомиться с прекрасной незнакомкой. Но он понимал что это бесполезно и ни к чему не приведёт. Пока они шли и беседовали, он думал:

— Ну какой смысл мне, тупому, нищему и убогому, пытаться подбивать к ней клинья? Наверняка замужем или встречается с каким-нибудь коллегой по цеху — накаченным инструктором по фитнесу или не менее накаченным посетителем фитнес-центра. Ну кому я нахрен сдался такой?. Вот ведь грёбаная эпоха: фитнесы, консалтинги, франчайзы, мерчендайзы, и прочие айтишники. Тьфу, блядь!

Я вспомнил! Для меня тоже есть подходящее название в эту развесёлую эпоху выделенного Интернета и вездесущих англицизмов: лузер! Лузер, блядь! Вот кто я. На великом и могучем, на котором даже и носители перестают разговаривать, это значит «неудачник».

Человек с отсутствием удачи. А что есть удача в понимании современного российского, да и не только, бюргера? Материальные блага в геометрической прогрессии.

И как с этим у меня? Да полный швах. То два то полтора. И сколько ни вкалывай. Социальная лестница. Кто-то по ней всю жизнь карабкается. Кто-то при этом с неё падает. А я под этой лестницей живу. Прямо как бомж. Точно, социальный бомж. И да будет так!

— Ну вот и пришли, — сказала она немного грустно, — Дождь-то как усилился! Как же вы без зонта?

— А я сейчас в метро, — тоже немного грустно ответил Игорь.

— А дальше?

— Трамвай. Минут десять, и я на месте. А вообще-то я люблю дождь. Осень и дождь.

— Я заметила, что вы какой-то грустный. У вас что-то случилось?

— Что вы, всё отлично! — с наигранной весёлостью ответил Игорь, — а сам подумал, — Случилась жизнь, милая. Случилась жизнь.

— А мы ведь с вами так и не познакомились.

— Простите! Это всё моя невоспитанность. Я — Игорь.

Он достал из кармана куртки свою визитку и протянул ей. На визитке было написано: «Денисенко Игорь Алексеевич. Служба технической поддержки. Интернет-провайдер Титан Нэтворк. Москва», а далее — телефон, сайт, электронная почта.

— Очень приятно, Игорь! Меня зовут Лариса.

Сказав друг другу на прощание традиционные слова вежливости, и пожав друг другу руки, они расстались и пошли каждый своим путём.

— Ну вот и всё, — подумал Игорь, — Вот и всё. Я никогда больше её не увижу. И город переварит наши судьбы в своём ненасытном пищеводе.

А что? Если посмотреть на карту, то видно, что Москва очень похожа на гигантский желудок. С вводными и выводными каналами шоссе, ведущих к городу. С артериями в виде проспектов. С отделами в виде административных округов и районов. С сосудами и капиллярами улиц и переулков. С полостями парков и промзон. Все мы будем проглочены, переварены, и выброшены прочь — каждый в своё время.

Игорь достал из кармана ещё одну визитку. «Титан Нэтворк» — прочитал он название своей нынешней каторги. Титан. Скорее уж «Титаник».[89] Контора уверенно шла ко дну.

В эпоху развитого капитализма, многократно победившего остатки совести, мелким и средним провайдерам, впрочем, не им одним — приходилось несладко: одно за другим происходили «слияния», «реструктуризации», «оптимизации», да и попросту

банкротства.

Во всех случаях, для рядовых сотрудников типа Игоря, это означало только одно — новые посиделки на сайтах с вакансиями, рассылка резюме, и поездки на собеседования.

— М-да, — подумал Игорь, — мелкие кусочки перевариваются быстрее. Впрочем, крупные, раздробившись на части, перевариваются тоже не слишком медленно.

Он вновь взглянул на визитку. Должно быть, Лариса свой экземпляр уже выбросила. Возможно даже в урну при выходе из подземного перехода.

— А, пропади всё пропадом! — подумал он и швырнул визитку на рельсы приближающегося поезда метро.

— «Титаник» отчаливает, следующая остановка — айсберг. Всем приятного плавания!

Игорь зашёл в вагон поезда, и умчался прочь во тьму туннеля. В этот момент он ещё не знал, что через несколько месяцев его «Титаник» будет сожран более крупным провайдером под названием «Айсберг Инфотэк».

22

— Игорёк, хорош мечтать! Прибыли. — голос Юрия вернул его к реальности, какой бы фантасмагоричной она ему ни казалась.

Тарелка зависла над территорией типичного представителя семейства «олл инклюзив»[90] отряда «Резорт[91] недорогой, трёхзвёдочный», что так обожают путешествующие в Египет представители среднего класса из некогда рухнувшего «союза нерушимого» и их бывшие соотечественники.

Проще говоря — под ними раскинулся малоэтажный П-образный отель барачного типа с подковообразной лужей бассейна и неким подобием скверика возле микроскопической теннисной площадки.

— А где мы тут парканёмся-то? — спросил Игорь, — Или вылезем отсюда и пешком пойдём?

Вместо ответа тарелка плавно спустилась прямо к поверхности бассейна и оказалась почти вплотную к одной из стен отеля.

— Какого.?

— Такого, — передразнил Юрий, — Нелинейность пространства и относительность евклидовой геометрии, обусловленная особенностями восприятия человеческими мозгами псевдо-трёхмерной псевдореальности. Во завернул-то! — удивился он сам себе.

— Я офигел офигевавши, — парировал Игорь усталым голосом, — Как внутрь-то попадём?

— Щас увидишь, погоди. Кот, выйди пока, — обратился он к хвостатому бело-рыжему бомжу, который, размышляя о своём кошачьем, развалился на мягком ковролине возле ног Юрия, — Иди пока на кухню, а то опять устроишь кипиш чего доброго.

Материализовалась стена с дверью в прихожую, и кот покорно вышел. Затем стена вновь стала прозрачной.

Спустя секунду они оказались в типичном гостиничном номере. Свет не горит. За окном — ночь. Обычная спартанская обстановка: две односпальные кровати с тумбочками, столик с плоским телевизором, встроенный шкаф по одной из стен.

Юрий с Игорем, не изменив своего расположения относительно друг друга и столика с подносом, тем не менее, казалось, занимали пространства не более четверти квадратного метра от общей площади гостиничного номера. Искажений перспективы обзора тоже не наблюдалось ни малейших. Просто как будто один человек стоит неподвижно и осматривает

пространство вокруг себя.

Одна кровать была разобрана, но пустовала. На другой — свернувшись калачиком и по-детски высунув одну ножку из-под одеяла, мирно спала Лариса.

— Ладно, я тоже, пожалуй пойду на кухню, с котом потусуюсь, — Юрий потянулся и встал со своего стула. На подносе появилась початая пачка сигарет и зажигалка.

— Это тебе про запас. Можешь спокойно курить, она не почувствует дыма. И вообще тебя не увидит и не услышит. Как-то так. — он направился к тому месту, где была дверь в прихожую. А потом мгновенно растворился в воздухе. Игорь на него не смотрел, поэтому ни удивлённых возгласов, ни вопросов не последовало. Игорь не отрываясь смотрел на Ларису.

На него с новой силой нахлынули воспоминания. Такие далёкие и такие реальные, словно произошли несколько минут назад.

Игорь, в обнимку с ноутбуком, сидел в своей бетонной камере-одиночке, которая по виду больше напоминала компьютерную мастерскую, а не жильё человеческое.

Повсюду валялись какие-то платы малопонятного назначения. На полу стояло несколько, разной степени выпотрошенности, компьютеров. Возле двери в прихожую, в большой картонной коробке, хранились почившие в бозе жёсткие диски в ожидании своего последнего пути в мусорный контейнер, находившийся во дворе неподалёку от детской площадки.

Зазвонил мобильник. Игорь, с глубоким неудовольствием в душе, и пробубнив свою очередную матерную скороговорку, ответил на звонок.

— Здравствуйте! Могу я поговорить с Игорем? — раздался в трубке женский голос.

— Добрый вечер. Я вас слушаю.

— Отлично! Помните, вы мне дали свою визитку, и я.

— Одну минутку, — перебил Игорь, — Если у вас проблемы с подключением по ВПН[92], то звоните пожалуйста в наш центр обслуживания клиентов. Номер телефона указан там же, в визитке, чуть ниже. А это — мой личный номер. И я сегодня выходной, — протараторил он со сталью в голосе.

— Вот и отлично, что выходной! Я хотела пригласить вас немного прогуляться. Вы меня не узнали? Это Лариса. Помните?

Игорь помнил. Более того, он с того дня не находил себе покоя и постоянно думал о ней. И вот, когда она ему позвонила, он первым делом ей нагрубил, перепутав с очередным назойливым клиентом его треклятого «Титаника».

— Простите, меня ради бога, Лариса! Я вас отлично помню!

Просто что-то вот. — у него переклинило речевой центр мозга, и он начал мямлить:

— Зачитался, вот. Ну как-бы.

— А что читаете, если не секрет? — весело спросила она.

— Да это. «Мастера и Маргариту». Перечитываю в общем.

— Хорошая книга! Такая романтическая. — она секунду помолчала и добавила, — Не думала, что системным администраторам нравится подобная литература.

— Админы тоже люди. Как-бы. Ну, в смысле. — снова начал мямлить Игорь.

— Ну что, тогда через два часа на Патриарших? Как вам?

— А… это… — он невероятным усилием воли взял себя в руки, — Давайте лучше у Пушкина, возле фонтана. На Патриарших как-то мрачновато.

— Ещё лучше! — ответила Лариса, — Ну тогда до встречи?

— Да! До скорой встречи! — почти прокричал в трубку Игорь.

Вне себя от такого неожиданного счастья напополам с тревогой, он сполз с кресла, уронив пепельницу, которая стояла на подлокотнике кресла.

— Так, ладно, — быстро стал соображать он, — пулей в ванную, побриться-умыться-собраться. А потом поймать тачку — до метро. Да! Цветов не забудь купить. И не испорти всё хотя бы в этот раз, мудило!

А затем началась бешеная предстартовая подготовка в стиле закоренелого холостяка-нелюдима, которая закончилась полётом через половину вечерней Москвы на второй космической скорости и с букетом красных роз в руках.

Сжимая пространство и время, Игорь очутился на месте в нереально короткие сроки.

— Факс! Ну и пробежечка. Так, ладно, минут двадцать вроде есть, — беседовал он сам с собой, бубня под нос. Немного отдышавшись, он закурил, и стал неспешно барражировать туда-сюда неподалёку от места предстоящей встречи с Ларисой.

— Однако как сердечко-то гоняет! — думал он, — Надо завязывать с кофе и энергетиками в таких дозах. А то, не ровен час, и в кремак сыграть не долго.

Он выбросил докуренную почти до фильтра сигарету, и отправил в рот эвкалиптовый леденец Холлс, — Пусть уж лучше закопают, червякам тоже надо что-то жрать.

Вот в таких оптимистичных и жизнерадостных размышлениях и прошли бесконечные минуты ожидания.

— Стоять! Не двигаться! Руки за голову! — послышался неопределённо-подростковый басок за спиной у Игоря.

Он медленно обернулся. Перед ним стояла Лариса и весело

улыбалась.

— Привет! Испугался? — прохихикала она уже своим обычным голосом, параллельно обозначив переход на «ты».

— Добрый вечер! — он галантно поцеловал Ларисе ручку и подарил свой шикарный розовый букет, — Испугаться не успел, но сердце кольнуло. Думал что в крематорий всё-таки прокачусь. — сказал он, мысленно обматерив свой похоронный юмор.

— Вместе поедем! — подзадорила она его, — Оптом — дешевле, хе-хе, — а потом, беря его под руку, добавила:

— Только сначала пойдём, выпьем чаю с лимоном и круассанами.

Кофе тебе не положено, раз сердце колит. Тут неподалёку есть одно шикарное бистро. Пошли?.

И они зашагали вниз по улице, в направлении, противоположном печальному взгляду металлического поэта, который, словно обидевшись, стоял к ним спиной.

Они непринуждённо болтали о том о сём, без неловких пауз и не перебивая друг друга. Темы для разговора не иссякали.

Посидев в уютном маленьком кафе во французском стиле с персоналом в полосатых майках и Эйфелевой башней на самом видном месте, они неспешно прогулялись по вечернему бульвару, вышли на Садовое, и немного попетляв по тихим переулкам, нехотя расстались почти за полночь.

Игорь, пребывая в тумане, и с лёгкой грустью в сердце из-за расставания с Ларисой, зашёл в свою одинокую и прокуренную берлогу. Закрыв за собой входную дверь, он медленно сполз на пол и зарылся лицом в ладони. Он был окончательно и бесповоротно влюблён.

А дальше, как поётся в песне — «И началась история простая.»[93] — с долгими разговорами по телефону и Скайпу, совместными вылазками в места культуры, отдыха и развлекательных мероприятий. Перекрёстные знакомства с родителями и друзьями. Нежные объятия и поцелуи наедине.

Не заставили себя ждать и первые ссоры с неизбежными примирениями, взаимные клятвы и взаимные же упрёки. А потом и вовсе — жизнь под одной крышей после смены внутреннего убранства квартиры Игоря и избавления от его компьютерного хлама. Среднебюджетного ремонта и покрытия пола комнаты пушистым ковролином.

Постепенно стерпелось-слюбилось-утряслось, и Игорь почувствовал себя полноценным бюргером в обстановке стандартного уюта, домашнего питания, и регулярной половой жизни.

Карьерный рост тоже не заставил себя долго ждать. Ещё на заре их с Ларисой романа, её отец, разглядев в будущем потенциальном зяте толкового и головастого парня, здорово помог с трудоустройством, протолкнув Игоря в «Астранэт Телеком» — сначала просто в клиентскую техподдержку, а потом и в сисадмины.

Игорь, впрочем, тоже не щёлкал клювом. Постоянно читая книжки и посещая многочисленные курсы, семинары и тренинги — самообразовывался в специальности, как мог. И по итогу занял почётное место свадебного генерала, официально именуемое «Начальник отдела системной интеграции».

На практике это означало, что помимо обычных своих обязанностей, он теперь головой отвечал за целую шоблу админов рангом пониже, а так же за закупку и развёртывание необходимого сетевого оборудования, дабы жители Москвы могли беспроблемно наслаждаться быстрым соединением с любимыми социальными сетями, порно-сайтами, и скоростной закачкой с торрентов.

Но за всё хорошее, как известно, надо платить. Дорого. Это только плохое бывает нахаляву и в оптовых количествах. Вот и Игорь заплатил — хроническим недосыпом, депрессняками, и далее по списку. Заплатил с процентами, забыв про свой синтезатор. Запихнув его, словно нашкодившего ребёнка, в тёмный встроенный шкаф.

Обретя, почти семью, (Лариса настаивала на полноценной: кольца, ребёнок, ипотека), Игорь снова остался одиноким в душе. То на то и вышло. Любовь трансформировалась в совместное проживание и ведение хозяйства. Всё как у всех, всё как всегда.

Одинокая и истрёпанная душа Игоря полетела в шкаф вместе с синтезатором. Тихо пылиться и страдать от никчёмности.

> Душа обязана трудиться
> И день и ночь, и день и ночь![94]

— вспомнил он отрывок стихотворения из школьной программы.

— Ага, щаз-з-з! — раздражённо подумал Игорь, — Трудится только мозг и тело, причём так, что мама не горюй. А душа. А где она теперь? Жива ли ещё? Или на помойке — вместе с моими стихами и музыкой — на листках, в блокнотах и тетрадях, выкинутых Лоркой с антресолей.

— Так, начальник, чё-то тебя опять развезло, — в комнате появился Юрий с котом на руках, чуть позади него в воздухе висели блестящие шарики, — Короче, валим отсюда нахер. Мне в

этом долбаном Египте тоже как-то не по себе.

23

Юрий очнулся в постели под тонким одеялом. Совершенно голый. Голова и рука больше не болели. В голове было свежо и ясно. Он моментально вспомнил всё, что с ним произошло в этот день.

— Ну и глюк однако, — подумал он, — Видать хорошо приложился скворечником о каменный пол.

Он осмотрел помещение, в котором находился. Белые стены, белый потолок, белое всё, залитое равномерным светом, источник которого Юрий не мог определить, как ни старался.

— В комнате с белым потолком, с правом на надежду.[95] — негромко пропел он и подумал:

— Однако странная больничка. От белизны всё сверкает. Ни приборов, ни шума, ни типичной больничной вони. Странно.

Он сел на своей койке и огляделся ещё раз.

— Ни окон ни дверей. А! Я походу умер. Радость то-какая! — хохотнул он в ответ на свои мысли, — Даже не думал что это будет так легко. Без всяких засасываний в туннель навстречу свету, порханием над собственной тушкой, и тому подобной слезливой хери.

— И куда я, интересно, попал? — он огляделся ещё раз, — На рай похоже. Вроде как, — он снова лёг и довольно потянулся, положив ладони под затылок. Есть не хотелось. Спать тоже. Вот разве что покурить.

— И за что мне в рай? — думал Юрий, — Вроде жизнь была такая же как и у всех. Так может это всё-таки ад? Ну да, такой, с евроремонтом. Ну по крайней мере, в прихожей. А за стенами — печи огненные и скрежет зубовный. Да похрену! Сейчас местный пахан нарисуется, и объяснит мне по понятиям, где и за что я буду коротать вечность.

Он натянул на голову одеяло, и сложив руки на груди в позе покойника, снова негромко запел:

— В комнате с видом на огни, с верою в любовь.

— А вам уже легче, даже поёте, — раздался нереально красивый женский голос.

Юрий, вздрогнув от неожиданности, высунул голову из-под одеяла.

— Оба-на! Ангел! — прошептал он, вытаращив глаза, когда увидел свою собеседницу.

Девушка, неопределённого возраста, явно очень молодая, даже юная. Она была одета в костюм наподобие спортивного, не слишком облегающий её стройную фигуру. Её белокурые густые

волосы плавным водопадом стекали на плечи. Невозможно-синие глаза светились добротой и спокойствием.

Рассмотрев её лицо, Юрий обнаружил потрясающее сходство со своей возлюбленной детдомовских времён — Юлей.

Юля была старше Юрия на два года, но тем не менее дружила с малолеткой-тихоней, вечно торчащим в библиотеке, по прозвищу Гагарин — вечным объектом насмешек как сверстников, так и старших ребят.

Юрий поклялся себе, что как только отец приедет за ним, он обязательно уболтает его, слёзно упросит, умолит на коленях забрать из этого ада, вместе с Юрием, и его сестру по несчастью Юлечку — круглую сироту-подкидыша.

Но судьба распорядилась иначе, и они так и остались коротать свой срок в этом неуютном госучреждении — отстойнике для ненужных детей.

Потом, когда пришло время, Юля покинула негостеприимные стены детдома и ушла в самостоятельную жизнь. Они какое-то время переписывались. Из редких писем Юрий позже узнал, что она обрела счастье с мужем — офицером-подводником где-то очень далеко, близ холодных морей и баз стратегического назначения.

Письма приходили всё реже, а потом и вовсе перестали. Юрий остался совсем один. Если не считать редких визитов дальних родственников, которые так удачно спихнули восьмилетнего Юру на попечение государства много лет назад.

— Ох и заставили вы нас поволноваться, Юрий, — произнесла девушка, присев рядом с его кроватью на появившийся из ниоткуда стул.

— А как вас зовут? — спросил он, и вновь присел на своей койке, — И где я, собственно, нахожусь? И кого это — «нас»?

— Меня никак не зовут. Это чисто земная привычка — давать имена и определения всему, что видимо и знаемо, — спокойно ответила она, — Но раз вам так удобнее, зовите меня Юлия. Или Юля. И давай на «ты».

— А.

— Предвидя твой следующий вопрос, я скажу, что специально приняла такой образ, чтобы тебе было комфортнее общаться с нами.

— А. — вновь попытался задать вопрос Юрий.

— Давай по порядку, хорошо? — она заглянула ему прямо в глаза, — Мы знаем все твои мысли ещё до того как ты их подумаешь, и уж тем более — произнесёшь их вслух.

От такого Юрию стало немного не по себе.

— Хотя ладно, — подумал он, — Я же на том свете, здесь всё

так и должно происходить.

— Ты не на «том свете», Юра, — ответила на его мысли Юлия, — ты на одной из планет. — она немного подумала, — входящих в Содружество Амига.

— Интересное кино, — сказал Юрий вслух, — Мой первый компьютер назывался Амига. «Амига пятьсот плюс», если быть точным. Хорошая была машинка. А тут вдруг целое Содружество так называется. — он подумал и добавил, — «Амига» — это вроде как «подруга» по-испански.

— Я тебе уже говорила, — ответила Юлия всё тем же спокойным тоном, — у нас ничего и никак не называется. Это чисто земная привычка — всё называть. Земная и схожих цивилизаций. Ты просто подумал об «Амиге», а я лишь выбрала это имя.

После некоторой паузы она продолжила:

— Во время беседы с тобой, для удобства твоего восприятия, мы… я — буду давать названия и определения словами из твоего языка и лексикона, хорошо?

— Ну, лады. — неопределённо ответил Юрий.

— Наше Содружество Амига — очень древнее. Мы прошли множество этапов эволюции и самосовершенствования. Самопознания и саморазвития. Нами пройден очень долгий путь, неизмеримый временем, поскольку времени в твоём понимании — просто не существует.

Мы многое перенесли на разных этапах своего существования. Войны внутри себя и с внешними врагами. Мы погибали и возрождались. Делали фатальные ошибки, и вновь вставали на правильный путь. Расселялись по Вселенной, и теряли целые сегменты нашего Содружества. И вот — мы те, кто мы есть. А ты наш гость, Юрий, добро пожаловать!

— Спасибо, Юля, — ответил Юрий, — Признаться, я не ожидал такого ответа. А сколько планет в вашем Содружестве?

— Количество всё время изменяется, — ответила она, — Сейчас — семьсот шесть тысяч, в разных точках Вселенной. К нам постоянно присоединяются другие. — она замолчала и отвела от Юрия взгляд, — А кого-то порабощают… или уничтожают полностью враги.

— Во дела, — пробормотал Юрий, — И кто же эти «враги»?

— Союз разных рас и существ, с разных планет в различных галактиках. Но объединённых общей целью, — она снова посмотрела в глаза Юрию, и совсем по-земному сказала:

— Пожрать на за чужой счёт.

Юрий не ожидал подобной формулировки, но вида не подал.

— Надо же, прямо как на нашей несчастной планете.

— Всё верно, — сказала Юля, — Это потому, что ваша планета входит в число, захваченных ими.

— Приплыли.

— Кстати, ты сюда прибыл на их старом корабле. Собственно поэтому мы немного занервничали, когда ты оказался возле наших границ на этой развалюхе. Чуть не уничтожили.

— Юль, а курево в вашем Содружестве водится?

— А всё что пожелаешь! — озорно ответила она и подмигнула.

— Вот это номер, — подумал Юрий, — Только что была такая ледышка, а теперь подмигивает. — он осёкся, — Так, Юрец! Думай вежливо, ты всё-таки в гостях.

— Ты представь это своё «курево», а я тебе его мигом материализую.

— Как понять «представь»?

— Увидь его своим внутренним взором. Помечтай о нём.

Юрий закрыл глаза и стал представлять дымящуюся сигариллу Кафе Крем в своих пальцах, а в другой руке — кружку холодного тёмного пива.

— М-м-м-да-а-а. — задумчиво промычал он, улыбаясь своим мыслям, — Прямо чувствую запах табачного дыма. И в руке — ну прямо такая тяжёлая кружка с.

— А ты глазки-то открой, мечтатель! — засмеялась Юля.

— Какого. — оторопел Юрий, открыв глаза.

В его левой руке была кружка пива с фирменным логотипом Гиннес, а в пальцах правой — тлела туго набитая ароматная мини-сигара.

— Вот так! Мысль — материальна, если говорить по-земному, — она обворожительно улыбнулась.

— И как назовём этих зас… злобных космических врагов? — спросил Юрий, допив пиво и докурив сигариллу.

— Ну, например, «Герконы», как тебе? Ты всегда считал это слово противным, не так ли?

— Ага. Герконы. Больше подходит каким-нибудь паукам или ящерицам, — Юрий поморщился, — А на самом деле это.

— «Герметичный контакт» или проще — магнитная кнопка. Колбочка с намагниченными контактами. Подносишь магнитик — оп! Цепь замкнулась, ток пошёл, — веселилась Юля.

— А как поняли, что это не Герконы пожаловали, а случайно полудохлый землянин залетел?

— А, — отмахнулась она, — дело техники. А как разобрались — взяли эту пирамидальную колымагу на дистанционное управление и посадили тут неподалёку. Открыли — а там ты. Только не полумёртвый, а уже именно мёртвый. В состоянии

клинической смерти.

— Однако. И сколько же я к вам добирался?

— По вашему. Ну суток пять, — ответила она с беззаботным видом, — Как только от обезвоживания коньки не отбросил.

— Погоди, это ж сколько километров-то выходит? — Юрий наморщил лоб, пытаясь поупражняться в арифметике.

— Да много, Юр, ты же через, так сказать, «гиперпрыжок» в наших краях очутился, — она встала со стула и пересела на край его постели, — в одном месте исчез, а в другом появился. А за это время на Земле прошло около пяти суток. Такое вот расстояние.

— А в числовом эквиваленте?

— Устанешь нули рисовать, профессор! Да, и неравномерность пространства учесть не забудь.

Она спрыгнула на пол и отобрала у него кружку из-под пива, в которой валялся окурок. Кружка в её руках мгновенно исчезла.

— Вставай, пациент! Пойдем прогуляемся, заодно на местную природу поглядишь!

— Так а одежда моя где?

— Твоя того, восстановлению не подлежит. На тебе уже новая, — она рывком сдёрнула одеяло.

Юрий, который был до этого гол, как новорождённый, теперь был одет в чёрную футболку с длинным рукавом, такого же цвета джинсы и простые кроссовки на липучках — его обычная одежда на Земле.

24

Они вышли наружу буквально сквозь стену, которая просто растворилась, когда они приблизились к ней.

Снаружи снежно-белого здания, формой напоминающего каплю ртути, их встретило небо цвета морской волны, с синеватым отливом, словно бы земное небо и земное море смешались вместе в невероятном цветовом экстазе. По небу лениво ползли идеальной белизны облака, напоминающие своих земных собратьев.

— Вот это красота! — заворожённым шёпотом прошептал Юрий, — Это же… это же. Нет, я просто не могу описать словами подобное чудо!

— А и не надо, просто любуйся! — весело и озорно прощебетала Юля своим звонким голоском, — Сейчас как раз смена солнц.

— Это по-вашему день или вечер?

— Просто этап во взаимном движении центральных звёзд этой системы. Их тут целых три. Разной массы, светимости и спектра излучения.

На небе горели два «солнца» — одно маленькое, чуть больше земной Луны, ослепительно яркое, с синеватым сиянием — почти в зените. А другое — массивное, чем-то похожее на гигантский апельсин своим тёмно-оранжевым светом — клонилось к горизонту.

— У меня кружится голова от такой красоты, — сказал Юрий и сел на мягкую и пушистую траву зеленовато-белого оттенка. Так на земле выглядит трава, припорошенная первым снегом.

— Это от избытка кислорода, скоро привыкнешь, — сказала Юля и присела с ним рядом. Теперь на ней была белая майка-топик и синие джинсовые шорты.

Они вдвоём смотрели на уходящее к горизонту огромное море, в котором отражалось причудливого цвета небо и пушистые белые облака.

На этой ласковой и гостеприимной планете всегда был день, отличающийся лишь оттенком неба — в зависимости от того, какое из трёх солнц проходило над её поверхностью. Всегда было тепло и уютно. Не было сильных ветров, засух, и сотрясений грунта. Лишь иногда шёл непродолжительный тёплый дождь.

— И всё это может стать твоим новым домом, Юра, — сказала Юлия, заглянув ему в глаза, — Необходимо лишь изменится, сбросить земное тело и оставить прежние привычки, мысли, желания. Умереть. По-настоящему.

— А без этого никак? — равнодушно спросил Юрий, — Я уже один раз коня двинул. Вроде как.

— Ты остался в своем теле, не так ли? Мы тебя спасли буквально в последний момент.

— А почему же сами не вытащили меня из этого мешка с мясом, костями и болячками?

— Без твоего согласия было никак, — со вздохом сказала Юля, — Есть определённая черта, за которую нельзя заходить без разрешения.

— И поэтому откачали меня в моём нынешнем теле? Впихнули душу назад, фигурально выражаясь?

— Не фигурально, а вполне реально. Именно так всё и было. Только сперва регенерировали повреждения тела, — она улыбнулась — Заняло секунды.

— А я вот, Юль, никак не пойму, — он сделал паузу, а Юля ему — зажженную сигарету, — у вас такая природа, все дела. Почему я не могу жить так же как на Земле?

— А как ты будешь питаться, одеваться?

— Ну так это. — выдавил Юрий.

— У нас тут ни овощей, ни фруктов, ни тем более мяса, — она немного поморщилась, — Нет и не было.

— А чем же вы питаетесь? — удивился Юрий.

— Ничем. Не нуждаемся. — она встала, — Ну хорошо, допустим, мы будем тебе синтезировать… материализовывать всё необходимое всю твою жизнь. А ты подумал, что ты будешь делать?

— Ну, как… можно же.

— Не выйдет, Юра, — ответила она с ноткой печали в голосе, — Через непродолжительное время — ты здесь сойдёшь с ума. — она взяла его за руку, и повела назад к каплевидному строению, откуда они недавно вышли.

— Тебя замучает тоска по дому, друзьям. По привычной обстановке.

— Да ну… я…

— Или мы должны, — она остановилась и посмотрела ему прямо в глаза, — переделать нашу планету под твою Землю? Создать телевизоры, автомобили и Интернет? Тогда чем ты отличаешься от обычного Геркона?

Остаток пути они проделали так же держась за руки, но в полном безмолвии.

Когда они вернулись обратно в белую комнату, Юлия материализовала ему стол с полноценным земным обедом, чаем и сигаретами.

— Поешь и отдохни. И подумай над моими словами. У тебя

есть свобода выбора: либо ты проходишь необходимое изменение, либо возвращаешься на Землю.

— Спасибо большое, Юля, — сказал Юрий с искренней благодарностью, — тебе и всем твоим, ну, согражданам за заботу.

— Мы едины.

— Прости?

— Мы едины и индивидуальны одновременно. Это почти невозможно объяснить земными понятиями, не прибегая к сложным словесным конструкциям и аллегориям, — она чуть помедлила, — но в то же время — удивительно просто.

— А как.?

— Общаясь со мной, ты общался со всей Амигой, Юра. Я и есть мы.

После этих слов она улыбнулась и исчезла.

25

Юрий машинально ел, пил, курил одну за одной, прохаживаясь по своему идеально-белому приюту. Спать по-прежнему не хотелось. Он всё размышлял над словами Юлии о Земле, Герконах и Амиге.

— Ну хорошо, — думал он, — вернусь я обратно. И что дальше? Опять идти в такси? Опять в сисадмины? Или уж в повара податься? Это, наверное, единственная профессия, которая мной ещё не освоена. Ну если не брать в расчёт экзотику типа физика-ядерщика или космонавта. Хотя космонавтом поневоле я всё же стал. Юрий «Гагарин».

А потом что? Старость, болезни и смерть? И для чего жил тогда? Чтобы поддерживать хоть ещё сколько-то времени агонию собственной тушки длинною в жизнь?

«Каждый мужчина должен построить дом, посадить дерево, и вырастить сына», — вспомнилась Юрию избитая фраза. Должен. Кому? Сам себе?

И чего ради? Продолжить род? Запульнуть свою ДНК вперёд во времени, а мои потомки всё это проделают вновь и вновь? И всё это вперемешку с вечной суетой, болью утрат, горечью разлук… и мелкими сиюминутными «победками» и «удачками»?

А итог? Чёрно-белая фотография в рамочке. Рядом рюмка водки и сверху кусочек чёрного хлеба.

Он вспомнил родителей с их разглагольствованиями о боге, долге и кресте. А потом их жизненный финал. Вспомнил «родственничков», что так упорно облизывались на их квартиру в центре. Вспомнил детдом. И все свои каторжные работы — будь то уютный офис и экран компа, или стройка и малярная кисть.

А поверх всего этого — довольная рожа вечно голодного Геркона.

— Нет уж, дудки! С меня хватит.

Юрий докурил последнюю сигарету, и затушил окурок о собственную ладонь. Было больно. Но это была приятная боль. Это была последняя боль.

— Юля! — негромко позвал он, — Я готов.

— Хорошо. А ты не пожалеешь о своём выборе? — спросила появившаяся позади него Юлия.

— Я слишком много жалел в своей земной жизни. О том что сделал, или наоборот — не сделал. О потерянном времени. Хватит сожалений. Я хочу просто быть собой.

— Я тебя поняла, — сказала она, — Я… Мы понимаем и принимаем твой выбор.

— Что я должен делать?

— Ляг и закрой глаза. Будет неприятно.

Юрий лёг на постель и закрыл глаза. Юлия подошла к нему и стала у изголовья.

— Твоё последнее слово как человека? — спросила она тихим и отстранённым голосом.

— Поехали! — так же тихо ответил Юрий, и Юлия-Амига поцеловала его в лоб.

26

— А что произошло потом? — спросил ошеломлённый рассказом Игорь.

— А ничего особенного, — ответил Юрий, — Мой мозг взорвался. И стал размером со Вселенную.

— Большой взрыв Юрия Никифорова. Офонареть. А дальше?

— Когда я появился в новом теле рядом с Юлией, и увидел свою бывшую тушку, неподвижно лежащую на кровати, — сказал Юрий, — от моего отвращения всколыхнулась вся Амига. Я же теперь какой-то частью своего «я» стал частью их… то есть — самого себя.

— Юра, пожалей мой бедный биологический мозг! — прогундосил Игорь, — Я его уже реально вывихнул!

— Ну и вот, после того, как я с превеликим удовольствием аннигильнул свою мёртвую тушку вместе с кроватью.

— Как? Шарами? Мыслью?

— Мыслью, Игорёк, мыслью, — невозмутимо ответил Юрий, — С тех пор я всё делаю мыслью. Я тебе даже больше скажу, — он посмотрел Игорю прямо в глаза, — Я и есть мысль.

— Прямо по-пелевински,[96] — съязвил Игорь, — Мысль, которая сама себя думает.

— Так и есть. В каком-то смысле. И вообще, завязывай со своим стёбом.

— А сколько тебе было лет, — спросил Игорь, — когда ты закончил своё существование в бренном теле?

— Сорок два.

Некоторое время они молчали и наслаждались неспешной экскурсией по Солнечной системе, перемещаясь от одной планеты к другой. Останавливались, потом облетали вокруг, чтобы Игорь и кот смогли вблизи рассмотреть все эти спутники и луны, кратеры и кольца. Игорь уже не выказывал такого бурного восторга, как вначале, когда НЛК впервые доставило его на околоземную орбиту, а просто смотрел с наивной улыбкой первоклассника, попавшего в планетарий.

Кот же, уютно устроившись на коленях у Юрия, смотрел на всё это астрономическое чудо так, как будто прожил здесь всю жизнь.

— Юр, когда ты в тот раз сказал, что изменился, — нарушил тишину Игорь, — теперь я понял. А насчёт того, что и я тоже — вот тут чего-то не догнал.

— Ты изменился, — сказал Юрий, — Разве ты теперь прежний? После того, что узнал, увидел, и надеюсь, понял.

— М-да.

И снова повисла тишина.

— Игорёк, у меня к тебе предложение, — сказал Юрий после затянувшейся паузы, — А давай ты тоже изменишься? Как я.

Игорь уставился на него со смесью удивления и страха.

— Ну так я и знал. Как в фильме про вампиров — сначала будет мне рассказывать как хороша его новая жизнь, а под конец предложит и мне самому к нему присоединиться! — потом немного помолчав, он добавил:

— Нет, Юра. В отличие от тебя, мне есть что терять. У меня мама, Лариса, друзья. Мечты и увлечения. Музыка в конце концов. А то что сейчас чёрная полоса, — он вздохнул и сделал покорное лицо, — ну у всех бывает в жизни непруха. Не находишь?

— Нахожу что ты до мозга костей — герконская игрушка. И всё твоё правдоискательство — так. Чистое любопытство, не более.

— Да как ты. — закипел Игорь.

— Да вот так! Забыл? Я тебя сканирую в реальном времени! Знаю о чём ты думал и о чём подумаешь, — ответил Юрий без раздражения, но всё же с некоторой горечью в голосе, — Впрочем, ладно. Как говорится — вольному воля.

— Юр, ты наверное уже видел это в моих мыслях, — примирительно сказал Игорь, — Я хотел. Как ты. Ещё пять минут назад. — он тяжело вздохнул, — Но, знаешь. Мой дом — на Земле. Среди таких же как я. Есть корни, привязанности.

— Угу, — буркнул Юрий, — хомуты и якоря. Хорошо же Герконы всё человечество стреножили. Всем кольцо в нос просунули и ярмо по размеру подобрали. Мастера.

НЛК снова вернулось на Землю и зависло над ночной Москвой. Установившееся вновь молчание нарушил Юрий, продолжив свой рассказ:

— После того, как я стал другим, я не захотел остаться на Амиге. Хоть я и стал теперь частью их, я всё равно остался собой. Со своими мыслями и воспоминаниями.

Растворившись своей сущностью в информации Универсума, или проще говоря — Вселенной, я увидел как всё на самом деле устроено. Я узнал, что ничто ни откуда не взялось. Что протоны, нейтроны… хероны, все эти атомы-хренатомы — это лишь следствие. А причина, как я в тот раз сформулировал — «метаматерия». Хотя это не материя. И не энергия. И не поле. Метаматерия — это всё и вся. Единственное, что реально существует, — он посмотрел в глаза Игорю, — Вкурил?

— Ага, ага, — протараторил он, — Ну, типа, пытаюсь.

— Метаматерия, подчиняясь определённым типам воздействия. Как бы поточнее выразиться? Структурируется. Вибрирует. Порождает гармоники разных порядков. Обертоны и резонансы, — он посмотрел на Игоря, ожидая вопрос.

— Ну типа, как когда на рояле берёшь ноту До, вместе с ней вибрируют струны нот Ми и Соль, попадая в резонанс, так чтоли? — спросил тот.

— Вроде того. Взял аккорд До — получил в итоге протон. Какой-нибудь Фа минор, к примеру, оп — нейтрон. А межаккордный интервал стал электроном.

— Офигеть. — промолвил Игорь, — Соло на рояле с суперструнами в пустоте.

— Пустоты не существует, забыл? Есть лишь резонансные уплотнения, а между ними — как бы разряжение. Узлы и пучности, как у звуковых волн. Переотражения и взаимные гашения противофазных колебаний. Ну или частичное взаимоослабление не в точности противофазных.

— Я что-то подобное читал в лекциях по физике, — вспомнил Игорь, — но там эта мысль так и не развита. Лишь подмечено, что в механике, электрике и акустике наблюдаются схожие по сути явления.

— Во-во, и я тебе про что, — беззаботно сказал Юрий, — Основа-то у всего этого одна.

— А как быть с античастицами?

— Тот же аккорд, но в противофазе что ли. Или «аккорд наоборот». Словами тяжело объяснить.

— А распространение электромагнитных волн в пустоте?

— Пустоты нет, — фыркнул Юрий, — сколько можно повторять? Так же, как и звук распространяется в воздушной среде. Как круги от камня в озере.

— А почему тогда звук не распространяется в космосе?

— Среда метаматерии на миллионы порядков менее плотная, чем воздух или любой газ, — устало промолвил Юрий, — Сначала образуй из метаматерии «частицы». Потом собери их в «атомы», потом из «атомов» собери «молекулы», из «молекул» — газ. А в нём уже запускай свои звуковые волны на здоровье.

— А как же.?

— Как, как, — отмахнулся Юрий, — хреном об косяк! Вспомни как ты музыку пишешь? Берёшь синтезатор, накручиваешь из простых волн какой-то слитный звук, так?

— Ну.

— Потом прогоняешь через разные фильтры. Задаёшь огибающую по времени, чтоб оно не просто жужжало как пчела, а нарастало и затухало. Так?

— Вроде того, — ответил рассеяно Игорь.

— Ну и играешь этим звуком — отдельными нотами и аккордами. А потом повторяешь процедуру и создаёшь ещё инструмент, бас там какой-нибудь или ещё одну жужжалку-гудел ку.

— Ну примерно так. И чо?

— Через плечо, — передразнил его Юрий, — Как ты до сих пор не догнал? Ну набрал ты себе библиотеку звуков всяко-разных. Сидишь, играешь, тащишься. — он посмотрел Игорю в глаза, — А если бы у тебя вместо грёбаного синтезатора была бы Вселенная из метаматерии — ты бы уже насоздавал миллионы миров. Вот так вот! Правда и уничтожил бы сразу.

— Почему это? — ошалело уставился на него Игорь.

— Всё живо, пока, так сказать, звучит. Отпустил клавиши, образующие аккорды, и пропал твой «атом». Перестал играть партию — и схлопнулась галактика. Но это всё только приближение, как ты понимаешь.

— Я тут вспомнил, вроде кто-то из учёных сказал. Как же там было? — Игорь наморщил лоб.

— «Если вы хотите понять Вселенную, думайте об энергии, частоте и вибрации», — процитировал Юрий, — Это Тесла сказал. А я могу сказать проще: постарайтесь осознать метаматерию, и вы поймёте всё.

— Ты сказал про определённого вида воздействие, — ответил Игорь задумчивым голосом, — Ну чтобы из метаматерии начала собираться материя в привычном её понимании.

— Ну.

— И какого рода это воздействие, а Юр?

— Мысль. Осознанная мысль, — равнодушно ответил тот.

— Во пиндык! — выдохнул Игорь. Потом немного помолчав, собираясь с мыслями, он спросил:

— А человек так может?

— Не все. Да и то не так, не напрямую, — ответил Юрий, — Могут себе или другим, например, что-то «намечтать». «Нажелать». Ну или «накликать», — он многозначительно посмотрел на Игоря.

— Мозги не те?

— В том числе. Мысли суетятся у человеков. А тут нужно сосредоточение. Вот почему придумали молитвы всякие и медитации.

— А, теперь я начинаю понимать, как.

— Да ничерта ты не понимаешь, адмін, — бросил Юрий, — Ты главного понять не в состоянии. У человека нет главного. Нет выхода сущности… мыслей на уровень Вселенной. А без этого.

Так, эрзац.

— А почему нет? — удивлённо спросил Игорь.

— А по кочану. Герконы блокируют.

27

— Расскажи мне про этих Герконов, — попросил Игорь.

— Можешь их называть, например, «Уроды», «Враги» или «Гондоны», как угодно в общем. Не забывай, что все названия, термины и понятия — весьма условны.

— Да понял уже, вроде как не совсем дурак, — надулся Игорь.

— Хоть я и узнал, как устроена Вселенная, и вообще всё и обо всём. Короче говоря, я поклялся мстить этим тварям Герконам и им подобным, сколько бы их ни было во Вселенной. Где бы эти гниды не прятались в космосе. За себя, за Землю и человеков. За Амигу — за всё что им пришлось вынести. Я же всю их боль в себе теперь тоже имел. А это, я тебе скажу, похлеще чем вся боль Земли.

В общем, оглядел я вселенную, насколько хватило, так сказать, «взгляда», ну или ёмкости моей сущности. И вижу: огроменная такая корявая паутина. Ниточки от одной планеты к другой. Причём необязательно эти планеты рядом. И даже необязательно в одной галактике. Ну короче, как Интернет такой — с узлами и отдельными сегментами, кольцами, бэкбонами,[97] и тому подобными топологическими наворотами.

Стал смотреть — чо да как. Что там передаётся по этим ниточкам. А там — некие энергии и потоки, то есть опять же, смодулированные метаматериальные сгустки всего лишь.

Центра у этой конструёвины, как такового, нет. А Амига мне тут же подсказывает, что вот мол, это и есть герконовская пище-энергетическая компания.

— Охренеть! «Матрица».[98] — прошептал Игорь.

— Ага, она. Только там были умные компы и роботы, а тут вполне себе живые существа. Довольно развитые умственно и технически. И с огромными потребностями в жратве и энергии.

— Прямо как люди, — вставил Игорь.

— Как хрены на блюде, — огрызнулся Юрий, — Будешь лезть с перебивками — блокирну тебе в башке базарный центр,[99] будешь молчать как кот! Он, видишь — молча слушает? — Игорь провёл пальцами по губам, изображая, как будто застёгивает молнию на кармане.

— Я решил пробить, — продолжил Юрий, — как, откуда и куда, а главное — что конкретно по этим каналам перегоняется. Ну и как злобный хакер, инкапсулировал[100] часть, так сказать, своей сущности, в эти грёбаные герконэт-каналы.

И увидел я следующее: на разных планетах, в разных

галактиках и звёздных системах, населённых разными живыми существами — разумными и не шибко — приблизительно одна картина.

Какая, ты хотел спросить, да Игорёк? — он посмотрел на Игоря, посмеиваясь над выражением его лица, как будто тот хочет в туалет.

— Да, всё верно, — продолжил Юрий, — примерно та же, что и на Земле. Войны и катастрофы. Экономические подъёмы и политические кризисы. Революции и голодоморы. Бесконечное потреблядство и бесконечная нищета. Религиозные распри и мордобой по любому поводу. Короче, бред, бардак, и караул.

Ладно, выдохни бобёр, выдохни! — засмеялся Юрий, — А то сейчас лопнешь, не задав очередной вопрос.

— А как же население этих планет допустило у себя подобный беспредел?

— Вот, — поднял Юрий указательный палец, — Тут и начинается вторая часть Марлезонского балета,[101] хе-хе.

Как ты понимаешь, Герконы не за один день свой совхоз организовали. Одни планеты, с уже существующими цивилизациями — захватывали тупо силой оружия. А местным обитателям потом промывали мозги и перевоспитывали в рабов. Другие, необитаемые — они переделывали. Найдут подходящую планетку в подходящей звёздной системе — и туда: сначала создавали все условия — атмосферу, климат, все дела. Потом рабов завозили или выращивали на месте генной инженерией. А те потом инфраструктуру строили под руководством вооружённой охраны. Или мудрых и грозных богов, опять же вооружённых.

— Богов?! — вытаращился Игорь, — Впрочем, я про это читал. Что на Земле все эти боги древности — суть инопланетные пришельцы. На Земле так было, а Юр? Колонизация?

— Не совсем так. Землю и ей подобные планеты с нуля собирали. Герконы иногда подобное практикуют. Они, видишь ли, не могут напрямую работать с метаматерией. У них, как и у людей, мозги не те. Правда у людей с этим ещё хуже.

Короче, они всё пытаются метаматерию освоить. Ну и добились определённых результатов. Приборными методами, и то — на атомномолекулярном уровне пока, но не суть. Вот и экспериментируют время от времени, технологию оттачивают.

Представь: прилетают они на своих здоровенных «Атлантидах» в солнечную систему и видят, что условия вполне так ничего, только надо кое-что поменять. И начинают свой эксперимент. Несколько мелких планеток подбивают. Другим немного корректируют орбиты, то да сё. А потом, из оставшихся

обломков и прочего астероидного мусора, на нужной орбите начинают лепить новую планетку.

Сперва ядро, потом «мантию», верхние слои. Короче, как гончар лепит кувшин, только тут — во много слоёв и в несколько этапов с перерывами. Ну а потом — всё как со свежеобнаруженной необитаемой планетой: климат, плодородный слой, растения-животные-рабы. Завоз, растаможка, потом генная инженерия, ха-ха!

Ты сказал «Атлантиды»? — воспользовавшись паузой спросил Игорь.

— Ну это я фигурально выразился, — ответил Юрий, — А так — да. Герконские гробы-тяжёловозы, размером примерно с Австралию. На них как раз все необходимые девайсы и смонтированы.

Они когда с Землёй работы закончили, все их угнали, а одну оставили. Так, для всяких мелких нужд. Она и болталась на дальней орбите Земли, двигали её с места на место. Ну а когда всё более-менее наладилось на новенькой планете, у Герконов, как всегда начались территориальноимущественные споры. И понеслось — Войны Богов, Мохенджо-Даро,[102] Всемирный потоп. Было жарко, короче. Об этом потом много всяких книжек понаписали ничего толком не понимающие рабы-земляне. Махабхарату[103] ту же.

Так вот. Много Герконы всего поналомали, в том числе и эту свою «Атлантиду» ушатали к хренам собачьим. Стали там чего-то крутить, хотели переделать оборудование для работы с метематерией под супер-пупер-оружие, ну и аннигильнулись вместе с кораблём. Так что, Игорёк, кто тебе будет парить про то, что нашли затонувший материк на букву «А», посылай, их всех на букву «Хэ».

— Вилы блядь, нечего сказать. — стихотворно прокомментировал Игорь столь неожиданный экскурс в историю родной планеты. Он встал с кресла и стал прохаживаться туда-сюда, разминая одеревеневшее от долгого сидения тело.

28

— Ну а смысл-то всего канкана[104] с созданием Земли и прочей колонизации? — спросил Игорь, — Как они из всего этого свой гешефт[105] извлекают?

— Да очень просто. Как на ферме. Первым делом, вешают вокруг планеты такую невидимую байду, наподобие сетки-рабицы, как забор вокруг пастбища. Этакий, знаешь, «уловитель душ». Чтоб ни одна живая душа не покинула этот загон. Ни при жизни — мыслью, ни после смерти тем более. Чтобы не слились с Универсумом.

Потом подключают всё это к своему «Геркон-нэту», и качают себе энергию душ. Как аппаратом для машинной дойки.

— Вот отсюда — поподробнее, если можно, — съехидничал Игорь, — Интересно узнать, какие надои были с меня лично, что я чуть сам себя в петлю не загнал.

— Да тут всё просто, Игорёк, не переживай. Тебе в башку Герконы загрузили, что тебе, вынь да положь, надо быть музыкантом, например. Вот ты и носишься с утра до вечера, сперва бабло на Корг свой зарабатываешь. Потом мелодию из себя вымучиваешь, ночами не спишь. Муки творчества, едрить-колотить. Так всё было, я ничего не перепутал? — спросил Юрий.

— Так, но каким тут боком.

— А потом они тебе бабу подкинули, и ты снова себе места не находишь. Страдаешь, мучаешься, думаешь: любит-не любит. Вот. А душонка-то твоя терзается, страдает бедная. И параллельно вырабатывает энергию. Ну и болящая тушка — тоже. А Герконы эту энергию на приёмники-накопители собирают, и отправляют выше по инстанции через свой герконэт.

А тут тебе хренак — и новое «мучение» подгоняют заботливые Герконы: отдел системной интеграции скоро сократят и переведут на аутсорс.[106] А Игорька — за дверь! А ему так охота ещё один синтезатор, да и без пяти минут жену надо содержать. Вот же блин! И попёр поток энергии в герконэт с новой силой, от всей широкой души бедного Гарика.

— Весело. — процедил Игорь, устало опускаясь в кресло.

То охота одно, то другое…
Всех желаний и не перечесть!
Но у слова «Охота» — значенье иное.
Кто добыча? Кого будут есть?

— процитировал Юрий печальным голосом. Он встал со своего стула, отправляя кота на пол играться с блестящими сферами.

— Ого! Ты тоже знаешь эти стихи? — удивлённо спросил Игорь.

— Я знаю всё, — устало произнёс Юрий, — но от этого не легче. Подходящая цитата не находишь?

— Что-то в этом есть. — Игорь чуть помолчал, и продолжил:

— То есть получается, что пока мы все, как в фильме «Девяносто девять франков»[107] гоняемся за товарами и услугами, чего-то вожделеем, от чего-то обламываемся, и так далее, — Игорь сделал паузу, чтобы прикурить, — эти пидорасы Герконы выжимают из нас все соки? Из наших душ (не люблю это слово!), мозгов и тушек, верно?! Охотятся по нашу душу?!

— Увы и ах, мой друг, — ответил Юрий с гамлетовским пафосом, — Ты абсолютно прав.

— А можно как-то от них отключится, от этой долбаной геркономатрицы, мать её? — спросил Игорь с надеждой в голосе.

— Теоретически да. И то не на все сто процентов, — ответил Юрий, — Практикуя медитации и прочую хрень, которая по сути — лишь антураж и наглядная агитация. А цель — надо научиться контролировать свой мозг.

— Это как всякие восточные монахи и индийские йоги? Кто-то из них вроде как даже телепортацией овладел.

— Навроде. Если сможешь свой мозг очистить от всей хери, тогда тебе ещё не такое станет доступно.

— Что, смогу пиво из-под лавочки достать?

— Ага. Разбежался, — съязвил Юрий, — Но тебе будет возможно смыться из герконской тюряги на волю. В пространство бесконечности если хочешь. — он заглянул Игорю в глаза, — Только там ты сможешь полностью освоиться с управлением метаматерией. Понятно, не сразу. Но тут всё зависит от твоего желания. Будешь прокачивать[108] свою «сущность», раз слово «душа» тебе не нравится. Будешь заново учится думать, а самое главное — мечтать! Правда, пиво тебе уже не потребуется.

— А смогу, например, создать свою планету? — спросил Игорь, — Или Герконов расхерачить?

— Да, но только чтобы дорасти до такого уровня, тебе придётся потратить сил, и попыток, сколько это заняло у Содружества Амига и им подобным, — ответил Юрий.

— Ты хотел сказать — времени?

— Хотел бы так сказать — сказал бы. Время не существует, — с некоторым раздражением в голосе ответил Юрий, — Пространство, в привычном для тебя виде, и время — это лишь

герконские иллюзии. Им так легче управлять своим стадом.

— А что бывает после смерти? Что Герконы творят с… ну пусть будет «душа», что они с душой-то делают?

— Как говорят амеры — «это зависит». Если увидят, что душа слишком осознанная, слишком борзая, чтобы быть покорной и боязливой, то избавляются от неё в первую очередь. Путём полной разрядки. В ноль. Не хотят рисковать. Но, с другой стороны, для них такие личностные сущности, души — самый лакомый кусок. Короче пиндык душе.

Если душонка так себе, но ещё может сгодиться — то память сотрут, подзарядят, и на новый круг.

— Реинкарнация?[109] — перебил Игорь.

— Она. Так вот. А если увидят — что душа по своей сути — рабская, трусливая, продажная, — Юрий скорчил мину искреннего отвращения, — вот это для них самый цимус! Это посевной материал. Они потом эти души отправят на новые и просто колонизируемые планеты. Там запихнут их в подходящие тела, и вуаля! Готов новый дивный мир голодных и рабов.

— А таких как Вертер? Злобные и гнилые души? — спросил Игорь.

— Это их будущие слуги. Пастухи. Слегонца подкрутят им послушание, может и лимитированный канал в герконэт подключат — есть у них такие каналы, чисто для своих шестёрок. Ну а потом опять же — перезарядка и реинкарнация. И вот вам жрец, ясновидящий, вождь, или просто народный герой-любимец.

— А. — открыл рот Игорь для следующего вопроса.

— За Вертера ты не переживай, он просто перестал быть. Ушёл в обезличку. Слился с метаматерией. Герконы потеряли ценного кадра. Такой бы мог мучить-доить души миллионами.

— То есть получается. — проговорил Игорь упавшим голосом, — наша Земля безнадёжна? Выхода нет?

— Не, Игорёк, не всё так плохо, — ответил Юрий бодро, — Будет ещё хуже. Главное — верить, надеяться и ждать!

29

— Ох, Юра, как же ты достал своими шуточкам! — вздохнул Игорь, — А как хоть они выглядят-то, Герконы эти?

— Да какие там шуточки, — отмахнулся тот, — Всё серьёзно охренеть как. А выглядят. Да по-разному. Это же целый, так сказать, «интернационал». Там много рас и цивилизаций. Кто-то вполне себе во плоти, и не такой уж ужасной, как ты мог бы себе вообразить. Гуманоидные в общем. Иные — чистый дух. Разумные субстанции, ну типа «души без телес». Эти могут вселяться в тела, когда им надо. — ответил Юрий, и подумав, подытожил, — Короче, нужно целый атлас составлять. Мне лично оно не упало.

— А что насчёт того, что человек может себе, как ты там сказал? Нажелать? Намечтать? Как это всё вписывается в концепцию?

— Тут так просто не расскажешь, Игорёк, — сказал Юрий со вздохом, — но я попробую.

Короче, гляди какая тема. Ты о чём-то думаешь, напряжённо так. Чего-то страстно желаешь. Только этим себе мозг и плющишь. А остальные мысли задвигаются куда-то на уровень полного автомата.

И вот ты таким напряжённым думаньем-мечтанием создаёшь как бы проекцию желаемого. Помнишь, я тебе рассказывал про «проекцию»?.

Эта проекция получает импульс, опять же от тебя. Ты отдаёшь часть энергии, которую так любят наши Герконы-гондоны. Этот импульс, если он достаточно сильный и правильно сгармонизированный — прошибает дырочку в герконовской «сетке-рабице» и уходит в свободное пространство Вселенной, или проще говоря… начинает упорядочивать метаматерию.

А потом идёт обратка. То есть, ты как бы, блин, нажал своими правильными мыслями на правильные клавиши, и тебе вернулся правильно звучащий аккорд в виде влияния на уже существующие вещи и человеков. Вернулся, прошибив ещё одну дырочку в заборе Герконов. Вероятно, даже большего диаметра.

Ну и попёрло влияние. Например. Ты страстно возжелал именно «этот» синт. Импульс полетел, аккорд нажался, зазвучал, вернулся. И опаньки! Начальник очередной каторги берёт на работу именно тебя. На денежное место. Ну вот захотел он так, — Юрий ухмыльнулся, — интуиция ему подсказала. И бах! Через пол-года ты идёшь в магазин за новеньким синтезатором. Ферштейн?

— Алаказам-алаказим, блядь! — осклабился Игорь, —

Просто, как в цирке.

— Ну да. Во Вселенной всё просто. Это только у Герконов навороты — всякие приборы и прочие костыли.

— Это так можно тупо сидеть и ничерта не делать, только мечтать.

— Да вот хрен там! — парировал Юрий, — Тебе этот синт на голову с неба не свалился, так? Ты на него своим горбом впахивал.

— Ну.

— Гну, — передразнил Юрий, — А ведь мысля послать резюме именно в эту лавку, откуда в твою лохматую пустую голову влетела, а? Угадай с трёх раз! Ты же сначала даже и не думал, что туда такого недоучку, как ты, могут взять сисадмином.

— Интуиция, ты хочешь сказать — это ответ «оттуда»? — удивлённо спросил Игорь.

— Именно. Хотя и не всегда. Герконы тоже, знаешь, по своим каналам, могут тебе таких мыслей и желаний в голову понапихать — мама не горюй!

— А желания эти потом не сбудутся, — подхватил Игорь, — душа опечалится, и энергия попёрла к Герконам на обед.

— Молоток, ухватил! — похвалил Юрий, — Хотя может быть и хуже. Сбудутся.

— Вот это поворот!

— Ага. Пример. Увидел ты тогда на перекрёстке мурку. И, буквально, чёрт тебя дернул дать ей прикурить. Потом побазарить. А потом. Ну ты понял.

Всё вроде ничего, папочка её с трудоустройством подсобил. Но, как в анекдоте, помнишь? Есть один нюанс. Она столько тебе мозгов повыносила, столько нервов пожгла. В общем — у Герконов от твоей энергии чуть пробки не вышибло. А ты всю дорогу, соответственно, в депрессии.

— Офонареть. — выдавил Игорь, — Впрочем, можно и просто повеситься. На фонаре.

— Но и её, в то же время, дернул тот же самый чёрт — пожалеть промокшего до нитки горемыку. Такого вежливого и с печальным взглядом.

Сисадмина-романтика, любителя «Мастера и Маргариты», такого ну прямо что пиндык. А по итогу оказалось — мимо кассы. Семью не хочет, детей не хочет, и вообще инфантильный эгоист. И энергия страданий души несчастной Ларисы наполняет герконовские накопители.

— Я сейчас скажу какое-нибудь матерное слово. — прошипел Игорь.

— А как тебе такой вариант, — не унимался Юрий, — Ты

прошёл бы в тот раз мимо этой Ларисы, сэкономив немного драгоценного времени. И попал бы под машину при выходе из метро. Там одно богатое быдло с похмелья, рулило своим американским джипом и трещало по мобильнику. И по итогу, вместо тебя, сбило другого человека. Такую же разряженную почти в ноль душу. Герконы решили в тот день немножко прибраться в коровнике.

— Дерево возможностей?[110] — спросил Игорь, — Я о таком читал.

— Ага, дерево, блядь, — съязвил Юрий, — С немерянным количеством суков. Вешаться супер-удобно, — он посмотрел Игорю прямо в глаза.

— Пойми, дурень! Герконы часто делают тебе «доброе», чтобы потом доить ещё сильнее. А как выдоят досуха, так и пустят на котлеты. Чисто как в животноводческом хозяйстве.

— Аннушка разливает масло вновь и вновь? Динамически, так сказать? — отрешённо спросил Игорь, — Подстраивая обстоятельства, и сама подстраиваясь под них же? — он медленно почесал затылок, — Рекурсия?.[111]

— Именно так. Никакого предопределения, судьбы, и подобной хери, — спокойно ответил ему Юрий, — Так, общие намётки по определённым сортам ско… людей, — он чуть подумал, и добавил:

— Оттуда, например, все эти гороскопы и гадания. Раскидал человечков по «умным папкам».[112] Задал каждой «умной папке» общий алгоритм генерации и обработки событий с некоторой вариативностью и цикличностью, и сиди смотри — чтобы фатальных сбоев не возникало. Если что — вмешивается «процесс-обработчик» Аннушка, и смазывает своим маслом колёса событи и последствий. А энергия с бедных душонок так и каплет, только успевай приёмники-накопители меняй. Ну это, понятное дело, лишь условная схема.

— То-то я всё время замечаю, — Игорь поднял усталые глаза на Юрия, — что жизнь как кругами водит, понимаешь? По малому кругу и по большому. Как часы, только наоборот — одна стрелка, маленькая — быстрый кружочек — раз! Ну как год или два. А вторая — большая которая — так та аж десятилетний, где-то, круг делает.

— Молодец, наблюдательный! — снова похвалил его Юрий, — Так у Герконов всё и работает. Примерно так. Регулярно меняют декорации. Это специально сделано, чтобы пасомые не скучали.

30

— Оба-на! Где это мы? — удивлённо спросил Игорь, оказавшись на дивном пляже у моря с прозрачной, как в пресноводном озере, водой. В море отражалось небо причудливого бирюзового оттенка, и искрились два светила — яркое голубовато-белое и более тусклое — тёмно-оранжевое.

Пляж был покрыт крупнозернистым песком светло-кремового цвета, с виду очень твёрдый, но как оказалось — мягкий на ощупь, словно снег.

— Мог бы и сам догадаться, — равнодушно ответил ему Юрий, — Мы на той самой планете Содружества Амига, о которой я тебе рассказывал.

— Рай! Ну бля буду, рай! — не унимался Игорь. Он снял футболку и домашние тапочки, в которых прибывал всё это время, и по-детски, с криком, побежал в море, как пионер в лагере «Артек».

— Ты за языком-то следи, — буркнул Юрий, — ты не в пивной, не на Земле. Но Игорь его уже не слышал. Он вовсю плескался и дурачился в тёплом море, словно ребёнок.

Тарелка висела чуть поодаль на границе пляжа и обширного луга, густо поросшего низкой бело-зелёной травой.

Юрий присел на песок и закурил. Кот сидел рядом, щурясь от яркого света маленького «солнца». Он уже успел пару раз искупаться в море, плавав при этом совершенно по-собачьи — быстро перебирая воду передними лапками. Юрий модифицировал ему шерсть, так что бело-рыжий покоритель космоса не только не утонул, но и вышел из воды, буквально, сухим.

— Ох, ну и благодать, Юр! — подошёл к нему Игорь, вытираясь своей футболкой с пингвином, — Прямо как в детстве. — он сел по другую сторону от Юрия, и тот материализовал ему сигарету и баночку холодной Фанты, — А сам-то чего не окунёшься?

— Не нуждаюсь, — ответил Юрий, к нему вновь вернулся его прежний равнодушно-бесцветный голос, — Ты оденься, к нам дама идёт.

Прежде чем Игорь успел задать очередной глупый вопрос, позади них раздался звонкий девичий голосок:

— Привет, Игорь! — сказала Юлия, и чуть более прохладно поздоровалась с Юрием, — Здравствуй.

Юлия была одета в просторный белый джемпер и облегающие чёрные джинсы. Её роскошные белокурые волосы были забраны

на затылке в тугой хвост. В одной руке она, совсем по-земному, несла свои босоножки, а в другой её руке был причудливый и необыкновенно красивый цветок.

Подойдя к ним, она материализовала стол под широким зонтом тёмнокрасного цвета и три стула.

— Здрасьте. — неуверенно поздоровался с ней Игорь, — Ну то есть доброго Вам дня, уважаемая Юлия. Вот. — он потупился и затих, явно стесняясь своего неприглядного вида.

Они присели за стол, совсем как в летнем кафе на пляже планеты Земля. Кот мягко запрыгнул к Юлии на колени. На столе появились три высоких тонких стакана с газировкой и соломинками, а так же пепельница и пачка сигарет.

— Добро пожаловать, Игорь! — промолвила Юлия, — Тебе нравится здесь?

— Ой, очень! Я даже. Я даже не знаю.

— А ты просто представь, что хотел выразить словами, и я всё пойму, — весело ответила Юлия.

Игорь зажмурился, и с блаженной улыбкой на лице произнёс:

— А на Земле я от прекрасного пола только и слышал: «хватит мечтать и витать в облаках». — и все трое весело засмеялись.

— Игорь, а можно тебя попросить сыграть что-нибудь? — спросила Юлия.

— Я с радостью! Только вот на чём? — оторопел тот.

Юлия сделала жест рукой, и Игорь, обернувшись, чуть не упал со стула, увидев стойку с двумя синтезаторами — его любимый Корг и вожделенный чёрно-красный Норд Лид, а так же какой-то сложный на вид микшерный пульт с маленьким экранчиком, и в довершении всего — серебристый ноутбук со светящимся яблоком на крышке.

— Я щас, я мигом, — затараторил Игорь срываясь со своего места, и чуть не опрокидывая стул. — Один момент. — бубнил он уже стоя за инструментами.

Быстро разобравшись с аппаратурой, Игорь взял первый аккорд. Зазвучал великолепный, сложный, и в то же неповторимый по своей красоте звук.

— А я и не знал, — подумал он, — что в Корге есть такие тембры, надо же!

— Это эксклюзивное расширение, Игорёк, — задорно крикнула ему Юлия, — по спецзаказу!

Игорь взял ещё пару аккордов, пытаясь ухватить настроение. Он взглянул в причудливое небо и увидел яркую звезду. Потом он запустил несложный медленный ритм на встроенном секвенсоре, [113] и над морем появилась невозможно красивая светящаяся

радуга. От такого зрелища у него по щеке покатилась слеза.

— Ну, Игорёк соберись, — сказал он себе шёпотом, — вот они, твои пять минут славы. Не налажай. Второго шанса не будет.

И он заиграл. Медленную и лирическую композицию, которую сочинил, ещё учась в школе. На своём раздолбанном Касио, купленном с рук у одноклассника.

Звуки лились отовсюду. Не мешая друг другу и не диссонируя. Здесь был весь частотный спектр и самая широкая панорама. А на небе, одна за другой, зажигались и гасли звёзды. Радуга плавно, в такт музыке, меняла оттенки и градиенты.

Юлия и Юрий медленно танцевали обнявшись. Совсем по-земному. Впрочем, язык музыки — это язык Вселенной.

— Как жаль, — вымолвила Юлия, — А ведь могло бы быть всё совсем по-другому.

— Что поделать, — ответил Юрий, — поздно что-либо менять, выбор сделан.

Когда отзвучал последний аккорд, и Игорь вернулся на своё место, Юлия взяла его за руку и сказала:

— Браво! А как называлось это музыкальное произведение?

Игорь потупился и ответил грустно:

— Вы наверняка и так знаете. Оно называлось «Рай».

Они ещё совсем немного посидели молча и встали из-за столика, который почти сразу же растворился в окружающем пространстве.

— Спасибо Вам за всё, Юлия! — грустно сказал Игорь, и поцеловал ей руку, — И тебе, Юра, тоже спасибо! Спасибо, что позволили мне, в прямом смысле — излить душу. Всю до последней капли. Мне больше нечего желать.

А затем все трое и кот — исчезли.

Тарелка НЛК ещё пару мгновений повисев в воздухе, стала удаляться от поверхности планеты, а потом с неяркой вспышкой растворилась.

31

Юрий сидел на своём стуле, пил чай и курил. Кот развалился у него на коленях, и лениво пинал лапой блестящие шарики, которые после очередного удара снова возвращались в зону белорыжей хвостатой досягаемости.

Игорь лежал на полу, закрыв глаза и сложив руки на груди.

— Куда теперь? — спросил Юрий, — домой, на Землю?

— Куда угодно, только не туда. Земля — больше не мой дом.

— А как же мама? Лариса?.

— Мы оба знаем, что Лариса меня бросит. А мама. Она поймёт, — бесцветным голосом ответил Игорь, — И в астробомжи мне теперь путь заказан. Я же сам недавно отказался.

— Верно, — ответил Юрий, — Твоё решение отпечаталось в Универсуме навечно. Никаких отмен и вторых шансов.

Некоторое время они провели в полной тишине. Кот, спрыгнул с коленей Юрия и подошёл к голове Игоря. А потом зарылся своим мокрым носом в его ухо.

Игорь встал с пола и вернулся в своё кресло. Потолок и стены по-прежнему отсутствовали, но вокруг был непроглядный мрак, поскольку они перемещались в режиме сжатия пространства. Смотреть было ровным счётом не на что.

— Откуда у тебя тарелка? — равнодушно спросил Игорь, — Подарок Амиги?

— Нет. Сам материализовал. Люблю замкнутые пространства, — ответил Юрий, — Это наверное болезнь всех городских обитателей, хоть и бывших. А потом, как-то надо взаимодействовать с окружающим миром, особенно где метаматерия уплотнена до элементарных частиц и атомов.

— А что стало с твоими друзьями и другими посетителями пирамиды, когда ты её нечаянно разнёс?

— Успели сбежать, когда почуяли вибрацию, — ответил Юрий, — правда кое-кому досталось мелкими обломками.

— Как там вообще эта треугольная штука очутилась?

— Пирамидальная, — поправил Юрий, — Стояла в ангаре. «Пирамида Хефрена» — это был ангар. С мастерскими, заправкой и прочей лабудой. Эти бимболёты умели проходить сквозь твёрдые поверхности при взлёте и посадке. У них специальный генератор поля преломления пространства. А на этом аппарате он был неисправен.

— База у них там была чтоли? — спросил Игорь.

— Ага. Законсервированная. Когда народ прочухал, что их «боги», мягко говоря, не те за кого себя выдают, Герконы и

сдриснули оттуда.

Только наместников-правителей оставили. Ну а те быстренько порядок навели.

— Египтяне?

— Неа. Они сильно позже в те края припёрлись, — ответил Юрий, — увидали — красивые пирамидки, и стали там своих ВИП-жмуриков хоронить. Типа, чтобы они быстрее к богам попали.

— Почему у них всё пирамидальное-то было?

— А почему у людей всё кубическое? О вкусах не спорят, — хохотнул Юрий, — Там же, среди Герконов, как мы их прозвали — рас дофига. Кто-то придерживается одних стандартов, кто-то других. Отсюда и разные формы НЛО, которые частенько наблюдают.

— Сфинкс тогда для чего? — спросил Игорь.

— Да просто новый объёмный резак тестили. Припёрли глыбу на гравиплатформе, зарядили резак — четыре такие хреновины типа большого термоса, синхронно летающих. Заложили в терминал чертёж. И к концу дня Сфинкс был готов. Рабы, конечно, были впечатлены, да.

— А остальные пирамиды?

— Да та же канитель — административно-хозяйственный корпус, связь, жилые помещения, — Юрий поморщился, — тупо «воинская часть».

— Я забыл в тот раз спросить, когда мы были внутри гостиничного номера. Лариса спала, а где была её сестра?

— Алина-то? — переспросил Юрий, — Она в ванной сидела рыдала. У ней любовь накрылась медным тазом. Вот и впала в депруху. Поэтому Лариса и поехала с ней в Египет, чтобы та отвлеклась-развеялась.

— Никогда бы не подумал, — равнодушно ответил Игорь, — что Алька хоть кого-то может любить кроме себя.

— Она чистая душа, Игорёк. Да полюбила не того. Бывает.

Внезапно мрак рассеялся и они оказались неподалёку от того места, где на задворках одного из рукавов галактики «Млечный Путь» пребывает в своём неспешном вращении Солнечная система.

— Юр, а как всё исправить? Как этих тварей отсюда вышвырнуть? — спросил Игорь со слабой надеждой в голосе, — Ведь, как ты сказал, Содружество Амига с ними справилось. Может к ним обратиться за помощью?

— Нет, Игорёк, это так не работает. Во-первых, человеки с Герконами не сладят. Да и никто вообще не в курсе, что творится на их планете. Только единицы подозревают что-то неладное, вот

как ты, например.

— Давай хакнем Инет, телесети, — перебил его Игорь, — выйдем в эфир по всем каналам и скажем: так мол и так, дорогие Земляне, мы в полной «опаньки», давайте что-то делать!

— Насмешил. — грустно улыбнулся Юрий, — Ну все посмотрят, пообсуждают с недельку-другую, и забудут. А Герконы, точнее их прислужники — явные и неосознанные — только затянут удавку посильнее, да ещё и скажут: «Это для вашей же безопасности мы отрубаем Инет, чтобы победить мировой информационный терроризм». А ящик и так в этом отношении стерильный. Вспомни историю про пирамиду и ацетилен.

— Но как.

— А во-вторых, Амига и им подобные, никогда не вмешаются, коли их никто не просил. Вот если хотя бы часть, причём весьма немаленькая, от имени планеты Земля обратилась бы с просьбой о помощи, может тогда.

— А где их взять? Как собрать и оповестить? Ты же сам сказал — Инет не вариант, — бушевал Игорь, — Это что же, выходит — патовая ситуация?!

— Выходит что так, — устало выдохнул Юрий, — Эти Герконы не зря едят свой… чужие души. Они всё предусмотрели и обо всём позаботились.

— И что же будет дальше?

— А то же что и всегда, — ответил Юрий, — Когда энергия начнёт, так сказать, выдыхаться, бледнеть — из-за бесконечной рециркуляции душ, Герконы пришпорят коней. Устроят очередную массовую бойню, природную мега-катастрофу — тут вариантов не особо много.

Или вообще сотрут с лица Земли всё население. Потом дадут планете очухаться пару тысяч лет. Что-то подлатают, переделают. А потом — по-новой. Со свежими душами.

— И много таких циклов уже было? И по сколько лет они обычно длятся? — Игорь впал в полный ступор. Как будто речь шла не о его родной планете, а всего лишь о какой-то дурацкой компьютерной игре-стратегии.

— Конкретно этот — пятый. Да и он уже, походу, на финальной стадии.

А длятся — ну это как пойдёт. В среднем семь — десять тысяч лет, — равнодушно ответил Юрий.

— А потом, спустя тысячелетия, — устало и почти шёпотом промолвил Игорь, — учёные шестой цивилизации Земли, откопав развалины МГУ и часть туннелей метро с вестибюлями, напишут в своих учебниках: «При раскопках был обнаружен древний

храмовый комплекс, соединённый подземными коридорами с другими зданиями малопонятного предназначения».

32

— Юр, а что такое «душа»? — спросил Игорь, глядя куда-то в пустоту перед собой.

— Сложно объяснить словами. — Юрий встал со своего стула и принялся медленно расхаживать взад и вперёд, подкидывая и перекатывая в ладонях блестящие сферы.

— Как я уже говорил, всё состоит, в первую очередь, из упорядоченной, сгармонизированной метаматерии. Эта гармонизация, если совсем упростить — по сути есть информация. Таким образом Вселенная — это Бесконечный Информационный Сервер.

Мозг, в данном примере, выполняет роль «умного» терминала. Обеспечивает взаимодействие с Сервером, а так же выполняет базовые функции мышления на уровне тела, как я уже упоминал — инстинкты, рефлексы, обработку сигналов от нервной системы. Короче, обслуживает тушку.

Сознание человека или любого другого существа — это, можно сказать — оператор терминала. Весь мыслительный процесс происходит в два этапа: что-то простое обрабатывается прямо в терминале, типа «спать», «есть», «опасность», и так далее.

В случае чего-то посложнее, как например, сочинение музыки, или размышление о смысле жизни — мозг-терминал формирует запрос и отправляет на Сервер. На Севере идёт обработка запроса с доступом к информации, согласно «уровню прав пользователя», — Юрий многозначительно посмотрел на Игоря, — то есть в соответствии с уровнем осознанности личности.

— Ты хочешь сказать, что обычный торгаш всегда знает, как облапошить клиента, но никогда не напишет симфонию. А гениальный композитор вряд ли сможет сам совершить выгодную сделку?

— Как-то так. Каждый получает то, к чему стремится… и чего заслуживает. Ну так вот. Сервер, обработав запрос, возвращает ответ в виде мыслей. Или «блестящей идеи», «прозрения», «откровения». Ну или в виде банальной интуиции.

— А душа, получается, — подхватил Игорь, — учётная запись пользователя на Сервере Универсума?

— Именно, так, — ответил Юрий, — Причём с полным сохранением протокола пользовательских действий. Отсюда и глубинные воспоминания.

И то, что называют «карма»,[114] между прочим.

— А простая, сиюминутная память? Хранится в терминале?

— Ага. Только не очень долго. Впрочем, если действительно что-то яркое или стоящее, потом перегружается на Сервер.

— Интересно, — спросил Игорь, — а как тогда «поднять права пользователя»? Увеличить уровень осознанности личности?

— Получать правильную информацию. Читать, познавать, размышлять, анализировать. Творить. Мечтать, в конце концов!

— Вот так просто?

— А во Вселенной всё просто, Игорёк, — ответил Юрий с улыбкой.

— Как же тогда Герконы воруют энергию душ? — спросил сокрушённый Игорь, — Вклиниваются в канал между Сервером и терминалом? Типа как хакерская атака «человек посередине»?

— Ага, только «гондон посередине», — съязвил Юрий, — Импульсы метаматерии, порождаемые при обмене информацией — мозгом, сознанием, а так же «душой» — имеют определённый энергетический потенциал. Как амплитуда или громкость аккорда, если хочешь. Или электрическое напряжение звукового сигнала, если тебе так проще.

Ну и эти уроды воруют часть этого энергопотенциала. Получается как паразитное сопротивление в кабеле. Сигнал, соответственно, ослабевает, искажается. Зачастую так, что практически нереально абоненту терминала достучаться до Сервера. То есть мысли путаются. Невозможно сосредоточиться. Бывало такое, а Игорёк?

— Да всё время! Пока ты мне башку шарами не прочистил. Ещё раз большое спасибо, Юра.

— А, не во что, — отмахнулся тот, — И вот таким макаром, Герконы всегда в курсе твоих мыслей. Буквально — что у тебя «происходит в душе». Шарятся в твоём пользовательском каталоге, как у себя дома. А параллельно ещё и сами гадят в канал связи своими «внутренними голосами».

— Это как?! — вылупился Игорь.

— А вот так. Задумался ты, например, в очередной раз: «кто мы? откуда? зачем?», а тебе в башку — оп: «Смотри, какая мурка пошла, глянь, какие у неё ножки!» или «Да накой тебе всё это — „Зачем, для чего? Смысл жизни?“, купи новый мобильник, а то как лох!», ну и всё в таком роде.

Вот почему в восточных практиках и советуют в первую очередь избавится от «внутренних голосов». Без этого невозможно добиться «просветления».

— Просветления? — переспросил Игорь, — Это значит — перегрузить сознание из терминала непосредственно на Сервер?

— Типа того. Сложно, но можно. Сознание работает на Сервере, а тушка болтается на резервном канале. Герконам с

такого много не обломится.

— И тогда станут доступны многие «паранормальные» способности?

Не жрать, не спать… телепортация, левитация? — опешил Игорь, — Так вот как это работает?!

— В теории — да, — спокойно ответил Юрий, — а на практике всё зависит от «прав доступа», — И вообще, я лично не люблю весь этот жаргон любителей барабашек и торсионных полей. «Паранормальный», «левитация», «телепортация». Тьфу, блядь!

— Ну хорошо, — сказал Игорь, — а как тогда назвать то, как ты и твоя тарелка перемещаетесь, пропадаете, появляетесь. И как я тут оказался?

— Называй как хочешь, — махнул рукой Юрий, — А работает это приблизительно так. Помнишь, я говорил, что всё — есть, как бы, сложный аккорд?

— Ага.

— Если нужно что-то куда-то переместить — то надо изменить свойства этого «что-то» по отношению к «пространству». Или скажем, материализовать банку пива — то есть изменить свойства самого этого «пространства», чтобы у него появилось свойство «пиво».

Короче говоря, нужно лишь немного подправить соответствующие гармоники соответствующих аккордов. Это опять же, очень упрощённо и приближённо. Тут главное не налажать, не перестараться. Человек — это очень мелкое гармоническое колебание. Чуть тронул — пиндык — сгорел, рассыпался.

Ну и вот так, чуть смещая, чуть изменяя характеристики различных гармоник, мы и получаем пиво под скамейкой, Игоря в «тарелке», или вино из воды.

— Не люблю вино, — пробурчал Игорь, — У меня от него потом понос.

— Это от того, — засмеялся Юрий, — что свойства вина не совпадают по гармоникам с твоим желудком.

— А что сегодня в скверике всё же творилось? — вспомнил Игорь, — Мне не дают покоя эти якобы случайные совпадения. Герконы?!

— Они. С самого начала не хотели нашего с тобой разговора, — сказал Юрий с серьёзной ноткой в голосе, — Сперва они «убили» твой мобильник, чтобы ты сразу ушёл из сквера. Типа как «без мобилы словно голый», да Игорёк? — съязвил он.

— Ну да, — поёжился Игорь, — было малость некомфортно.

— Потом ты стал стебаться над моими словами. Вообще

слушать перестал. Герконы тебе мозг щекотали всякими шутками-прибаутками.

— Было. Прости.

— Проехали, не твоя вина, по сути, — отмахнулся Юрий, — Когда я тебя более-менее «усмирил» холодным пивком, припёрлась Марго, постреливая глазками. Она и правда хотела тебя заарканить, и увести на «порташок».[115] Она в этом деле, походу, мастерица.

— Не на того напала, — пробурчал Игорь.

— А гляди, как Герконы грамотно её подобрали из всех поддатых и озабоченных баб, которые шарились в той округе, — Юрий смешливо посмотрел на Игоря, тот отвёл глаза, — Как две капли воды похожа на Ларису, одета в том же стиле. Твой типаж, короче. Да, мастера.

— А дальше? Тоже «они»?

— А как же, — улыбнулся Юрий, — Вытащили из сквера под благовидным предлогом. Хорошо я тебе шарики свои всучил. Так вот.

Стали они тебе всякие дурацкие гипотезы в башку заливать. Лучевое оружие, спецслужбы. — он снова посмотрел на Игоря с беззлобной улыбкой, — А как сообразили, что ты сейчас вернёшься в сквер из особиста Юрия «всю правду» выбивать, так натравили на тебя берсерков.[116] Чтоб уж наверняка. Ну и поехал бы ты, Игорёк, в реанимацию, морг, или каталажку.

— В каталажку всё же загремел бы? За Вертера? — спросил Игорь.

— За бомжа.

— Чего?! Какого бомжа? Которому я отдал горсть мелочи?

— За него родимого, — Юрий закурил, — Я помешал Герконам сделать так, чтобы ты, в порыве «неожиданного» гнева, того бедолагу оттолкнул. Он бы тогда упал затылком на кусок железки, которая торчала из земли возле палатки, где ты закупался, — Игорь ошалело уставился на Юрия, а тот продолжал как ни в чём не бывало, — И вот статья за «непредумышленное при отягчающих».

— Каких?! — открыл рот Игорь.

— Таких, — передразнил Юрий, — Ты хоть и был в тот момент трезвый, технически ты был пьян. В крови алкоголь, причём нормально так.

И воняло от тебя как от пивной. Отягчающее обстоятельство. Зато младший сержант Порывайло сделал бы шаг по карьерной лестнице.

С бомжом не проканало, и в ход пошли гопники во главе с Вертером. Короче, либо сам убил, либо убили бы тебя.

— Во булгаковщина, блядь! — расстроено выдохнул Игорь.

— Даже тот поддатый дедок, который подходил к нам, помнишь? Хотел полицаев вызвать прямо к нашей скамейке, — продолжил Юрий, — Сам бухой, а в сквере на лавочке двое «распивают», не порядок бля.

Правда, потом забыл, хе-хе!

— Тоже герконская марионетка?

— Ну а то.

— Ты ему память стёр? — спросил Игорь.

— Неа. Я такой фигнёй не занимаюсь. Это всё водка.

33

Юрий, Игорь и кот вновь прилетели в Москву и зависли на небольшой высоте над бульваром и сквером — местом где начался этот безумный и полный откровений вечер.

В городе царила беспокойная летняя ночь с редкими прохожими, не очень редкими автомобилями и совсем не редкими ревущими мотоциклами.

По просьбе Игоря внутреннее убранство тарелки вновь было изменено под его комнату. Но так, чтобы она выглядела как раньше, до ремонта — прокуренная компьютерная берлога одинокого холостяка. На прежнее место вернулись полуразобранные компы, непонятные платы, и коробка с дохлыми винчестерами.

Даже проклятый ковролин был заменён прежним протёртым паласом. К великому неудовольствию кота.

— И что дальше, Юр? — спросил Игорь, — Как теперь жить-то?

— Вопрос на миллион, — флегматично произнёс тот, сидя на диванчике Игоря.

— Герконы, летающие тарелки, метаматерия. — Игорь сидел с в своём старом кресле, сгорбившись и положив голову на кулаки, — А что было бы, если я всё-таки ушёл бы тогда из сквера?

— Жалеешь? — устало спросил Юрий, — Впрочем я знаю, что не жалеешь. Прочёл в твоих мыслях. Было бы дерево возможностей. Дерево, посаженное Герконами.

— И обильно поливаемое Аннушкой своим фирменным подсолнечным маслом, — кисло улыбнулся Игорь, — Накидай варианты.

— Оно тебе надо, Игорёк? — серьёзным голосом спросил Юрий, — Мало тебе сегодня было потрясений?

— А, — махнул рукой тот, — кашу маслом не испортишь. Тем более такую кашу. — он выделил слово «такую».

— Изволь. Только потом меня ни в чём не обвиняй, — он посмотрел Игорю прямо в глаза. Тот отмахнулся.

— После приезда Ларисы у вас состоялось бы довольно бурное расставание. С разрыванием фотографий, взаимными обвинениями и прочими радостями жизни. Она бы тебе заявила что беременна от другого, потому что ты. В общем обычный бабский гон.

— Как так беременна?! — вытаращился Игорь.

— Да вот так. Перед самым отъездом её пригласил на чашку

винца один коллега по работе, накаченный такой тренер по фитнесу. Ну и стал ей по ушам ездить. То да сё, да накой тебе этот лабух?. Другое дело — я. Хочу семью, и родители у меня богатые.

— Блядь, так я и знал, — проблеял Игорь, — То-то она мне первая позвонила и стала втирать как ей жаль, что поругались и что любовь-морковь. Вот с-сука! — прошипел он со злобой.

— Ты сам хорош, — парировал Юрий, — Либо дай женщине, то что она хочет, либо держись от неё подальше.

— Ну хорошо, хер с этой Лоркой, — протараторил Игорь, — А со мной-то что?!

— А тут — ветвление, как в программе — «если-то-иначе». [117]

Юрий материализовал их прежний столик и кормушку для кота на полу. На подносе в кружках был крепкий кофе, блюдце с шоколадными конфетами, сигареты и пепельница. Игорь придвинул поближе своё кресло, а кот — стал жадно чавкать едой в кормушке.

— Короче, варианты примерно следующие, — сказал Юрий, — Тут правда зависит, как ты поступишь в конкретной ситуации. Поведёшься ли на управляющие сигналы Герконов в твоей башке.

Вариант номер раз. Ты с моей помощью его уже прошёл. Толкнул бомжа — попал в тюрягу. Правда, вышел бы через три года по амнистии из-за всеобщей мобилизации.

— Чего?! — поперхнулся кофе Игорь? — Война?!

— Ага, — спокойно ответил Юрий, — бойня всех со всеми. Начнётся как обычная, а потом пойдут в ход ракеты с термоядерной головой типа «земля-пиндык». Ну и кое-какие герконовские подарки, о которых пока по ящику не говорят.

А ты, Игорь, соответственно, повторишь ратный подвиг пушечного мяса. Ты с «калашом», а тебя накрывает ударной волной.

Ну про гопоту, я думаю, ты уже понял. Тебя бы Вертер пырнул ножом, и ты бы умер прямо там, в углу площади, либо позже — в машине «скорой».

Но мои шары сей исход предотвратили. Вместо этого историей стал Вертер.

Следующий вариант. Мы не встретились или ты ушёл. Лариса тебя бросила, ты сорвался в штопор. Бухаешь напрополую. Вечером, пойдя за догоняловом, опять же начинаешь рамсить с какими-то быками. И опять — либо тебя избивают и ты умираешь в больничке, либо убегаешь от быков, но умираешь от опухоли мозга через пару месяцев.

— То есть, получается, мне при любых раскладах — в могилу? — спокойно спросил Игорь?

— Типа того. Но можно отсрочить. Опухоль мы убрали, пить ты больше не сможешь. Про Герконов уже в курсе, поэтому будешь мониторить ситуацию — а твои ли это мысли. И не станешь лезть на рожон. Правда не исключён вариант с «несчастным случаем».

— Чем же я этой пидорве так насолил, — удивился Игорь, — что они меня не просто доят, но и вообще хотят грохнуть?

— А ты сам подумай. Душа у тебя вольная. Разрядят в ноль — много энергии. А упустят времечко, ты духовно-личностно ещё подрастёшь, и вообще от них смоешься на Сервер. Уйдёшь в «нирвану», так сказать. А после нашей встречи — так они теперь вообще от тебя не отстанут.

— Ну я-то понятно, — Игорь грустно усмехнулся, — а с мамой что?

— Если бы тебя посадили — умерла бы вскоре после суда. Если бы умер ты — прожила бы год. У ней сердце шалит, сам знаешь. А коли я бы ей сердце исправил — опять же война через три года.

— Юр, я сейчас тебе глупый вопрос задам.

— Валяй, — махну рукой Юрий, — Тем более их уже столько было. Ладно, не обижайся.

— А что если отрезать нахрен каналы герконэта от Земли? Да! Отрезать и поставить вокруг планеты блокировку от них, ну чтоб заново не подключили?

— А ты, Игорёк, мудрец, ага. Сионский, блядь! — съязвил Юрий, — Ну неужели ты думаешь, что их это остановит? Да они прямо завтра начнут вооружённое вторжение. И история пятой цивилизации Земли закончится через неделю.

— Шах и мат! Герконы начинают и выигрывают. — ударил по коленям Игорь.

34

Надежда Петровна, отдохнув после целого дня, проведённого в огороде, зашла на кухню и включила свет. На улице уже начинало смеркаться, да и вообще пора было ужинать.

Маленькая кухонька дачного домика была плотно заставлена банками и баночками с соленьями, вареньями и прочей консервированной снедью со своего огорода. Она зажгла огонь на старой польской газовой плите и поставила пузатый светло-жёлтый чайник. Потом включила маленький кинескопный телевизор на канал новостей.

В новостях диктор с лицом человекообразного робота увлечённой скороговоркой рассказывал об очередном политико-экономическом кризисе, удачных переговорах и новых «угрозах и вызовах» неспокойного века.

Она отключила диктору звук, и принялась привычно накрывать на стол.

— Вот сколько живу на свете, — подумала она, — а как ни включишь новости или откроешь газету, вечно не понос, так золотуха. Когда же весь бардак в мире уляжется? Когда прекратится делёж чужого и своего? Когда же люди наконец-то поумнеют, и станут, как Игорёк говорит, человеками?!

Расставив на столе нехитрый столовый инвентарь, Надежда Петровна вышла на небольшую террасу, и подошла к допотопному холодильнику. В этот момент ей показалось, что на улице жалобно скрипнула калитка.

— Кто это там? — подумала она, и закрыв холодильник вышла на улицу.

— Привет, мамуль! Не ожидала? — на ходу помахал рукой Игорь.

— Вот это сюрприз, Игорёк! — всплеснула руками Надежда Петровна, — Только что о тебе подумала, а ты тут как тут! Да ещё и с друзьями. Проходите скорее в дом, чайник, поди, уже закипел.

— А мы, как раз тортик по дороге прихватили, — сказал Юрий, — Не бог весть что, но всё же не с пустыми руками, а то как-то неудобно получается! — и они прошли на застеклённую террасу.

— Ну что, давайте знакомится! — сказал Игорь, — Это моя замечательная мама — Надежда Петровна, — а это — Юлия и Юра, мои друзья и коллеги по работе.

— У вас такой красивый сад, Надежда Петровна, — промолвила Юлия с улыбкой, — И огород — прямо как с картинки!

— Ой, спасибо, Юлечка, — ответила Надежда Петровна, — стараюсь! Всё сама. Игорь-то вечно на работе. Правда, иногда приезжает, помогает. Но в грядку его не загонишь.

Они вчетвером прошли на кухню и расселись за небольшим прямоугольным столом. Юлия и Юрий сели на диванчик возле окна, Надежда Петровна села напротив них, а Игорь уселся во главе стола.

— А я и не ждала гостей так поздно, — сказала Надежда Петровна, — Вы наверное голодные?

— Да не, мам, — сказал Игорь разрезая торт, — мы перекусили по дороге, пока сюда ехали, а чаю сейчас попьём. Тут недалеко, в городке есть дата-центр, который наша контора кормит Интернетом. Случился аврал, вот нас и вызвали устранять. На обратном пути решили к тебе заскочить.

— Ладно, давайте пить чай, — сказала Надежда Петровна, — Может всё-таки что-нибудь поедите?

— Мы не на долго, Надежда Петровна, — сказал Юрий, — Ещё надо заехать в офис, сдать оборудование, а то начальство у нас строгое, — он хитро посмотрел на Игоря.

— Ты что, Игорёк, коллег обижать стал, как повысили? — спросила Надежда Петровна.

— Что вы, Надежда Петровна, — промолвила Юлия, — Игорь очень хороший человек. И к тому же — талантливый музыкант. Я слышала как он играет на клавишах.

— Спасибо за похвалы, Юлия! Право, я не достоин, — сказал Игорь и потупился.

И они стали пить чай с вишнёвым тортом, который материализовала Юлия с одной из планет Содружества Амига.

— Ладно, — вздохнул Игорь под конец чаепития, — вечер поздний, дорога дальняя, надо ехать. Спасибо, мамуль за вкусный чай, но нам пора.

— Это вам спасибо, что заехали! Я так рада! — сказала Надежда Петровна, — Торт был просто отменный, не знала что такие можно купить в магазине.

— Это, мам, Юлия выбирала, — сказал с улыбкой Игорь, — Вкус просто неземной!

Юлия и Юрий уголками глаз озорно посмотрели друг на друга, а потом они вчетвером весело рассмеялись удачной шутке Игоря. После этого они вместе вышли на улицу.

— Спасибо вам, Надежда Петровна, за чай, — сказал Юрий, — Очень рады были познакомиться! И спасибо, что воспитали такого чудесного сына.

— Простите нас, если что, — промолвила Юлия, — Мы без приглашения, и не можем задержаться подольше. — она обняла

Надежду Петровну, — Мы с вами ещё обязательно увидимся!

— Игорь, мы тебя ждём у машины, — сказал Юрий, и они с Юлией направились к калитке.

— Да, мамуль, спасибо тебе, — сказал Игорь, — Прости за то что нагрубил по телефону. — он обнял мать и поцеловал в щёку, — Я очень тебя люблю.

— Я не обижаюсь, Игорёк. Я всё понимаю, — сказала Надежда Петровна, и на её глазах выступили слёзы.

Игорь повернулся и не оборачиваясь пошёл к калитке. Выйдя за калитку, он ещё раз посмотрел на маму, которая всё ещё стояла на пороге террасы маленького дачного домика. Он помахал ей рукой и зашагал по узкому полутёмному дачному переулку, тускло освещённому лампами накаливания на деревянных столбах.

35

Он подошёл к перекрёстку переулка с центральной дорогой дачного посёлка, где у старого и давно неиспользуемого колодца, в свете тусклого фонаря на столбе, возле белой Тойоты Камри его ждали Юлия и Юрий. Подойдя к ним, Игорь сказал:

— Я готов, — и сел на заднее сиденье, где всё это время возлежал кот. Юрий сел за руль, а Юлия — рядом с Игорем.

Они тронулись в путь, и выехали за территорию посёлка.

— Ты хорошо всё взвесил? — строго спросил Юрий, — Ты осознаёшь последствия лично для себя?

— Да, — спокойно ответил Игорь, — Юлия, пожалуйста, позаботьтесь о моей маме… после всего этого.

— Обещаю, — ответила Юлия, грустно улыбнувшись, — у нас ей будет хорошо. Прощай, Игорь, — и она исчезла.

— Тогда без лишних слов — за дело, — сказал Юрий.

Проехав километра два по пустой неосвещённой дороге, белая Тойота стремительно, почти вертикально взмыла в небо, на ходу превращаясь в обыкновенную летающую тарелку, и став невидимой, умчалась на недоступной воображению скорости по направлению к центру Москвы.

Через мгновение Игорь, Юрий и кот снова оказались в прокуренной комнате, заваленной компьютерным хламом. Юрий с котом вновь расположились на диванчике, а Игорь полез в шкаф и стал суетливо рыться внутри.

— Вот же блин! — бубнил он под нос, — В такой день и нечего надеть. Юр, я щас. Блин! — он вытаскивал и бросал на пол свои шмотки.

— Не суетись, Игорёк, спешить некуда, — сказал Юрий прикуривая.

— А всё-таки удобно переместиться назад во времени. Только что была глубокая ночь, а тут бах! И снова вечер. Круто! — он на секунду перестал суетиться, и высунувшись из шкафа посмотрел на Юрия.

— Спасибо, что вы с Юлией помогли увидеться с матерью.

— Это тебе спасибо, что решил мне помочь, — ответил Юрий со значением, — Всегда нужен хотя бы один из представителей планеты, кто всё поймёт и согласится на такое. Кто возьмёт на себя ответственность и примет последствия.

— Во, нашёл, — Игорь продемонстрировал Юрию чёрную футболку с «Весёлым Роджером»[118] и чёрные очки как у Терминатора из фильма.

Умывшись и переодевшись во вновь обретённую футболку,

Игорь обулся в старые кеды.

— А где этот грёбаный ноут в грёбаной серой сумке? — спросил он.

— Туточки, — с беззаботным видом ответил Юрий, извлекая из-под дивана символ сисадминского рабства.

— Ну что? — сказал Игорь, — Напихаем блестящих шаров Герконам под хвост?! — и ощерившись злобной улыбкой, он напялил чёрные терминаторские очки себе на нос.

— Да не вопрос, начальник! — комедийно-пьяным голосом ответил Юрий, — Кот, ты остаёшься за главного.

Комната подёрнулась пеленой нерезкости, и они с Юрием снова очутились в скверике возле своей старой знакомой скамейки.

Был ещё не поздний вечер, только начало смеркаться, но вокруг не было ни души. Уже горели фонари, и к их свету слеталась первая мошкара.

Юрий и Игорь присели на лавочку — каждый на своё старое место. Юрий материализовал блестящие шарики, а Игорь сдвинул очки на лоб.

— А всё-таки, Юр, зачем ты в «мою» комнату, вместо гладильной доски вкрячил синтезатор? Чтобы запустить процесс вспоминания?

— Ага.

— Блин, жалко конечно, что синт купил, а толком так и не поиграл на нём.

— Зато ты на Амиге так отжёг, что Юлия аж прослезилась, — ответил Юрий, — а это, поверь мне, дорогого стоит, — добавил он со теплотой в голосе.

— Да ну, брось, Юр! Я же догадался, что это Юлия мне мелодии подсказывала, когда я ещё в школе учился. То двух нот связать не мог, а то меня как прорвало.

— Ты, похоже, теперь тоже мысли читаешь! — улыбнулся Юрий и подмигнул.

— Ну что, — спросил Игорь, — приступаем?

Юрий дал ему одну блестящую сферу, и они, наклонившись, поместили их сантиметрах в десяти над асфальтом. Затем отпустили. Сферы неподвижно зависли в воздухе, и потеряв блеск, стали медленно опускаться. Игорь с интересом наблюдал.

Достигнув поверхности асфальта, сферы, как горячий нож в масло, погрузились в него, и исчезли из виду в двух идеально круглых лунках.

— Прожгли? — спросил Игорь.

— Неа. Они просто убирают материю вокруг себя. А так — абсолютно холодные, — беззаботно ответил Юрий.

— И когда начнется?

— Десять минут ещё есть, пока сферы доползут до земного ядра. Тут нельзя резко.

— А потом? — перебил Игорь, откидываясь на спинку скамейки.

— А «потом» — уже не будет. — Юрий повернулся к нему, и глядя в глаза спросил:

— Страшно?

— Да ну нахер! — отмахнулся Игорь, — Это мой последний поцелуй этому грёбаному городу. Этой грёбаной стране. Этой затраханой до смети Герконами планетке и её обитателям, которые не хотят открыть свой разум и душу. Увидеть — что они есть. Которые не хотят взглянуть правде в глаза и узреть Истину!

Игорь вскочил на скамейку, словно на трибуну, и разразился настолько длинной и чудовищно-матерной скороговоркой, что покраснела бы даже Луна, имей она уши!

Успокоившись и отдышавшись, Игорь слез со скамейки, и встав напротив Юрия, заглянул в его глубокие печальные глаза.

— «Страшно»?! Да мне первый раз за всю жизнь по-настоящему хорошо.

Игорь сел на своё место и спросил:

— И много уже у тебя на счету таких герконских кормушек?

— Пока не очень, — равнодушно-бесцветным голосом ответил Юрий, — Эта будет триста восьмая, — он помолчал и добавил, — Никогда не думал что придётся расхреначить собственную, так сказать, колыбель. Ну раз нет другого выхода.

— Дурацкая, в сущности, ситуация, — хмыкнул Игорь, — Обратиться за помощью, спасти планету и человеков — так это надо целый пленум собирать. А чтоб уничтожить — так одного никчемного сисадмина достаточно.

— Ну так уж и никчёмного, — Юрий хлопнул Игоря по плечу, — Ты же никого не убиваешь. Все и так, по сути, всю жизнь мертвы. Ты всех освобождаешь. Понял, дуралей лохматый?

— Понял, — равнодушно ответил тот, — Освобождение. Дар абсолютной свободы. Через мнимое наказание.

— Собственно, с чего у нас сегодня разговор-то и начался.

— И что теперь станет с душами… сущностями? — спросил Игорь.

— Станут свободными. Станут развиваться. А совсем уж гнилые, как тот же Вертер. Ну те растворятся, уйдут в обезличивание. Перестанут быть.

— Как и я. — устало выдохнул Игорь.

— Да, Игорь, ты заплатил огромную цену. Лишиться единственного, что у тебя есть — собственной души — это

поступок.

— А, перестань, — отмахнулся тот, — Давай чтоли покурим на дорожку.

Они закурили свой любимый Кэптэн Блэк и сидели молча, наслаждаясь остатками последнего вечера на планете Земля.

— Ладно, Юра, тебе пора, — они встали со скамейки, и не сговариваясь, щелчком пульнули окурки в лавочку, которая была напротив них, и весь вечер мозолила глаза.

Они распрощались молча, просто пожав друг другу руки. Без объятий, похлопываний по спине, громких слов и прочей сентиментальной чуши.

Юрий исчез во вновь зависшей над аллеей сквера летающей тарелке, которая затем медленно поднялась в вечернее небо, и поплыла куда-то вдоль бульвара по направлению к площади.

Игорь вернулся на лавочку, и словно заправский бомж, улёгся на неё, подложив под голову сумку с ноутбуком. Потом надвинул на глаза чёрные очки и сложил на груди руки.

А примерно через две минуты в долгой и полной невыразимого трагизма истории планеты Земля была поставлена финальная точка.

Посвящается последним Человекам.
Декабрь 2014

notes

Примечания

1

Воланд, Берлиоз и др. — персонажи романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова.

2

Синтезатор (жарг.)

3

Извините (фр.)

4

Комп (жарг.) — компьютер.

5

«Терминатор» — робот-киборг из одноимённого кинофильма.

6

Системный администратор (сокр.) — специалист по настройке и управлению компьютерными сетями. В российских реалиях — компьютерщик широкого профиля.

7

В. Цой, «Пачка сигарет».

8

Компьютер-ноутбук (жарг.)

9

Гироскоп — устройство, способное реагировать на изменение углов ориентации.

10

Инет (сокр.) — сеть Интернет.

11

Выражение из фильма «Бриллиантовая рука», означает «Поспеши!».

12

Привет! (англ.)

13

Моя дорогая (англ.)

14

Как ты? (исп.)

15

Всё хорошо? (фр.)

16

Файлообменные сети внутри сети Интернет.

17

Высшее образование.

18

ROlez (англ.) — жаргонизм, обозначающий «хороший», «правильный».

19

Услуга, позволяющая совершать звонки из «чужой» сотовой сети.

20

Амер. жаргонизм, означающий приблизительно «Я не против», «Ради бога».

21

То же что и «неформалы».

22

«Всепроникающая среда» в концепции Р. Декарта.

23

Стёб (жарг.) — насмешка, несерьёзное отношение.

24

Разновидность пива.

25

Артур Гиннесс (1725–1803), ирландский пивовар.

26

Посмертные испытания души на виновность в различных грехах (религ.)

27

Косая черта — \ или /

28

Психиатрическая больница (жарг.)

29

Шампанское (жарг.)

30

Одна из египетских пирамид.

31

Мы все живём в Америке, Америке, Америке (англ.), Rammstein, «Amerika».

32

«Потрахайся хорошенько» (англ.)

33

Дисковая шлифовальная машина.

34

Москва никогда не спит (англ.), DJ Smash, «Moscow never sleeps».

35

«Вечера на хуторе близ Диканьки» — название книги Н. Гоголя.

36

«Пиндосы», «амеры» — пренебрежительное прозвище американцев.

37

LSD — психотропный наркотический препарат.

38

Мифолог. персонаж. Синоним зомби, чего-либо управляемого извне.

39

Перепугался, впал в подозрительность (жарг.)

40

Control-Z или Undo — команда отмены последнего действия в программах.

41

Единица информации в компьютере.

42

Приёмник сигналов (англ.)

43

Устройство (англ.), также применяется для обозначения любой вещи (жарг.)

44

Стили электронной музыки.

45

«Быть у хозяина» — сидеть в тюрьме (жарг.)

46

Сотрудник «особого отдела», спецслужб (жарг.)

47

Очень просто (англ.)

48

Содержимое (англ.)

49

Специалист службы технической поддержки (жарг.)

Оконечное пользовательское оборудование. Либо окно ввода команд в UNIX-подобных операционных системах.

51

Популярная компьютерная игра.

52

«Водка Внутри» (англ.)

53

Потерпевший, жертва (жарг.)

Понял? (нем.)

55

Выкрик при уколе соперника рапирой в фехтовании (фр.)

56

Облегчение после сильного чувственного напряжения.

Винчестер — жёсткий диск компьютера.

«Пожалуйста» или «Не за что» (англ.)

59

Фернандель (1903–1971), французский актёр-комик.

60

Игра слов. Имеется ввиду материнская (основная, системная) плата компьютера производства компании ASUSTeK (брэнд Asus).

61

«Мыло» — электронная почта (жарг.)

Биллинг (англ.) — учёт и списание денег за услуги.

63

«Центр обработки данных» — помещение для серверов.

Автомобиль ВАЗ-2106.

65

От назв. программы Photoshop. Имя нарицательное, синоним ретуши.

66

Накопитель на энергонезависимой памяти.

«Взломал», получил несанкционированный доступ.

68

Марка спортивных автомобилей.

Бюргер (нем.) — «горожанин», синоним обывателя.

70

Сокр. от «винчестера», (жарг.)

71

Пассажирский самолёт компании Airbus.

Апгрейд (англ.) — усовершенствование.

Первоначальных, заводских (англ.)

Проектор звёздного неба, атрибут любого планетария.

75

В широком смысле — устройство (программа) для взаимодействия одного с другим.

Буфер-накопитель данных в вычислительных устройствах.

77

Название туалета на флоте.

78

Стивен Кинг — американский писатель, работающий в жанре фантастики и ужасов.

79

Сварщик (жарг.)

80

Обоюдная вина обоих участников ДТП.

81

«Синька», «депруха» — запой и депрессия, соответственно (жарг.)

82

Магазин беспошлинной торговли (англ.)

83

Вымышленный персонаж серии приключенческих фильмов. Археолог-авантюрист.

84

Альфред Хичкок (1899–1980), американский кинорежиссёр. Известен своими напряжёнными фильмами с неожиданными финалами.

85

Пренебрежительное название транспортного средства.

86

Роутер (англ.) или маршрутизатор — неотъемлемый компонент компьютерных сетей со сложной топологией.

87

От слова «смарт-фон» — мобильный телефон с функционалом карманного компьютера.

88

От англ. Information Technology, IT (сокр. чит. «Ай-Ти») — работник сферы «информационных технологий» — пафосное название компьютерщиков.

89

Британский пароход «Титаник», который затонул при столкновении с айсбергом.

Всё включено (англ.)

91

Резорт (англ.) — пансионат или небольшой отель.

VPN — «виртуальная частная сеть».

93

В. Асмолов, «Ты и я».

Н. Заболотский, «Не позволяй душе лениться».

95

Наутилус Помпилиус, «Я хочу быть с тобой».

96

Виктор Пелевин — современный российски писатель, произведения которого тяготеют к мистике и нестандартной философии.

«Хребтовая кость» (англ.) — магистральный канал, соединяющий сетевые сегменты в единую систему.

98

Американский кинофильм в жанре фантастики.

99

Речевой центр мозга (жарг.)

Т.е. «вложил внутрь» уже существующих «пакетов данных» (усл.)

101

Выражение из фильма «Три мушкетёра».

102

Древний город-раскопка в Пакистане (ок. 3500 лет). Есть версия его гибели при термоядерном ударе.

103

Махабхарата — древнеиндийский эпос.

104

Канкан — французский танец.

105

Прибыль, навар (ивр.)

106

Точнее «аутсорсинг» (англ.) — привлечение сторонних лиц или организаций к какой-либо деятельности внутри компании.

107

Французский фильм в жанре сатиры по одноимённому роману Ф. Бегбедера.

108

Развивать, усиливать, улучшать (жарг.)

109

Переселение души после смерти в новое тело, необязательно человеческое.

110

Схематично древовидная структура событий и последствий. Применяется в аналитике.

111

Вложение само в себя, либо структура наподобие фрактала.

112

«Умная папка» или Smart Folder (англ.) — директория («папка»), которой можно задать какой-либо сценарий обработки содержимого в соответствии с некоторыми критериями. Например, пакетное переименование или сортировка файлов по другим «папкам».

113

Секвенсор (англ.) — устройство для автоматического проигрывания записанных партий.

114

Религиозно-философский термин, означающий причинно-следственную связь.

115

От слова «потрахаться» (жарг.)

Здесь: «воинов-зомби».

117

Следующее действие зависит от того, выполняется ли заданное условие.

118

«Эмблема» пиратов — череп со скрещёнными костями.